

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2010

Содержание

1. ЕЖИ ГЕДРОЙЦ: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД
2. «КУЛЬТУРА» С УКРАИНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
3. ВСЕ КРИТИКИ ГЕДРОЙЦА
4. ГОВОРIT ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПАРИЖСКОЙ «КУЛЬТУРЫ» В ПОЛЬШЕ
5. ЛОГОТИП «СОЛИДАРНОСТИ»: 1980-2010
6. ПОЛЬША — РОССИЯ: ПОРА ПЕРЕМЕН!
7. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
8. В 1980-1981 ГОДУ В ЦЕНТРЕ СТОЯЛА ПОЛЬША
9. ЖИЗНЬ И МИЛОСТЬ
10. ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ
11. ТРЕЗВО О ПАСТЕРНАКЕ
12. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — АВАНГАРД НАРОДА
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. СВЯТОГО ГЕОРГИЯ — В ХОРОШИЕ РУКИ
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ЕЖИ ГЕДРОЙЦ: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Начав упорядочивать свои мысли о Ежи Гедройце, я вдруг подумала: с кем его можно сравнить в российской культурной и политической жизни? И оказалось, что в России нет такого явления, каким был он — Гедройц. Можно, конечно, напрячь воображение и придумать некое среднее арифметическое — из Солженицына, Твардовского, Максимова, Синявского... Но личности, которая бы воплощала в себе и мыслителя, и редактора, и человека с политическим видением, и организатора оппозиционной элиты, и учителя новых поколений, и архитектора новой внешней политики, в России так и не появилось. Впрочем, вряд ли можно найти такую личность и в других странах. Он был уникальным для нашего времени человеком. По своему интеллектуальному потенциалу, масштабу видения и той энергии, с которой он десятилетия воплощал свое видение, — это, несомненно, был человек Возрождения, непонятно какими судьбами занесенный в наше странное время, в котором скорее доминируют и чувствуют себя уютно прагматики и те, кто приспосабливается к реальности, а не пытается ее переделывать.

Я не претендую на глубокое знание явления, которым был Ежи Гедройц. Но даже весьма поверхностного взгляда на его жизнь, вернее на его жизненный подвиг, достаточно для того, чтобы выразить удивление и восхищение самим фактом возможности жить и сделать прорыв сразу в нескольких измерениях. Возможно, даже скорее вероятно, я повторяю то, что уже сказали много раз до меня и еще скажут после меня. Но меня поражает именно его способность мыслить и действовать в «разных эшелонах». Вот только основные интеллектуальные и политические прорывы этого человека. Он работал над антикоммунистическим по своей сути катехизисом нравственного и политического поведения. Он стал живым критерием того, что нравственно, а что нет. Фактически своей жизнью Гедройц предложил пример альтернативного мышления в ситуации государственного давления. И в этом его вклад не только в европейскую интеллектуальную мысль, но и в размышления об общественной трансформации тоталитарного общества.

Гедройц предлагал отказаться от привычных стереотипов в мышлении. Именно он дал пример, как нужно освободиться от мифов, которые наслоились в отношениях между поляками, украинцами, литовцами, русскими. Он сумел если не консолидировать то, что, казалось, невозможно сплотить, — эмигрантскую оппозицию, то по крайней мере облегчить ей достижение единого понимания основных истин. Что уже не мало. Он создал интеллектуальную среду и политические критерии для формирования института польской оппозиции.

Гедройц, наконец, предложил совершенно новое видение международных отношений и нового европейского порядка. В чем оно состояло? Да в том, что он призвал поляков (и не только их) признать право украинцев на самостоятельное государство. И сделал это тогда, когда польское общество было не готово отказаться от идеи Великой Польши. Независимая Украина означала и проговоренную таким образом идею неизбежности распада СССР — мысль, долгие десятилетия совершенно абсурдную даже для большинства критиков СССР и советских диссидентов. Но именно это и означала идея независимости Украины. Да, эта идея казалась не просто идеализмом. Это была сумасбродная фантастика — даже еще в 1980-е годы. Но оказалось, что Гедройц был большим провидцем, чем многие политики и политические лидеры. Он предвидел то, что казалось невозможным, и размышлял о новой Европе до того, как французы и немцы начали мечтать о европейской общности.

Вы мне напомните, что он создал такой институт, как парижская «Культура». Я не забываю об этом. Упомяну и публикации книг, которые стали вкладом в культурную жизнь европейского, не только польского общества. Но все же «Культура», думаю, была для него скорее инструментом реализации его Трансформационного Проекта.

Гедройц учил не бояться большинства и не опасаться общепринятых истин. Как-то выступая в Москве перед русской интеллигенцией, Адам Михник вспоминал: «Ежи Гедройц сказал мне однажды: “Не бойся. Иди против большинства. Иди против стереотипов, против табу. В первую минуту ты получишь все дерьмо страны. Но потом они, может быть, увидят, что ты серьезно, и начнут тебя уважать”». Не все, правда, имеют мужество следовать такому совету.

Гедройц был велик еще и потому, что вокруг него концентрировались, собирались великие люди. Как хорошо бы нам их внести в российский культурный и политический контекст. Чего только стоит имя Юзефа Чапского, который

принадлежит и русской культуре и истории, хотя бы благодаря своей встрече с Анной Ахматовой. Без Гедройца не было бы, возможно, и Чеслава Милоша, которому он весьма помог на начальных этапах эмиграции. И это особое качество великого человека — его способность помочь другому гению. А вот еще одно имя: Юлиуш Мерошевский, вместе с которым Гедройц сформулировал свое новое видение не просто внешней политики Польши, но и нового типа международных отношений, которые включали независимую Украину, Белоруссию и Литву.

Удивительно, но это был человек не только идей и прозрений. Он был человек, который знал, как их осуществлять. Он знал, как организовать диалог между теми, кто не понимал друг друга. Консолидация польского диссидентства и оппозиции за рубежами Польши — это его заслуга. Он же показал пример, как можно объединиться советскому диссидентству и опять таки вокруг печатного органа, которым стал «Континент». Именно Гедройц и его «Культура» помогали Максимову начать издание «Континента» и формировать его базу поддержки и аудиторию. Поляки учили советских диссидентов тому, как создавать институты влияния.

Я помню, как мы, студенты МГИМО, получали допуск в спецхран Института общественных наук для того, чтобы прийти первыми и сесть читать «Континент». Это было тогда наше окно в большой и другой мир. Тогда в тамошнем «спецхране» не получали парижскую «Культуру». Но именно из «Континента» я лично узнала и о парижской «Культуре», и о Гедройце. Для российского диссидентского движения именно «Культура» была примером для подражания и доказательством того, что невозможное возможно, в частности, сотрудничество между разными группами оппозиции.

Удивительно, как Гедройц актуален сегодня. Возможно, он сам не хотел бы оставаться таким актуальным. Ведь этот факт означает, что не все проблемы, которые он пытался решить, решены.

Давайте поразмышляем, в чем Гедройц остается современным. Он боролся с комплексами и в первую очередь с подозрительностью в отношениях между поляками и русскими. Между тем, их взаимная нелюбовь была сильна не только во времена Пушкина и Достоевского. Приведу известные слова Милоша, который констатировал: «Поляки и русские друг друга не любят. Точней, испытывают друг к другу самые разные неприязненные чувства от презрения до ненависти, что,

впрочем, не исключает какой-то непонятной взаимной тяги, всегда, тем не менее, окрашенной недоверием».

Можно ли считать, что проблема этой, казалось бы, хронической взаимной «нелюбви» решена? Можно ли со спокойной совестью сказать: «Мы доверяем другу, и у нас больше нет подозрительности в отношении друг друга. Мы покончили со своей взаимной предубежденностью»? Во многом благодаря Гедройцу и его «школе» два общества начали преодолевать свои предубеждения. Так и хочется сказать: преодолели! Но думаю, что пока оптимизм был бы преждевременен. И причина тому — не только исторические корни и драматическая судьба Польши, ответственность за которую несет Россия. Сохраняется политический, а если точнее, системный фактор, который разделяет две нации. Он сводится к тому, что Россия и Польша упорядочивают себя на основе разных принципов. Россия всё еще строит себя через единовластие. Польша выбрала другие принципы государственного устройства и отношений между властью и обществом. Между обществами, которые смотрят на мир через разную систему критериев и ценностей, не может быть единодушия и единомыслия и, конечно же, полного доверия.

Понаблюдайте за российской политической «элитой». Она всё еще пытается найти обоснование для монополии на власть, и это обоснование ей видится в первую очередь в поиске врага либо по крайней мере аллергена. Польша всегда была среди первых кандидатов на эту роль. «Ну что вы преувеличиваете, — скажет читатель, в том числе и среди польской аудитории. — Вы что, не видите национального примирения поляков и россиян после последней катынской трагедии?!» Да, нужно отдать должное российским лидерам: когда уже в 2010 г. вблизи Смоленска, почти там же, где произошла первая катынская трагедия, погиб польский президент и немалая часть польской элиты, они нашли нужные слова и сделали в отношении Польши необходимые жесты. «Наши сердца дрогнули», — писали тогда известные польские публицисты. Это ведь до какой степени враждебности можно было дойти в наших отношениях, если нормальные слова соболезнования были восприняты как поворот в отношениях! Что же, можно только радоваться тому, что началось потепление в российско-польских отношениях. И если польская элита и польское общество удовлетворены жестами российской стороны, что же, так тому и быть! Но лично для меня, как и для многих других российских либералов, этих жестов российской власти недостаточно для того, чтобы мы поверили, что отношения России и Польши будут впредь безоблачны. Сохранение в

России персоналистской власти означает, что всегда могут появиться поводы для напряженности со страной, которая избрала иной способ жизни.

Поэтому и сегодня востребована миссия «Новой Польши» и ее главного редактора Ежи Помяновского, которые продолжают дело своего предшественника — Ежи Гедройца. В нашем коллективном сознании еще остались стереотипы, с которыми приходится спорить и которые еще предстоит выкорчевывать. Самое главное — сохраняются объективные обстоятельства, которые могут возродить и даже усилить наши предубеждения в отношении друг друга.

Еще одно измерение в видении Гедройца, которое остается сегодня актуальным, — это его отношение к Украине. Его новая «восточная политика» Польши имела значение не только для сферы международных отношений. Независимая и свободная Украина означала и конец традиционной советской империи, а следовательно, трансформацию России. Словом, Украина была ключом не только к решению проблем новой Польши. Украина в восприятии Гедройца, насколько я понимаю, была и одним из решающих факторов для преобразования СССР. Эти мысли десятки лет тому назад были революционными. Они сохраняют свое значение и сегодня. Почему? Да потому, что, к сожалению, посткоммунистическая Россия так и не смогла выбраться из своей исторической западни. Российская верхушка видит сохранение сфер привилегированных интересов в качестве одной из основных опор своей матрицы. В свою очередь Украина остается по существу ядром этой матрицы. Да, именно Украина как «колыбель» российского государства, как не устают повторять российские традиционалисты. Украина до сих пор воспринимается как часть российской «галактики». Украина — это «не государство вовсе», убеждал Владимир Путин тогдашнего американского президента Буша-младшего в 2008 г. в Бухаресте. Соглашусь с Ежи Помяновским: «Без Украины империи не будет, а эксгумация империи — это самое страшное, что грозит нам с востока».

Именно на Украине и на своем отношении к украинской независимости ломаются многие российские мыслители и даже либералы. Так что если идея независимой Украины была в свое время важна для самоопределения поляков, то теперь эта же идея исключительно важна для поиска своей новой идентичности россиянами.

Кстати, именно Гедройц, как говорят в своих воспоминаниях многие советские диссиденты, учил их интересоваться украинской культурой и политической мыслью. Он начал их

приучать к тому, что украинцы — это самостоятельная нация со своей историей и собственной драмой. «Континент» из всех диссидентских изданий первым поставил вопрос о независимости Украины. И, боюсь ошибиться, но кажется, почти уверена, что Максимов и его коллеги это сделали не без влияния Гедройца. В те времена многие даже среди демократически настроенной интеллигенции в СССР и мысли не допускали о возможности существования независимой Украины.

Благодаря Ежи Гедройцу и его «кружку» уже в 1970-е гг. (и даже несколько ранее) между польскими и советскими диссидентами возникла доверительная общность, которая позволила им пережить периоды подозрительности между Польшей и Россией. Такие люди, как Виктор Некрасов, Александр Галич, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Андрей Синявский, Иосиф Бродский, Владимир Максимов с российской стороны и Ежи Гедройц и его соратники, в первую очередь Юзеф Чапский и Густав Герлинг-Грудзинский, создавали доверие и взаимопонимание между русской и польской интеллигенцией, которые стали их принципом и кредо.

Сегодня России так и не удалось закрыть последнюю главу своего прошлого — мы всё еще там застряли. Страна оказалась не просто в тупике. Понимание тупика содержит в себе и возможность поисков выхода! Россия же оказалась в состоянии паралича — ни вперед, ни назад. Большинство общества не хочет и дальше скатываться к тоталитарному состоянию. В свою очередь верхи не могут вернуть туда Россию — даже если бы и очень того захотели. Но нет и интеллектуального ресурса, а главное — мужества для движения вперед. В этой ситуации огромное значение приобретает работа мысли и существование тех, кто готов доказывать обществу и власти необходимость прорыва к новым правилам жизни и предлагать им пути этого прорыва. Это именно то, что делал Ежи Гедройц для будущего Польши. И именно здесь есть поле для нового сотрудничества польской и российской интеллигенции. Поляки, которые уже прошли трудный путь «возвращения в Европу» и усвоения либеральных стандартов, могут помочь своим российским коллегам в их проектной деятельности. «Мы это сделали, и мы это делали вот так! Здесь мы совершили ошибку — попытайтесь ее не повторить!» — вот что могут сказать нам польские коллеги. Опыт восточно-европейской трансформации исключительно важен для российского пути в Европу. Я уверена, что диалог поляков и россиян о

трансформации — это как раз и есть нынешнее воплощение «парадигмы» Ежи Гедройца.

Автор — политолог, член научного совета Московского Центра Карнеги.

«КУЛЬТУРА» С УКРАИНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Автор этих строк не намеревался писать ни воспоминания о первых знакомствах украинских читателей с парижской «Культурой», ни историю влияния этого журнала на украинское освободительное движение. Очевидно, диссиденты 60–80-х годов могли бы рассказать много интересного о влиянии «Культуры» на их мировоззрение, о формировании политической культуры украинской демократии во взаимодействии с польским движением. Не берусь давать общую оценку, осмелюсь только сказать, что в украинских условиях советских времен осмыслить общую линию «Культуры» было в лучшем случае намного тяжелее, чем в Польше. Эмигрантская печать поступала на Украину подпольным путем редко и фрагментарно, тогда как в Польше «Культуру» можно было читать в Национальной библиотеке, в университетских библиотеках и в других местах. На Украине же это была подпольная литература. В Варшаве Максиму Рыльскому, члену украинской делегации писателей, польские коллеги показали «Расстрелянное возрождение», оставив его в комнате одного; когда хозяин вернулся в комнату, Рыльский листал книгу и плакал. Парижская «Культура» действительно создавала в Польше духовную атмосферу, выделяла ключевые проблемы политики и мировоззрения, вокруг которых разгорались дискуссии. Украинское общество восприняло проблематику «Культуры» в целом с большим опозданием. Но от этого переосмысление действительности не стало ни поверхностным, ни менее точным. Наоборот, благодаря идеям, на которых основывалась политическая линия «Культуры», многие актуальные и неразрешимые проблемы уже не польской, а украинской действительности теперь становятся более понятными и выразительными.

И, наверное, первый вопрос, который появился после знакомства с изданием Гедройца: почему «Культура»? Почему, скажем, не «Политика» — тем более что так назывался журнал, который Ежи Гедройц издавал до войны? По содержанию «Культура» была именно общественно-политическим печатным органом, не похожим на многочисленные «художественно-литературные и общественно-политические журналы», к которым привык советский читатель. В

«Культуре» печатались и художественные произведения, и рецензии, в частности журнал внимательно следил за литературой украинских «шестидесятников», но все это освещалось с какой-то невероятно широкой точки зрения. Это была настоящая политика, но не в плане подчинения культурной жизни определенной политической силе, а то, что можно назвать формированием *новой политической культуры*.

Особенно полно это отразилось в знаменитой дискуссии 1952–1953 годов, которую открыла статья Юзефа Маевского о восточных границах Польши. Сама лишь попытка критического размышления над довоенными государственными границами, как известно, вызвала враждебность значительной части польской эмиграции, в том числе и читателей «Культуры», что отразилось и на тираже журнала. С точки зрения украинского читателя, тот факт, что часть патриотических польских кругов решительно отвергала мысль об «украинском Львове» и «литовском Вильнюсе» — даже тогда, когда после войны прошло семь лет и статус западных земель Украины юридически и фактически был вне сомнений, — воспринимался в лучшем случае как недоразумение. Даже теперь определенная консервативная часть польского общества оценивает национальное партизанское движение на западе Украины как обыкновенный бандитизм лишь на том основании, что если игнорировать договор Молотова — Риббентропа, то по крайней мере до момента подписания договоров между правительством СССР и люблинским коммунистическим правительством, западноукраинские земли юридически входили в состав Речи Посполитой и любое вооруженное противостояние польской власти воспринималось как незаконное.

Казалось бы, сегодня дискуссия о восточных границах Польши представляет только исторический интерес: вопрос границ давно стал обычным и неоспоримым. Может казаться курьезным, что поляки так упрямо отказывались признать очевидное. Впрочем, позиция автора вышеупомянутой статьи, свящ. Ю.Маевского, была поддержана редакцией журнала и стала его официальной позицией, а со временем победила и в общественном мнении, чтобы наконец превратиться в позицию дипломатии польского государства. Однако попробуем оставаться лишь на юридической почве.

Украинское общество — как в советской республике, так и в эмиграции — преимущественно воспринимало пересмотр границ в 1939 г. не как результат договора нацистской Германии с коммунистической Россией, а как исправление

исторической несправедливости и нечто само собой разумеющееся. Между тем, изменение государственных границ принадлежит к самым чувствительным правовым актам, в демократических конституциях оно как правило требует особых, т.н. ратификационных референдумов и по меньшей мере не может рассматриваться как обычный административный акт. Пока оно не вступит в действие согласно законам государства, никакая политическая сила не может ставить под сомнение территориальную целостность этого государства, в том числе и его границы. Государственная граница — признак политической нации.

Восточная граница Польши была установлена на основании Рижского договора, заключенного Польской Республикой и РСФСР. С юридической точки зрения, только международный акт аналогичной силы может быть противопоставлен договору о границах, который подытожил результат польско-советской войны. Изменение границ, которое привело к включению западноукраинских земель в состав СССР, было результатом так называемого пакта Молотова—Риббентропа, который расценивается международным сообществом как сговор двух диктаторов — Сталина и Гитлера и впоследствии не мог быть признан ни юридическим, ни моральным основанием включения западноукраинских земель в состав СССР (в административном отношении — в состав УССР). Впрочем, Рижский договор тоже не стал торжеством исторической справедливости, а был обусловлен конкретными историческими обстоятельствами, которые привели к военному поражению Красной армии.

Возвращение к оценке сговора Сталина с Гитлером накануне войны имело значительные общеполитические последствия. В качестве курьеза можно напомнить конфликт в верхах КПСС, вызванный первой попыткой пересмотра правового значения договоров 1939 г. комиссией Яковлева во времена перестройки. Один из консервативных партийных деятелей предупреждал тогда Горбачева и горбачевское руководство, что непризнание договоров 1939 г. может привести к ряду последствий и завершится отказом от Переяславского договора 1654 г., согласно которому Украина стала частью России. Тогда предупреждение простодушного сталиниста казалось смешным, но пересмотр всех договоренностей о статусе республик СССР, в том числе об их границах, в конце концов действительно привел к независимости Украины. Чтобы остаться на позиции «объединения» или «воссоединения украинских земель» и не защищать постыдных договоров 1939

г., следует апеллировать к Ялтинским договорам и тому подобным вещам, самым по себе довольно сомнительным.

Мы должны признать, что с точки зрения высокой теории включение западноукраинских земель в состав подсоветской Украины можно оценивать неоднозначно. Это не нарушает политической целесообразности акта воссоединения и его соответствия историческим чаяниям украинского народа. Нельзя игнорировать тот факт, что весь процесс изменения границ в направлении объединения украинских земель, занявший не менее трехсот лет, проходил под эгидой России.

Если вернуться к истории основополагающих правовых актов, которые формировали современную территорию Украины, то мы увидим немало обстоятельств, не особо приятных для украинского патриота. И определение территории так называемой Гетманщины, и разделы Польши, которые включили украинское Правобережье в состав Российской империи, насильственно присоединив его к этнической территории Украины, не могут быть оценены как акты высокой политической морали, скорее они выглядят экспансией России в западном направлении, которая естественно увенчалась договором Молотова — Риббентропа.

Эти обстоятельства давно описаны в литературе, и выдающийся украинский политический мыслитель XIX века Михаил Драгоманов подчеркнул историческое противоречие процесса формирования этой геополитической единицы, называемой Украиной. По мнению Драгоманова, естественными направлениями продвижения границ российского государства, которые отвечали потокам миграции российского населения, были восток и север. На запад потоки российской колонизации не были направлены, тем не менее энергичнее всего Российская Империя продвигалась на запад и на юг. Драгоманов мотивировал это, в частности, тем, что соседи России, в том числе Украина, находились под давлением своих западных и южных соседей — в случае Украины это были прежде всего Речь Посполитая и Османская Империя. Это приводило к пророссийской ориентации местных политических сил Украины, а также карпатского и придунайского региона, Балкан и христианского Закавказья — ориентации, которой Россия воспользовалась в полной мере.

Это объясняет и балканскую и кавказскую политику России, и наличие пророссийских сил на Украине, поддержка которых — начиная с Богдана Хмельницкого, со времен религиозных войн вплоть до галицийского москвофильства XIX–XX вв., — была по крайней мере одним из факторов, руководивших

территориальными устремлениями Российской Империи в западном и южном направлениях. Речь идет об ожиданиях, которые быстро сменялись разочарованиями, но и эти ожидания следует учесть, когда мы оцениваем факты изменения границ.

Однако главное в позиции «Культуры» относительно польско-украинской границы заключалось не в самой по себе новой оценке территориальных изменений в результате II Мировой войны. Подводя итоги дискуссии, редакция «Культуры» выразила готовность принять такую линию границы, которая бы предельно отвечала свободно и демократически выраженным чаяниям населения, живущего в зоне межнациональных конфликтов. Как конкретно должен быть организован процесс решения территориальных споров, журнал не уточнял, но настаивал на том, что процедура должна быть демократической.

Но за спорами о границах стоит более важный вопрос — вопрос о национальном суверенитете Украины. Рижский договор, который определял границу между Речью Посполитой и Советской Россией, не учитывал существования Украины как нации, ее не спрашивали, согласна ли она войти в состав той или иной страны. Конфигурация государственных границ стала последствием военной удачи — не будем вдаваться в вопрос о том, насколько это было разыграно волею случайностей в той кровавой игре, которую называют войной, а насколько стало проявлением исторической необходимости. Фактом остается, что на послевоенной политической карте мира не существовало страны «Украины», хотя существовало правительство УНР в изгнании и правительство советской Украины, которая поначалу формально считалась независимой «советской социалистической республики», находящейся в союзных отношениях с другими «ССР», в том числе с Российской Федерацией. Признавая ту или иную линию границы между Польшей и Украиной, политик прежде всего признаёт Украину как субъект межгосударственных правовых отношений, т.е. как государство. И только тогда возникает вопрос о легитимизации, об оценке законности социального института.

В то время, когда формировалась «Культура», Украина была фактически административной единицей, т.е. провинцией, тоталитарного сверхгосударства СССР, но существование такой отдельной провинции основывалось на историко-этнографической реальности украинской нации. Формально УССР являлась частью СССР как «украинское советское

государство», связанное с другими советскими странами «союзным договором». Воспоминание о «союзном договоре» как о части конституции появилось еще в первой конституции Союза ССР, но вскоре о договоре «забыли» — хотя его и не отменили, что впоследствии было юридическим основанием выхода Украины и других «союзных республик» из состава СССР в памятный 1991 году. Тем не менее, строго говоря, страны «Украины» в 1921–1991 гг. не существовало. Это значит, что не было также и политической нации «украинцев». Это дает основание некоторым авторам использовать слово «украинцы» исключительно в кавычках, чтобы подчеркнуть отсутствие юридических оснований отделения определенной части населения на этнически украинской территории в политическую нацию украинцев. Складывается парадоксальная ситуация: существование либо отсутствие украинской нации с юридической и политической точки зрения зависит от государственного статуса территории, а политическая нация украинцев возникает и перестает существовать эпизодически, в зависимости от военно-политических факторов.

В социологической литературе эта проблема отражена в работах Тенниса (Toennies). Теннис различал нацию как *общность* и нацию как *общество* (соответственно *die Gesellschaft* и *die Gemeinschaft* либо в англоязычной литературе — *community* и *society*); первая — это совокупность социальных единиц, вторая — целостность, культурное единство, можно даже сказать ментальность, составляющая основу организованного общества. Нация как культурно-политическое общество существует и тогда, когда вследствие насилия утрачена ее политическая организация, когда нет государственной национальной структуры, но есть культурная целостность, то, что называют *польским, украинским, русским* и т.д. *духом*.

Великой заслугой журнала «Культура» и непосредственно Ежи Гедройца было то, что они открыли историческое значение той эпохи, которую сегодня единогласно называют «расстрелянным возрождением», для утверждения современного «украинского духа».

В поисках основ национальной культурной целостности-общества принято обращаться к культурным традициям, к глубинным этническим корням национальной культуры. Это свойственно романтическому мировоззрению, особенно в XIX веке. Такая связь с этнокультурными истоками автоматически ведет к ориентации на сельские культурные традиции, а тем самым — к противопоставлению западноевропейского и восточноевропейского культурных и политических регионов.

Народнически-крестьянская культурная ориентация свойственна именно востоку Европы, особенно безгосударственным народам, которые только восстанавливают свое национальное самосознание.

Будучи сторонником польско-украинского сближения, Гедройц желал как можно шире знакомить польское общество с украинской культурой. Однако с этой целью он обратился не к фольклорно-этнографическому наследию, не к казацкой романтике, которая могла бы найти поддержку в «хлопоманской» украинофильской традиции польской культуры, а к вполне современным культурным формам. Не кому иному как Гедройцу принадлежит счастливая мысль создать антологию украинской литературы 20-х годов, эпохи т.н. украинизации, которая дала примеры высокого творчества, ориентированного на европейские достижения. С этой мыслью он обратился к Юрию Шевелеву, который рекомендовал ему малоизвестного за пределами украинской эмигрантской среды литератора Юрия Лавриненка, и тот проделал всю работу составителя. Так появилась антология с бессмертным названием «Расстрелянное возрождение» — названием, которое в одночасье стало эмоционально мобилизующим и научно обоснованным термином и сыграло самостоятельную роль в становлении украинского политического и национально-культурного самосознания.

Роль термина, или, лучше сказать, идеи «расстрелянного возрождения» заключалась не только в том, что он открывал в истории украинской культуры целую эпоху прорыва к высочайшим мировым культурным вершинам и выводил Украину из круга национальных сообществ, которые держатся лишь благодаря твердой ориентации на традиции прошлого. Идея антологии возникла у Гедройца осенью 1957 г. под влиянием волны «ревизионизма», вызванного докладом Хрущева на XX съезде КПСС и особенно польских и венгерских событий осени 1956 г., о чем он сам говорил. В этих событиях в роли основного противника коммунистических диктатур выступали т.н. ревизионистские элементы коммунистических кругов — те молодые политические силы, которые пересматривали антидемократические начала партийно-бюрократических режимов, державшихся всё более лишь благодаря вооруженному насилию.

В среде антикоммунистической эмиграции, которая всё больше возлагала надежды на вооруженный конфликт между Западом и СССР, ориентация на мирное перерождение коммунистического режима в общество с западной системой

ценностей не была популярна. Продemonстрировать не только культурную, но и политическую эволюцию Украины в период, как он сам определял, «национального коммунизма», было для Гедройца возможностью убедить общество в необходимости поддержать, казалось бы, слабые силы, которые созрели за «железным занавесом», как трава под асфальтом — бледная и немощная, но способная наконец пробить какую угодно кору наслоений. Насколько тяжело прививалась эта идея, свидетельствуют слова Гедройца о том, что он начал дело издания «Расстрелянного возрождения» «вопреки всем».

Действительность подтвердила глубокую верность ориентации на внутренние силы общества, казалось бы, безнадежно скованного жесткими рамками коммунистического режима. В конце концов не антикоммунистическое подполье, а поиски «истинного социализма» размывали тоталитарную твердыню и привели к развалу режима. В отличие от «первой перестройки» — т.н. нэпа и «правого уклона», в том числе и «украинизации», от ранних попыток вырваться из объятий кровавой диктатуры, горбачевская «перестройка» проложила путь к демократизации посттоталитарного общества и развитию независимых стран на развалинах СССР.

Перед журналом «Культура» встала нелегкая задача привлечь к сотрудничеству украинские политические и литературные силы. Речь шла, естественно, о диаспоре, поскольку глубинные течения общественной мысли подсоветской Украины были парижскому журналу практически недоступны. Первые контакты молодого Гедройца, сторонника «прометеизма» Пилсудского, с украинскими силами естественно вели в политические круги, связанные с окружением Симона Петлюры. Когда же сложилась политическая линия «Культуры», Гедройц особенно интенсивно сотрудничал с журналистом Богданом Осадчуком, советологом Борисом Левицким, историком Иваном Лысяком-Рудницким и другими деятелями левого, либерально-демократического направления. Однако несмотря на идейную близость к демократическому крылу эмиграции Гедройц поддерживал отношения и с другими украинскими кругами, в том числе с радикальным националистом Дмитрием Донцовым. Характерно, что Гедройц сотрудничал с идеологом национализма Донцовым, а не с практиками-подпольщиками из ОУН(Б) и ОУН(М) [бандеровцами и мельниковцами]. В 1940-е — в начале 1950-х за ОУН стояли, как казалось, реальные военно-политические силы на Украине — военное поражение УПА стало очевидным лишь где-то к 1951 году. Впрочем, в воображении людей, которые лучше разбирались в украинских проблемах,

антикоммунистическим подпольем руководил Украинский главный освободительный совет, стоявший в оппозиции к Степану Бандере, который полностью контролировал только зарубежное представительство ОУН (так называемые Зарубежные части).

Позиции Гедройца не всегда устраивали его украинских политических единомышленников, что приводило к досадным конфликтам. Особенно характерными были, пожалуй, недоразумения, связанные с отношениями с русской эмиграцией и с бывшими «дивизионщиками» из украинских частей СС. На этом стоит остановиться, так как современная украинская национально ориентированная политическая среда не всегда, по-моему, способна проявлять в отношении к историческому наследию такую принципиальность, какая была свойственна наиболее политически культурным слоям как украинской, так и польской эмиграции. Недоразумение с Осадчуком было, по мнению Гедройца, вызвано бескомпромиссным отношением украинского журналиста к русской эмиграции. Политическую работу против СССР соответствующие службы США рассматривали как работу в «общероссийском» масштабе. Американские власти поддерживали эмигрантские группы во главе с Керенским, Мельгуновым, Николаевским, Алексинским, в прошлом носившие левоцентристский характер. Что же касается национальных групп, прежде всего украинских, то американцы пытались объединить их усилия с русскими на общей либеральной и антикоммунистической платформе. Для украинских же групп — вне зависимости от партийной принадлежности — фундаментальным условием объединения было признание всеми его участниками государственной независимости поработанных народов СССР. Русская эмиграция не спешила признавать требования национальной независимости бывших «национальных окраин» империи. В результате объединение эмигрантских политических сил не было достигнуто. Так, в 1951 г. вместо единого Конгресса поработанных народов состоялось два — один под руководством Керенского, другой — с участием Украинского национального совета, что, правду говоря, крупных последствий не имело. В конце концов «Культура» в мае 1977 г. напечатала заявление по украинскому вопросу, в котором говорилось речь о «демократическом самоопределении» Украины по вопросу независимости. Первой русской группой, которая публично поддержала это заявление «Культуры», была группа новых эмигрантов^[1]. Стоит привести имена людей, которые поставили свою подпись под этим заявлением: Андрей

Амальрик, Владимир Буковский, Наталья Горбаневская, Владимир Максимов, Виктор Некрасов.

Гедройц как представитель тех самых «порабощенных народов», только с неоспоримым государственным статусом, в принципе поддерживал украинскую позицию. Однако он был более расположен к компромиссам и не поддерживал своих украинских единомышленников. Впрочем, вопрос решился по ходу событий.

Еще одна конфликтная ситуация была связана с более тонким вопросом об украинско-немецких отношениях во времена войны. Генерал Андерс наградил орденом «*Virtuti militari*» генерала Павла Шандрука, в прошлом — военного УНР, контрактного офицера Войска Польского, участника военных действий 1939 г., а к концу войны — командира украинской дивизии, созданной Вермахтом в качестве наследницы дивизии «СС-Галичина», разбитой под Бродами. Гедройц решил опубликовать воспоминания Шандрука, не обращая внимания на протесты демократически настроенной украинской эмиграции. Для либерального крыла эмигрантских политиков любое оправдание коллаборационизма с нацистами было неприемлемо, и они болезненно реагировали на поступок «Культуры»; в свою очередь Гедройц стремился быть объективным по отношению к бывшему офицеру Петлюры, не закрывать пути сотрудничества с разными украинскими кругами.

Можно было бы и не вспоминать о подобных конфликтах как о минувших исторических эпизодах, но в них проявлялась общая позиция Гедройца. Несмотря на свои четко выраженные политические симпатии к демократически настроенным украинским политикам и очевидную враждебность к национальному правому крылу, Гедройц стремился поддерживать отношения с украинскими политическими кругами в целом, а не с отдельными группировками. Поэтому он поддерживал отношения и с идеологом правого крыла Донцовым; по мнению Гедройца, украинцы, как и другие нации, должны сами разобраться, какие политики их достойно представляют, а находить общий язык поляки — и другие народы — должны с тем «украинством», которое реально сложится как политическое представительство нации, как общество, а не культурно-политическая общность. Поэтому компромисс не только желателен, но и необходим и тогда, когда существуют нормальные демократические механизмы представительской демократии, и тогда, когда политическая

жизнь ограничена только литературно-политическими течениями, которые избежали контроля власти.

Поскольку же реально политика, которую осуществляла «Культура», была вне как польского, так и украинского «общества»-society и разворачивалась в рамках «общности»-community, то и субъектами этих политических союзов и конфликтов были не столько реальные политики, сколько прежде всего политические идеологи. Этим объясняется и то, почему Гедройц сотрудничал не с ООН и даже не со «второй» ООН, а с теоретиком Донцовым. Что в свою очередь отнюдь не свидетельствует о каких бы то ни было соглашениях между «Культурой» и украинским интегральным национализмом.

В эмиграции печаталось много изданий, действовали разные политические группы, вносившие свой вклад в политическое и культурное развитие общества. Журнал «Культура», его редактор и ведущий журналистский коллектив, его польские, украинские и другие сотрудники заняли особое место в создании предпосылок демократизации посткоммунистических обществ. «Культура» была ближе всего к тому уровню социальной жизни, который называют *гражданским обществом*. Тут больше всего формировалось такое умение увидеть и представить на страницах печатного издания самые неотложные национальные проблемы, придать им такую глубину и направить дискуссию в таком направлении, что появлялась мощная общественная мысль — феномен, с которым вынуждена считаться любая власть.

Украинское общество сегодня только учится политической культуре, которая наилучшим образом могла бы обеспечить проведение в жизнь ценностей свободы, справедливости и солидарности. Возврат к истокам современной украинской демократической политической культуры, восстановление преемственности с политическим прошлым остается актуальной проблемой еще и сегодня. Притом не часто замечают и подчеркивают, что это прошлое было очень разнообразным и что нельзя всех одновременно называть своими духовными отцами. Опыт «Культуры», в частности опыт ее сотрудничества с близкими ей политиками и группами, должен быть максимально учтен молодым украинским политическим классом.

Автор статьи — директор киевского Института философии Академии наук Украины.

1. Точнее, это изначально было совместное заявление, по инициативе Гедройца подготовленное «Культурой» и «Континентом». — Ред.

ВСЕ КРИТИКИ ГЕДРОЙЦА

В последнее время нелегко быть сторонником польской восточной политики, покровителем которой считается Ежи Гедройц. Число глубокомысленных критиков концепции редактора «Культуры» растёт с каждым месяцем, причем в геометрической прогрессии. Среди них оказываются и те, кто еще совсем недавно ассоциировался у нас с приверженцами восточной политики, как, скажем, Здислав Найдер, который на вроцлавской конференции «Польская восточная политика» сказал, что сейчас самое время ограничить эту политику и свести ее к двум пунктам: к защите польского меньшинства и заботе о расположенных за нашей восточной границей местах и объектах, имеющих важное значение для польского исторического и культурного самосознания. Один историк призвал отойти уже от политики редактора «Культуры», ибо она опиралась на идею братства поляков с белорусами и украинцами, а это пахнет патернализмом... То, что сам Гедройц никогда ничего подобного не высказывал, для этого критика, по-видимому, особого значения не имело. Известный аналитик Бартломей Сенкевич в газете «Жечпосполита» (29–30 мая) беспощадно констатировал: «...серия событий на востоке настолько всё изменила, что повторять заклинания о миссии Польши в поддержке суверенитета Литвы, Белоруссии или Украины, собственно, потеряло смысл. Во всяком случае тот смысл, какой много лет придавали восточной политике, одетой в гедройцевский наряд». Сенкевича, который с 2000 г. хоронит концепцию редактора парижской «Культуры», недавно превзошел краковский философ проф. Бронислав Лаговский, который в левом «Пшеглёнде» (1 июня) написал: «Скажу кратко: польская восточная политика — не продуктивна и только морочит голову в то время, когда перед нами стоит эпохальная задача снести цивилизационную границу между Польшей и Германией». Недавно концепцию Гедройца отправил на свалку истории свящ. Тадеуш Исакович-Залевский, пользующийся в последнее время популярностью в кругах выходцев с кресов, а редактор журнала «Новая Восточная Европа» Анджей Бжезекский в «Газете wyborczej» (1 июня) раскритиковал «лицемерие» проводившейся до сих пор польской восточной политики: «Ожидать, что Киев станет делать выбор между Польшей и Россией, невозможно. Говорить, что Украину надо поддерживать, ибо без нее Россия

перестает быть империей — а это условие нашей безопасности, — значит отводить Украине роль буферного государства».

Разумеется, названными публицистами и аналитиками список участников дебатов о польской восточной политике не исчерпывается, однако приведенные здесь мнения представляются нам достаточно характерными. Критиков польской восточной политики можно разделить на три группы.

По моральным соображениям

Первая группа, взгляды которой превосходно выражает о. Тадеуш Исакович-Залевский, считает, что главная проблема в польско-украинских отношениях — расчет с военным прошлым. По их мнению, любую реальную политику в отношении Украины должно предварять осуждение украинцами антипольской операции УПА на Волыни и в Восточной Галиции. Эта группа по существу стремится полностью заблокировать польско-украинский диалог, пока украинцы не посыпят голову пеплом. Сам Исакович-Залевский не упускает ни единого случая, чтобы продемонстрировать, как ему противна польская политика в отношении Украины и вообще польско-украинский диалог. Самые громкие за последнее время акции группы, которую он возглавляет, — это пикетирование украинских дипломатических представительств в Польше (в связи с присвоением Степану Бандере звания Героя Украины) и вторжение (в буквальном смысле, ибо в конце концов пришлось вызвать полицию) на научную конференцию, посвященную жизни и деятельности митрополита Андрея Шептицкого, одним из организаторов которой была краковская Польская Академия (!). У этой группы нет никаких сомнений в том, что огромная часть украинцев, особенно на западе страны, — это националисты, с которыми нельзя вести никаких переговоров и даже следует их по возможности покарать. Отсюда у этой группы возникла идея обратиться в УЕФА, чтобы отнять у Львова право проводить матчи Европейского чемпионата по футболу 2012 г., так как в городе недавно воздвигнут памятник Степану Бандере. Организуя свои антиукраинские акции, группа заявляет, что они, направлены, разумеется, только против националистов, а не против украинских соседей как таковых. Но когда доходит до дела, то их партнерами на Украине оказываются либо русские организации (типа «Русскоязычной Украины», «Русских на Украине» или партии «Русский Блок»), либо ветераны советских спецслужб (напомним, что сам свящ. Исакович-Залевский 1 апреля 2010 г. выступил в Киеве на пресс-

конференции, посвященной требованию лишить Бандеру звания Героя Украины, на пару с одним из таких ветеранов — Жоржем Дыгасом). Картина этой группы была бы неполной, если забыть, что ее постоянное оружие борьбы с иначе мыслящими соотечественниками — инсинуации, что они по существу не поляки или действуют по заданию украинских националистов (см. интервью свящ. Т.Исаковича-Залевского, «Жечпосполита», 24 марта).

У нас создалось впечатление, что по мнению этой группы исторический диалог можно вести не путем переговоров и кропотливых исторических исследований, а политикой ультиматумов. Такая стратегия, конечно, эффектна, но совершенно нефункциональна. Нет никаких сведений о том, что эти круги с помощью своих акций убедили хоть кого-то на Украине. Разумеется, кроме вышеназванных русских организаций. Неприязнь этих кругов к Гедройцу вполне понятна. Он всегда был далек от тона, который предпочитают сторонники Исаковича-Залевского. Гедройц считал, что исторический диалог следует вести с величайшей осторожностью, чтобы не нанести ущерба польско-украинским отношениям. Создатель парижской «Культуры» считал, что иногда стоит сделать шаг назад, чтобы тут же суметь двигаться дальше. Такая стратегия принесла свои плоды: именно в его «Зешитах хисторычных» («Исторических тетрадах») украинские историки (Франк Сысин и Роман Шпорлюк) впервые заговорили о массовых убийствах поляков, совершённых УПА.

Конечно, исторический диалог с украинцами нелегко (хотя надо вспомнить чрезвычайно важные тексты украинских историков Мирослава Поповича, Ярослава Грицака, Андрия Заярнюка, посвященные расчету с наследием ОУН и УПА и напечатанные в последние годы). Решение президента Виктора Ющенко присвоить Степану Бандере звание Героя Украины было серьезной ошибкой, тем не менее оно не ставит точку в отношениях между соседними народами. Во имя будущего поляков и украинцев исторический диалог необходимо продолжать, сознавая, что на это потребуется время.

Или модернизация, или восточная политика

Лучший выразитель мнений этой части критиков польской восточной политики — профессор Бронислав Лаговский. Никому не удалось так четко, как ему, сформулировать дилемму: либо восточная политика, либо модернизация Польши. По мнению Лаговского, вести восточную политику — лишь напрасно терять время и энергию, которые нам как

нельзя лучше могут пригодиться для модернизации нашей страны. «Почему поляки так мало информированы о жизни в Бранденбурге, Тюрингии, Саксонии? А взаимоотношения польского Поморья, Силезии, Великопольши с этими землями несравненно важнее для жизни в Польше, чем какое-то вилами на воде писанное восточное партнерство с Азербайджаном или Грузией. Зацикленность нашего воображения на Украине, на которую Варшава, кстати, не имеет никакого влияния, отвлекает внимание от тех регионов Европы, с которых мы можем брать пример в модернизации Польши». Дилемма проф. Лаговского представляется нам неверной по самой сути: она предполагает, что относительно крупное государство в центре Европы может позволить себе не проводить никакой внешней политики в отношении соседних с ним крупных стран. Неужели проф. Лаговский считает, что всё, происходящее в Российской Федерации, в Белоруссии и на Украине (Литва — наш партнер по Евросоюзу), никак не влияет на уровень стабильности и безопасности в нашей части Европы? А может, автор публикаций в «Пшеглёнде» считает, что на период модернизации нашей страны нам просто следует замуровать восточную границу Польши? Но ведь и то и другое нереально. Поэтому вместо того, чтобы выстраивать псевдоальтернативы, не лучше ли сосредоточить свое внимание на вопросе: какую политику следует проводить? Польше необходимо одновременно — ибо никто нам не подарит времени, чтобы делать это по очереди, — справляться с вызовом модернизации, вырабатывать для себя надлежащую позицию в рамках европейских структур, налаживать как можно более хорошие контакты с Бранденбургом, Тюрингией и Саксонией (впрочем, наши регионы уже это делают, не ожидая указаний публицистов) и вместе с тем заботиться, чтобы наше ближайшее восточноевропейское окружение относилось к нам дружески, а наша часть континента была стабильной и безопасной.

Во-первых, Россия

Так можно было бы сформулировать идейное кредо последней группы критиков польской восточной политики. Наиболее характерными здесь нам представляются высказывания Бартломея Сенкевича. Он считает, что проводившаяся до сих пор восточная политика потерпела поражение, ибо в Белоруссии по-прежнему правит Лукашенко, а «оранжевые» разрушили украинское государство. Следовательно, теперь надо попробовать наладить отношения с Россией: «Отношения между Польшей и Россией начали постепенно оттаивать. Это всего лишь начало, но совершенно очевидно, что за этой

переменной стоит не просто демонстративное сочувствие и жесты российского руководства по отношению к Польше, травмированной после внезапной смоленской трагедии». Трудно не заметить здесь внутреннего противоречия: с одной стороны, Сенкевич считает, что у нас нет сил и средств на успешную восточную политику, а с другой — что у нас всего этого в достатке, чтобы вести особую политику в отношении России. По мнению известного эксперта, дело так обстоит прежде всего потому, что мы таким образом вписались бы в главное направление европейской политики, ибо для Запада «Россия всегда будет привилегированным партнером за счет каждого из государств бывшего СССР, если дело дойдет до необходимости делать выбор». Мы опускаем тот факт, что новейшая история нашей страны, а также прибалтийских государств свидетельствует, что Россия всё-таки не всегда была привилегированным партнером Запада. Предположим, однако, что Бартломей Сенкевич прав. Тогда напрашивается вопрос: не приведет ли наша пассивность в восточной политике к ситуации, когда Россия станет привилегированным партнером Запада еще и за счет бывших государств восточного блока? Убеждать европейских партнеров, что имеет смысл политически инвестировать в Белоруссию, Украину, Молдавию или Грузию, — задача не из легких, но, как показал 2004 год, и тут можно добиться некоторых успехов. Несомненно, сегодня для нас политическая конъюнктура хуже, но конъюнктуре свойственно меняться. Сенкевичу это должно быть известно лучше других, ибо спустя всего лишь несколько лет после того, как он впервые похоронил на страницах «Тыgodника повшехного» концепцию Гедройца (2000, №№46, 52–53; 2001, №№3, 5), на Украине случилась «оранжевая революция». Так может быть, Сенкевич придает конъюнктуре слишком большое значение? А это в свою очередь мешает ему видеть, где лежат наши долгосрочные интересы? Мы задаем этот вопрос, ибо сложность полемики с Бартломеем Сенкевичем состоит в том, что, беспощадно критикуя проводимую до сих пор восточную политику, он чрезвычайно скупно очерчивает программу на будущее. В тексте «Прощание с Гедройцем» эта программа сводится к весьма расплывчатым указаниям: «Не отказываясь от прежней линии, Варшава могла бы переместить диалог с Москвой в совершенно иные районы, но при одном условии. А именно: если хорошо знать, чего мы хотим получить от России за «сертификацию» ее нормальной государственности, свободной от грехов сталинского прошлого. Ибо, как известно, «сертификаты» имеют цену...». Весь текст Сенкевича камня на камне не оставляет от «прежней линии» польской восточной политики, трудно поэтому понять, почему же в конце концов автор рекомендует от нее не отказываться? Указания

Сенкевича, когда он пишет о «сертификации» России как нормальной государственности, отмечены странной мегаломанией (неужели Сенкевич действительно думает, что Россия без польской «справки о непорочности» не сможет обойтись?); кроме того они противоречат одному из его же главных тезисов, согласно которому Россия всегда будет для Запада привилегированным партнером.

Всё, здесь написанное, не означает, что мы против активной политики в отношении России. Просто мы, как и Гедройц, считаем, что эту политику нам нельзя осуществлять за счет наших восточных соседей, особенно Украины. Правда, украинская внешняя политика после последних выборов претерпела изменения. В ней стало гораздо больше России, тем не менее обязательно следует подчеркнуть, что Украина не отказалась от своих европейских чаяний, о чём свидетельствуют заявления и первые зарубежные визиты украинского президента, а также активность министра иностранных дел Константина Грищенко.

* * *

Чтобы избежать недоразумений, нам необходимо сделать уточнение: полемизируя с названными авторами, мы не упрекаем их в злой воле или в том, что они действуют в чужих интересах. По вопросу польской восточной политики, как и по вопросам любого другого сегмента жизни нашего общества, можно и нужно вести дискуссию. Но мы убеждены в том, что эти авторы ставят ошибочный диагноз. Польша, учитывая ее положение, историческое наследие и экономические интересы, просто не может отказываться от активной восточной политики. Нам близка позиция премьер-министра Дональда Туска, который в интервью «Газете wyborczej» (10 мая) сказал: «Сегодня ясно, что наши партнеры на востоке еще долгие годы будут трудными партнерами (...). Но несмотря на это, не теряет актуальности мысль Гедройца, политическое и моральное завещание кругов парижской «Культуры». Мы должны иметь самое полное представление о том, что происходит на Украине и в России, и помогать Украине строить стабильное государство. Надо смотреть на восток в контексте Евросоюза. Наша позиция в ЕС в большой мере зависит от того, насколько мы эффективны и ответственны во взаимоотношениях с нашими восточными соседями». В отличие от премьера мы не считаем, что «особенно преданные независимости украинские круги вовсе не пылают горячей любовью к Польше». Разумеется, на Украине есть круги, с неприязнью относящиеся к Польше, однако то, какой капитал симпатии Польша

заработала на Украине, было прекрасно видно после смоленской катастрофы, когда украинские власти объявили национальный траур, рядовые граждане приносили тысячи цветов к польскому посольству, а на похороны президентской четы приехали самые главные украинские политики: нынешний президент Виктор Янукович, бывший президент Виктор Ющенко и лидер оппозиции Юлия Тимошенко; а два украинских телеканала (первый канал Государственного телевидения и 5-й канал Петра Порошенко) вели в прямом эфире полную трансляцию краковских похорон (это были единственные зарубежные телеканалы, которые вели такую передачу). Можно делать вид, что не замечаешь этого капитала, можно этим капиталом пренебрегать, хотя ни экономически выгодным, ни разумным такой подход назвать нельзя.

ГОВОРИТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПАРИЖСКОЙ «КУЛЬТУРЫ» В ПОЛЬШЕ

Ежи Гедройц — один из «последних великих», для кого Польша была всегда на первом месте.

Я имел счастье познакомиться и сотрудничать с ним с середины 80-х годов прошлого века. Это был человек необычный с любой точки зрения. Он поражал умением слушать и интересом, с которым относился к каждому прибывшему из Польши. Из этих встреч, а также из огромного числа газет, которые он читал, и из обширной корреспонденции, которой обменивался с читателями, — его поразительная осведомленность обо всех польских делах.

Но также, при близком знакомстве, он открывался как человек, исполненный юмора, любитель рассказывать анекдоты и шутить над самим собой.

Очень упорный в своих взглядах, он все же позволял собеседнику себя переубедить, если у того находилось достаточно аргументов.

О Польше он говорил с заботой и уважением, а вопросы налаживания добрых отношений с нашими восточными соседями всегда выдвигал на первый план.

Одной из последних задач, поставленных им перед собой, было создание в Польше журнала для русских читателей, который знакомил бы их с польской культурой и историей. И, как это было у него заведено, занялся этим со всей своей энергией, используя авторитет «князя эмигрантов» и безжалостно «мучая» польских политиков. Я могу это лично засвидетельствовать, потому что тогда имел честь быть советником министра культуры Анджея Закшевского, который охотно поддавался этому давлению.

Гедройц поручил это трудное предприятие профессору Ежи Помяновскому, — и вот мы имеем «Новую Польшу», которая пережила своего великого зиждителя уже на десятилетие.

Польша и поляки, безусловно, в большом долгу перед Ежи Гедройцем. Чтобы хоть отчасти вернуть этот долг, мы должны без лицемерия принять его критические суждения о Речи Посполитой, которую мы строим. Мы должны задуматься над ними и независимо от путей, которыми идем, от взглядов, которые исповедуем, принять его систему ценностей и постараться воплотить его мечты. И так же, как он, никогда не быть слишком довольными результатами своего труда.

Марек Кравчик

основатель и многолетний председатель

*Общества попечения над архивом парижского «Института
литерацкого»,*

советник министра культуры 1999–2000

ЛОГОТИП «СОЛИДАРНОСТИ»: 1980–2010

Знак «Солидарности» великолепно выразил гражданский протест против ПНР. Трудно поверить, какой малости не хватало, чтобы этот логотип вообще не возник. И разве сумел бы какой-то иной знак столь же успешно покорить сердца миллионов людей?

Когда возник логотип «Солидарности»? Даже его автор Ежи Янишевский не в состоянии дать точный ответ:

— Скорее всего, 19 или 20 августа 1980 года.

Уже несколько дней у ворот бастующей судоверфи собиралась толпа. Рабочих поддерживали самыми разными способами. Чаще всего им приносили еду и цветы. Янишевский, художник-график, был в той толпе, и его увлек всеобщий энтузиазм. Он решил, что даст судостроителям нечто исключительное — знак, с которым те смогут себя отождествлять.

— Поначалу я хотел использовать мотив ворот Гданьской верфи, но оказалось, что получается так себе, — рассказывает художник.

Почему же ему не сразу пришел в голову очевидный с сегодняшней перспективы лозунг «Солидарность»? Да потому что этот пока лишь зарождавшийся профсоюз еще не имел названия. В итоге Янишевский на первых порах экспериментировал с надписью МЗК (Межзаводской забастовочный комитет). Его жена Кристина предложила воздвигнуть из буквы «К» бело-красный флаг. Такой проект производил уже неплохое впечатление, но неудовлетворенность по-прежнему оставалась.

— Я дружил тогда с группой гданьских поэтов, — говорит Ежи Янишевский. — Мы прохаживались вместе, дискутировали, рассматривали надписи на стенах. И один из них обратил внимание, что чаще всего повторяется и на все лады склоняется слово «солидарность»: «мы солидарны», «солидарно победим» и тому подобное. Кроме того «Солидарностью» назывался информационный бюллетень, издававшийся на бастующей верфи.

Озарение пришло ночью, в квартире художника в гданьском микрорайоне Морена. Янишевский опустился на колени над белым листом формата А5 и кистью нарисовал красной краской слово «Солидарность». А из буквы «Н» воздвиг бело-красный флаг.

На следующий день он помчался со своим листком на верфь. Люди восприняли этот знак, будто давным-давно его ждали. В следующие дни Янишевский приносил по 50-100 оттисков. Все расходились в мгновение ока. Художник даже не успел оглянуться, как знак уже зажил собственной жизнью. Его можно было увидеть везде. Расклеиваемый на уличных столбах, он горделиво красовался и на лацкане пиджака у Леха Валенсы.

К дню приезда на верфь заместителя премьер-министра Мечислава Ягельского Янишевский с друзьями изготовили белые футболки с надписью «Солидарность». Ниже, на правой стороне, печатными буквами было написано: «ГДАНЬСК август 1980». На них были эти футболки, когда в зале техники безопасности и охраны труда подписывалось соглашение с правительственной стороной.

Написанный «солидарицей» огромный лозунг «Солидарность победит» висел за спинами Валенсы и Ягельского, когда ставились подписи под этим соглашением. Фотографии, сделанные в тот момент, появились в газетах всего мира, эти сцены показали телевизионные станции на всех континентах. Знак Янишевского молниеносно врезался в сознание сотен миллионов людей.

ПОЛЬША — РОССИЯ: ПОРА ПЕРЕМЕН!

У нас есть исключительная возможность участвовать в создании такой стратегии Запада по отношению к Москве, которая будет согласовываться с нашими национальными интересами. Но прежде нам надо обязательно избавиться от комплексов, которые тяготеют над нашими дебатами о России

1 мая 1942 г. выдающийся польский дипломат прочитал в Нью-Йорке, в Обществе польских юристов, публичную лекцию «Польша и Россия в свободной Европе». Это было время, когда Германия оккупировала не только Варшаву и Париж, но также Минск, Киев и значительную часть России. Докладчик говорил:

«Отношение к нашему западному соседу у поляков единое (...). Зато наше отношение к России — другое, заметно более сложное (...). Сейчас самое время, чтобы поляки всерьез, основательно задумались над этим отношением, чтобы они начали размышлять над этой проблемой — без гнева, без предрассудков (...) без всяких заранее навязанных указаний или советов. Думать следует не только над тактикой, которую надлежит применять в наших повседневных беседах и переговорах с Россией, в наших повседневных делах — впрочем, крайне важных и серьезных. Думать следует прежде всего над созданием общей польско-российской концепции в послевоенной Европе».

Автором этих слов был Анатоль Мюльштайн, состоявший ранее полномочным министром и заместителем польского посла в Париже, — человек, к которому Юзеф Пилсудский питал полное доверие и которому поручал трудные миссии особой значимости. На сей раз Мюльштайн уже не занимал никакой официальной должности. Он говорил то, что считал правильным, и под собственную ответственность.

Мне бы хотелось привести его лекцию полностью, так как мнения Мюльштайна до сегодняшнего дня сохранили свою ценность. Возьмем хотя бы простую констатацию того, что у мышления есть будущее:

«Самое важное дело, — говорил он, — мыслить, создавать прочные концепции, являющиеся, возможно, не столько

программой политических действий, сколько постановкой той цели, к которой стремится страна и которую дипломатия как исполнительный инструмент должна воплотить в жизнь. Профессиональные дипломаты обычно говорят об общих концепциях в политике с некой язвительной иронией (...). Но несмотря на то, что всю свою жизнь я посвятил практической дипломатической работе, позволю себе придерживаться другого мнения (...). Там, где в национальной истории нет общей концепции, а в национальных интересах — обоснованной политической концепции, там и политическая практика всегда хромает».

Александр Скшинский, самый выдающийся из польских министров иностранных дел в межвоенный период, написал, что Польша погибла не из-за отсутствия надлежащей армии и финансовых ресурсов, а как раз из-за отсутствия внешней политики.

С момента, когда Мюльштайн, один из замечательных польских дипломатов межвоенной эпохи повторил эти слова во времена военной эмиграции, прошло почти 70 лет.

I

После окончания «холодной войны» минуло свыше 20 лет — столько же, сколько история отвела на весь межвоенный период. Сегодня многие задаются вопросом, какова и какой должна быть стратегия Польши по отношению к России на грядущее второе десятилетие XXI века. Я сознательно устанавливаю временное ограничение в десять лет, потому что мир, Европа и Польша переживают ныне период ускоренных изменений.

Россия, Европа и Америка, всё трансатлантическое пространство и остальной мир находятся сегодня на перепутье. Немало существует сторонников того взгляда, что нужно делать всё, дабы сохранить статус-кво. Есть и такие теоретики и практики, которые считают, что желательнее всего было бы состояние международных отношений по образцу реализованной в XIX веке концепции Меттерниха — «концерта» европейских держав, — так как эта политика обеспечила нескольким тогдашним поколениям мир и стабильность.

Американский аналитик Джон Мирсхаймер первым сформулировал тезис о возврате к прошлому как требовании к будущему. Это произошло после разрушения Берлинской стены. Его эссе «Назад в будущее: Нестабильность в Европе после

холодной войны» рассматривается сегодня многими как пророческое видение.

Самой свежей иллюстрацией того, что постулат Мирсхаймера по-прежнему представляет собой указание к практическому действию, стала статья «Признать правоту России», опубликованная несколько месяцев назад двумя бывшими (но всё еще влиятельными) немецкими политиками — Вольфгангом Ишингером и Ульрихом Вайсером («Нью-Йорк таймс», 9 июня). Они подвергли критической оценке отчет «НАТО-2020», подготовленный группой независимых экспертов под председательством Мадлен Олбрайт. Его главным недостатком и слабостью оба признали отсутствие мужества и ненадлежащее отношение к России.

Ишингер и Вайсер пишут, что отчет не оправдал ожиданий: «К сожалению, фундаментальные различия между некоторыми новыми членами [НАТО] из Восточной Европы и странами Западной Европы в вопросе о том, как вести себя с Россией, не были преодолены. Группа экспертов пытается навести мост между этими различиями, предлагая обратить взор к России, но при условии, что любые конструктивные обязательства должны будут опираться на военные меры по сохранению безопасности внутри НАТО. А это означает, что действия по планированию обороны — против России — продолжают оставаться на повестке дня альянса».

Эти два компетентных, заслуживающих доверия и хорошо информированных бывших политика выдвигают пожелание о другом способе поведения по отношению к России. Его следовало бы сосредоточить вокруг построения совместной системы противоракетной обороны, совместных проектов «Россия — Евросоюз» и «Россия — Германия». Другим пространством сотрудничества должны быть вопросы контроля обычных и ядерных вооружений, а также разоружения.

И вот что любопытно. Применительно к ключевому российскому проекту построения новой архитектуры безопасности они призывают отбросить ту естественную, казалось бы, для таких дебатов платформу, какую образуют Организация безопасности и сотрудничества в Европе и «процесс Корфу», потому что, на их взгляд, это будет «тупик», иначе говоря, деятельность, заранее обреченная на неудачу. Взамен предлагается «оживить формат классической контактной группы», т.е. встреч министров иностранных дел США, России, Великобритании, Франции, Германии, Италии и — как они пишут — «может быть, Польши, плюс Евросоюза и

НАТО». Однако предпочитают они менее крупный формат, с участием трех министров иностранных дел (США, России и ЕС) плюс генеральный секретарь НАТО.

Этот немецкий голос иллюстрирует довольно частую сегодня ностальгию по поискам решений в кругу нескольких держав, которые стали бы выносить постановления о делах всего трансатлантического сообщества. Державам по самой природе вещей такие способы принятия решений подходят больше, чем кропотливые и утомительные переговоры в кругу 28 государств НАТО или 27 государств ЕС. Если бы такой подход возобладал, то при выработке стратегии Запада по отношению к России в кругу тех стран, которые будут готовить новые инструменты вовлечения России в дела трансатлантической безопасности, не может отсутствовать польский голос.

Этот вопрос вызывает сегодня живой интерес не только в дипломатических кабинетах Европы и Америки, но и в среде независимых исследователей и мыслителей. Под покровительством Фонда Карнеги образована многосторонняя комиссия Евро-Атлантической инициативы безопасности, где председательствуют Сэм Нанн (США), Игорь Иванов (Россия) и вышеупомянутый Ишингер. В ее состав входят около двух десятков бывших премьер-министров, министров иностранных дел и обороны, а также глав разведки и прочих ведомств из многих государств Европы, равно как из России и США. Результаты работ комиссии наверняка не останутся без влияния на выработку стратегии взаимных отношений между Россией и Западом.

Мышление, которое преобладает в дебатах на тему будущих отношений с Россией, находит отражение в самых важных общемировых журналах, занимающихся вопросами безопасности и внешней политики: в американском «Форин аферс» и лондонском «Сервивэл» появилось несколько серьезных аналитических материалов, где основные тезисы близки: в новейшей истории самыми выгодными и прочными были те решения, когда бывшим противникам предлагали включиться в формирование послевоенного порядка, основанного на соглашении великих держав. Так было и после наполеоновских войн в XIX веке, и после II Мировой войны, когда демократические державы Запада эффективно включили в новую систему безопасности побежденных — Германию и Японию. Теперь, через 20 лет после окончания «холодной войны», пришло время для России.

Директор Московского Центра Карнеги Дмитрий Тренин и его заместитель Сэмюэль А. Грин написали недавно в совместной публикации, что эра неуверенности требует привлечения России. Запад и Россия нуждаются друг в друге. Поворот к Западу носит для России экзистенциальный характер. Тут играют роль следующие соображения:

- растущие хозяйственные и политические издержки неясности, нерешительности и нестабильности;
- риск увеличить отставание, остаться позади и оказаться на обочине мирового развития;
- срочная необходимость привлечь западные капиталовложения и современные технологии, что требует большего институционального обеспечения, а не только персональной поддержки на вершинах власти;
- признание необходимости преодолеть правовой нигилизм, уважать и соблюдать законы, построить плюралистическое гражданское общество, а также провести внутреннюю демократизацию как непременное условия (*sine qua non*) модернизации западного типа.

В условиях глобализации перемены в России вынуждаются кризисами — финансовым и экономическим, демографическим и цивилизационным. Это означает потребность в принципиальной переориентации российской стратегии, а также необходимость отбросить иллюзию, будто процесс модернизации можно пройти «коротким путем, напролом» (по неосталинскому типу). Такой путь был и остается источником структурной отсталости России. Другим заблуждением было мнение, что Россия может выбрать «третий путь», следовать китайской модели развития или же продолжать систему правления, опирающуюся на так называемую суверенную демократию — автократический способ реализации на всех уровнях централизованной и управляемой сверху власти.

Коль скоро осознана необходимость того, что нужно делать, встает вопрос, каковы главные препятствия на пути к реализации этой цели. Факторы, в первую очередь сдерживающие радикальную реформу, — это историческая память и опасение, что запуск процессов принципиальных перемен возбудит в России центробежные и дезинтеграционные силы. Противники модернизации предостерегают, что перестройка Горбачева вместо того, чтобы модернизировать и демократизировать СССР, запустила

процесс его распада. Лидеры сегодняшней России хотят иметь уверенность в том, что на сей раз процессы реформ не станут началом конца Российской Федерации.

В свою очередь главные западные партнеры России не хотят повторения нестабильности и непредсказуемости эры Ельцина, когда стратегический выбор свелся к дилемме: либо демократическая Россия ценой хаоса и слабости, либо авторитарное и недемократическое правление — зато в России сильной и стабильной, где институты государства и права носят характер декораций, а демократия декларативна и вербальна.

Многое указывает на то, что выбор был сделан в пользу прагматизма и принятия России такою, какой она есть, — не стимулируя извне внутренней демократизации и либерализации, но и не делая попыток указывать способы демократизации, потому что ее политический класс и общество воспринимают такие действия как унижительные и оскорбляющие достоинство россиян.

На Западе с пониманием принимаются предостережения из Кремля, что политика изоляции или же недооценки России неизбежно будет содействовать крайне националистическим, агрессивным, реакционным и неумолимым силам. Они будут искать общественную поддержку, демонстрируя внешнюю угрозу со стороны Запада, и заключать союзы с антиамериканскими режимами в исламском мире, с демагогами в Иране или Венесуэле, а также поддерживать наднациональные террористические группировки (типа «Хамаса» и «Хезболлы») с целью дестабилизации демократических государств в Европе и Америке.

III

Трудность в надлежащем понимании мотивов российской политики состоит в том, что в отличие от документов, формулируемых в демократических государствах, российские официальные тексты (заявления политиков, стратегические концепции или доктрины) носят как правило пропагандистский характер и главным образом адресованы потребителям в России. Намерение авторов — не столько ясно изложить свою новую позицию, сколько скорее упрятать новые идеи в обильном потоке старой риторики, удобоваримой для противников реформ и изменений.

Так, например, в «Военной доктрине Российской Федерации» (от 5 февраля 2010 г.) НАТО отводится дежурная роль врага и

потенциальной угрозы, тогда как в частных, неофициальных разговорах никто из моих российских партнеров не рассматривал эту предпосылку всерьез — зато все указывали на непосредственную угрозу исламского фундаментализма на юге и на нарастающую потенциальную китайскую угрозу на Дальнем Востоке.

Другие примеры такого рода двойственности — это проект договора о европейской безопасности (от 29 ноября 2009 г.), как и предлагаемый договор НАТО — Россия (от 4 декабря 2009 г.). В обоих проектах постулирован принцип «неделимости безопасности». Вместе с тем они представляют собой попытку легитимизировать разделение НАТО на «старых» членов, чье право на военную безопасность не ограничивается, и «новых» (принятых после 27 мая 1997 г.), которых должны обязывать разнообразные ограничения, не позволяющие размещать на их территориях армейские подразделения и вооружения выше строго определенных квот. Это риторика родом из «холодной войны», затрудняющая формирование «отношений нового типа» между Россией и НАТО на второе десятилетие XXI века.

На таком фоне выгодно выделяется служебный материал для внутреннего пользования, главный посыл которого — мысль, что внешнюю политику России следует подчинить внутренним потребностям модернизации государства. Это меморандум российского МИДа (опубликованный 11 мая в российском «Ньюсуике») под бюрократическим заглавием «Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации».

В сопроводительном письме главы МИДа Сергея Лаврова президенту Дмитрию Медведеву говорится: «...нынешний кризис — это своего рода болезненный побочный продукт переформатирования современного мира после окончания «холодной войны» и смены системы координат международных отношений, когда на первый план вышли общие для всех государств вызовы и угрозы безопасности. Они имеют трансграничную природу, и эффективно противодействовать им можно только коллективными усилиями мирового сообщества». Переводя этот жаргон на человеческий язык, можно свести оценки, содержащиеся в указанном документе российского МИДа, к следующим тезисам:

— Россия — интегральная часть международного общества, затронутого последствиями серьезного финансового и экономического кризиса, и она готова противостоять общим

угрозам. Надлежит, однако, произвести фундаментальную перестройку международной системы, центром тяжести которой до сих пор были США и Запад. Такое состояние дел было и по-прежнему остается источником нестабильности мировой системы.

— Кризис подтвердил, что «государство остается ключевым инструментом защиты и согласования интересов личности и общества, основным участником процесса международного взаимодействия». В центре внимания остаются государства, а не индивидуум и внегосударственные «актеры».

— Результаты процесса перестройки всей системы международных отношений скромны. Самое крупное достижение — создание и закрепление «группы двадцати», или G20 (и снижение роли «восьмерки» — G8) как формы коллективного лидерства в мире.

— Растет значение новых групп и институтов — например, БРИК (это группа выдвигающихся мощных стран — Бразилия, Россия, Индия, КНР), тогда как реформы Международного валютного фонда и Всемирного банка не порождают больших надежд, так как протекают медленно и с сопротивлением.

— Дальнейшая трансформация мировой системы будет опираться на полицентрический принцип.

— Запад хочет обеспечить себе влияние и «мягкую посадку», особенно в вопросах финансового кризиса, и потому старается сохранить воздействие на эту сферу отношений — хотя бы в какой-то остаточной, частичной форме. Отсюда попытки сохранить «семерку» — G7 — вместо G8 (с устранением России) в процессе принятия решений по валютным вопросам.

— США, по мнению авторов российского документа, стремятся к маргинализации тех многосторонних форм сотрудничества (БРИК, Шанхайская организация), куда их не пригласили. Американские правые круги оказывают нажим на администрацию Обамы, чтобы та вернулась к предшествующей стратегии («война с терроризмом», конфронтация с Ираном, поставки оружия на Тайвань и обострение отношений с КНР). В итоге консервативные силы США стремятся к ослаблению позиции президента Обамы и его администрации.

— Стратегия России в глобальном масштабе — делать ставку на повышение роли системы ООН, где позиция Запада становится всё слабее. Однако в целом во внешней политике России центральным элементом являются не институты и процедуры,

а поддержка модернизации и скачок в сфере самых современных технологий. Финансовая обремененность главных «актеров» международной сцены (США, Евросоюза, особенно Германии и Великобритании) предвещает в ближайшие годы «вторую волну» потрясений и пертурбаций в мировой экономике и финансах, причем Россия может оказаться их ни в чем не повинной жертвой.

Способом предотвратить такое развитие событий должно быть продвижение вперед с помощью государственных программ и увеличение емкости внутреннего рынка благодаря реализации крупных инфраструктурных проектов (например, использования американской модели Кремниевой долины и сооружения аналогичного центра в Сколково под Москвой), а также повторная большая индустриализация с использованием самых современных западных технологий, которые будут энергосберегающими, экологически ориентированными и т.д., и т.п.

— Поставленные таким образом цели требуют позитивных перемен в мировой политике, которые облегчат взаимопроникновение экономик и культур, а также привлечение инновационных способов модернизации (иллюстрацией служит предлагаемое Евросоюзом «Партнерство для модернизации»). Это касается отношений с Западом — с США и ЕС, но также с Бразилией, Индией, Южной Кореей, Сингапуром и, «возможно», с Китаем (формулировки, затрагивающие КНР, носят сдержанный характер).

— Российская внешняя политика должна — в соответствии с директивами указанного документа — содействовать консолидации членов Содружества независимых государств. Краеугольным камнем такого сотрудничества должны быть не столько политические или военные инструменты, сколько главным образом экономические — Евроазиатский экономический союз, таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии, а также перспектива формирования единого экономического пространства.

Тем самым основные положения новой российской стратегии подчинены модернизации внутри страны и восстановлению статуса глобальной державы вовне.

IV

В нашем мышлении исходной точкой должно быть сознание того, что изменение российской политики по отношению к Польше — это часть значительно более широкой стратегии в

отношении внешнего мира. Москва воспринимает Польшу с перспективы российской политики, адресованной всему Западу, особенно США и Европе. В мышлении российского руководства о мире Польша при формулировании политической стратегии имеет несравненно меньшее значение, чем наше восприятие России и ее политического значения для нашей безопасности. Сейчас созрело время существенно переоценить наш подход к России и заново определить наши долгосрочные ожидания.

У Польши в первый раз наметился исключительный шанс соучастия в создании стратегии всего Запада по отношению к России — как в НАТО, так и в ЕС — с учетом наших национальных интересов. Это требует серьезных и зрелых раздумий. А также избавления от комплексов, которые тяготеют над польскими дебатами о России.

Часто это смесь комплексов неполноценности и превосходства. С одной стороны, выражаются опасения, что «Россия по-прежнему играет Польшей», а с другой — что нашим главным козырем и инструментом является так называемая историческая политика, которая, по мнению Роберта Красовского, «должна была представлять собой политический инструмент, служить правым кругам для ослабления левого крыла, а всей Польше — для побед в международных играх»; истории «надлежало помочь политике, надлежало быть ее козырем, надлежало позволить ей извлекать дополнительные выгоды в силу стародавних обид» (Расцвет или окончательное фиаско исторической политики? // «Эуропа». 2010. №2).

Скажем прямо: историческая память — это важная часть внешней политики каждого государства и народа. Однако она не исчерпывает и не заменяет политической стратегии. Александр Смоляр верно заметил, что, быть может, Россия благодаря нам вновь обретет «страшно болезненную память и будет готова помериться с нею, создавая фундамент демократического общества» (Польша, Россия и смерть // «Газета свѣнтэчна» (прил. к «Газете выборчей»). 17.04.2010).

Появились также критические голоса о польской политике — главным образом, за отказ от «ягеллонской идеи» и отход от линии Гедройца — Меровского. Самое время перестать уже оперировать ярлыками, которые сегодня зачастую мало что значат. Можно вынести такое впечатление, что те, кто говорит о «конце концепции Гедройца в польской политике», не понимают, что лишь теперь открываются возможности реализовать его мысли в масштабах, которые когда-то лежали за пределами наших представлений. Прав был поэт Адам

Асник, когда писал: «Надо с живыми идти вперед, / К жизни стремиться новой, / А не увядших лавров листвою / Упрямо украшать голову» (перевод дословный).

Итак, что же следует принимать во внимание, формируя нашу стратегию по отношению к России, — так, чтобы «идти вперед» и «к жизни стремиться новой»?

— Нужно осознать для себя последствия того факта, что через десять лет после нашего вступления в НАТО и через шесть лет после присоединения к Евросоюзу Россия видит в Польше важного актера в обоих этих институтах и на всей европейской сцене. Европа с российской перспективы видится как желательная модель развития и важный партнер. Но вместе с тем и как конкурент — может быть, не столько в экономических вопросах, сколько в политике.

Эти три измерения (модель, партнер, соперник) относятся также и к отношениям России с Польшей. Модель, так как мы страна успеха, прошедшая успешное преобразование; партнер, так как Польша в экономических отношениях с Россией занимает высокое место; конкурент, так как исторически мы соперничаем на территориях государств, заселенных народами, которые соседствуют с нами на востоке и с Россией на западе.

Мы для России важное государство — не центральное, но и не маргинальное.

— С польской точки зрения Россия — важная региональная держава, которая обладает глобальными притязаниями. Новые поколения российских граждан воспринимают сегодняшнюю Польшу другими глазами, чем их отцы: мы служим примером такого славянского государства, где радикальные реформы и процесс перемен удались. Мы являем собой отрицание повсеместной в России уверенности в том, что образцы, нормы и процедуры западных буржуазных обществ не подходят для крестьянских народов — к востоку от Германии. С российской точки зрения мы часть Запада.

— В наших отношениях с Россией главная проблема — не исторические споры (хотя они должны быть предметом нормальных дискуссий историков) и не отсутствие взаимопонимания. Самое серьезное препятствие в формировании нормальности — обоюдные предубеждения и вытекающее отсюда отсутствие обоюдного доверия. Поэтому обоснованным выглядит требование о тщательном поиске путей устранения указанного недоверия.

При этом такой поиск не может быть немедленной или кратковременной акцией. Польско-российская Группа по трудным вопросам обратилась год назад к министрам иностранных дел и премьер-министрам обоих государств с предложением институционализировать центры диалога и согласия. Премьер-министры Польши и России во время встречи в Сопоте 1 сентября 2009 г. приняли это предложение и в ходе встречи с сопредседателями группы по трудным вопросам в Смоленске (7 апреля 2010) дали поручение реализовать его.

Пора выполнять это решение. Деятельность группы стала катализатором в процессе улучшения отношений Польши с Россией. Наш опыт по выстраиванию доверия в отношениях с Россией возбуждает интерес у многих государств, а также при многосторонних встречах в рамках НАТО и ЕС. Исходным положением становится ныне ставка не на изоляцию России, а на ее включение в совместные действия с нами — в сотрудничестве с Германией и Францией и с использованием Веймарского треугольника (Германия, Франция, Польша), примером чего была последняя встреча четырех министров в Париже — с участием министра Лаврова.

— Наконец, Польша совместно с Норвегией представила предложения в сфере укрепления доверия и военной безопасности. Возможности сотрудничества в целях контроля обычных и ядерных вооружений могут служить важным элементом дополнительного обеспечения безопасности и снятия напряженностей и недоверия.

Мы добьемся понимания и поддержки наших западных партнеров, если польские предложения будут продиктованы политической философией включения России (а не ее исключения); если они будут побуждать Россию отказаться от риторики «холодной войны» и опираться на совместный поиск способов преодоления существующих расхождений скорее путем использования для этого уже существующих институтов (вроде Совета НАТО — Россия или ОБСЕ), чем создания новых структур. Еще в XIII в. Уильям Оккам советовал следовать аристотелевскому принципу достаточного основания: «Не множить сущее без необходимости». Наши отношения с Россией мы можем и должны основывать на принципе обоюдности и взаимозависимости, открытости, прозрачности и предсказуемости.

Профессор Адам Даниэль Ротфельд — министр иностранных дел в правительстве Марека Бельки; сопредседатель польско-российской Группы по трудным вопросам; член «группы

мудрецов», которая под руководством бывшего государственного секретаря США Мадлен Олбрайт подготовила доклад «НАТО-2020: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие», содержащий анализ и рекомендации по новой стратегической концепции Атлантического союза; член комиссии, которая готовит Евро-Атлантическую инициативу безопасности (EASI).

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «В пятницу президент Бронислав Коморовский принес присягу перед Национальным собранием (Сеймом и Сенатом), поклявшись быть верным конституции и радеть о независимости нации. Тем самым он вступил в должность президента Республики Польша. Зал приветствовал его овацией (...) На церемонии присутствовали, в частности, бывшие президенты Лех Валенса и Александр Квасневский, председатель Европарламента Ежи Бузек, бывшие премьер-министры Тадеуш Мазовецкий, Лешек Миллер и Ян Кшиштоф Белецкий. Отсутствовал Ярослав Качинский. Прибыл также Дональд Туск и другие члены правительства (...) «Нам необходимо больше спокойствия, понимания и меньше борьбы, недоброжелательства, презрения, а порой даже ненависти», — сказал президент Коморовский в своем обращении». («Жечпосполита», 7–8 авг.)

• «Я бы очень хотел, чтобы мое президентство стало президентством примирения — как польско-польского, так и с соседними странами, с которыми мы еще не вполне примирились. Я имею в виду, в частности, польско-российское примирение», — сказал Бронислав Коморовский, еще будучи маршалом Сейма, и.о. президента Польши и кандидатом в президенты от «Гражданской платформы» (ГП). («Пшеглэнд», 4 июля)

• «[Коморовский] по-прежнему считает Мазовецкого своим политическим учителем. «Я буду благодарен ему до гробовой доски за то, что он дал мне шанс превратиться из радикала в человека умеренного и склонного к компромиссу», — вспоминает президент». («Жечпосполита», 6 июля)

• «Я уже благодарил Леха Валенсу, а сегодня мне бы хотелось поблагодарить Александра Квасневского и всех тех людей иных политических взглядов, которые оказали мне поддержку. Я рассматриваю это как обязательство, чтобы мое президентство было выше идеологических и партийных разделений», — сказал Коморовский после вручения ему председателем Государственной избирательной комиссии свидетельства об избрании президентом. («Жечпосполита», 7 июля)

- «Первым иностранным гостем, которого принял новоизбранный президент Бронислав Коморовский, стал новый президент Германии Кристиан Вульф». («Жечпосполита», 14 июля)
- «Это была странная кампания. Она шла в тени смоленской трагедии, а затем наводнения. Сначала развитие событий застало людей ГП врасплох. Они позволили команде «Права и справедливости» (ПиС) выйти вперед. Их поразило преображение Ярослава Качинского и эффективность, с какой ПиС завоевывал политический центр», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. («Газета wyborcza», 5 июля)
- «Несмотря на поражение, Качинский одержал большую победу. Мне бы хотелось выразить свое восхищение политиком, который после такой трагедии сумел выдвинуть свою кандидатуру на выборах и достичь на них столь многого. Ему удалось полностью изменить свой язык. Я рассчитываю на то, что в результате ПиС окончательно откажется от радикализма, станет более предсказуемым, центристским и не будет вызывать беспокойства у значительной части общества», — Александр Смоляр, политолог, президент Фонда Батория. («Газета wyborcza», 5 июля)
- «Епископы, как правило, молчали, но много шуму поднимали настоятели и радио «Мария», поддерживавшие кандидата ПиС. Такой политической ангажированности Церкви не случалось с 90-х годов», — говорит депутат от ГП Ярослав Говин. («Польска», 9-11 июля)
- «Часть духовенства не поняла, где проходит граница автономии государства и Церкви», — сказал новоизбранный президент Бронислав Коморовский.
- «Действия политиков подлежат оценке с точки зрения учения Церкви, и Церковь не может от этого отказаться (...) Церковь невозможно победить, ибо в ней Христос», — Игнаций Дец, епископ Свидницкий. («Наш дзенник», 7 июля)
- «В условиях, сложившихся в Польше, сохранить заявленное в Конституции отделение Церкви от государства невозможно (...) К выборам в Польше относятся слишком несерьезно, чтобы они были достаточным основанием для легитимности власти (...) Поэтому любая власть — неважно, правая или левая — апеллирует к Церкви, пытаясь таким образом закрепить свою победу (...) На выборах Церковь поддерживала партию, которая более однозначно признает ее верховенство. ГП, несмотря ни на

что, не признает верховенства Церкви — скорее старается выстраивать с ней дружеские отношения, — но это не значит, что она не стремилась заручиться церковной поддержкой», — Бронислав Лаговский, профессор Лодзинского университета. («Польска», 23-25 июля)

• «Перед президентскими выборами Церковь активнее всего за последние годы включилась в политику и в самое президентскую кампанию, нарушила принцип политической нейтральности. Не все церковные иерархи поддержали Качинского так открыто, как епископы Рычан, Стефанек, Дыдыч, Дзенга, Глудзь или Михалик. Не все священники называли Коморовского сатаной. Но ПиСовские симпатии Церкви стали фактом (...) Есть иерархи, которые видят (...) пагубные последствия политической ангажированности для церковного свидетельства. Архиепископ Юзеф Жицинский назвал постыдной ситуацию в католической стране, где духовенство пугает миллионы поляков тем, что они совершили тяжкий грех, проголосовав иначе, нежели подсказывали их пастыри (...) Однако в последние месяцы его точка зрения была в меньшинстве (...) Существует своего рода неписанный договор между обеими силами: народной Церковью и народно-националистической партией Качинского. Это (...) близорукий подход, ибо социологическая ситуация Польши будет меняться (...) Согласно недавно опубликованным данным, за последние пять лет роль веры и религиозных принципов в жизни поляков заметно уменьшилась: значительной ее назвали 55% опрошенных ЦИОМом. Для Европы это по-прежнему много, но этот показатель быстро снижается — на целых 9%». (Адам Шосткевич, «Политика», 24 июля)

• «Часть епископов не хочет, чтобы священники узнавали о критике в адрес Церкви, публикуемой в газетах. Поэтому Католическое информационное агентство (КИА) перестало рассылать утренний обзор печати (...) Католическая интернет-газета начала выходить два года назад. Утром подписчики получали обзор католических и светских СМИ. В вечернем выпуске, который по-прежнему выходит, подытоживаются новости, которые были опубликованы в этот день в сервисе агентства. Правление КИА решило отказаться от утреннего выпуска после мартовского заседания Епископата, на котором часть епископов пришла к выводу, что обзор печати содержит критику Церкви». («Жечпосполита», 3-4 июля)

• “«Никто не хочет признаваться, что голосовал за Коморовского», — говорят мужики, потягивающие пиво перед магазином в деревне Ежове в 40 км от Жешува. В 10-тысячной

гмине кандидат ГП снискал доверие только 329 избирателей, в то время как его конкурент из Пис — 3548 (81,2%). «Надо провести расследование, чтобы найти отщепенцев, которые голосовали за маршала Сейма», — шутят перед магазином (...) «У нас здесь крепки семейные связи, приверженность традиции и католической вере», — говорит войт гмины Ежове Габриэль Лесичка. И добавляет: «Такова воля народа, и надо отнестись к ней с уважением, а кандидата Ярослава — поддержать». (Юзеф Матеуш, «Жечпосполита», 25 июня)

• «36% избирателей Бронислава Коморовского заявили, что голосуют за него, чтобы не победил Ярослав Качинский. Таких результатов в Польше еще не было (...) У Качинского был перевес только среди лиц с неполным средним образованием. Даже среди глубоко верующих Пис несет потери. В 2005 г. они поддерживали партию в соотношении 4:1, а сейчас — менее чем 2:1 в пользу Ярослава Качинского», — проф. Радослав Марковский, руководитель Института сравнительных исследований политики и директор Центра изучения демократии. («Газета wyborcza», 24-25 июля)

• В первом туре президентских выборов «в городах победил кандидат ГП Бронислав Коморовский. В городах с населением свыше 100 тыс. человек он опередил Ярослава Качинского при соотношении голосов 48 против 28%. Зато за председателя Пис охотно голосовали сельские жители. Его поддерживали 45% из них — на 14% больше, чем Коморовского (...) Избиратели в возрасте от 18 до 24 лет (...) предпочитают голосовать за ГП. Бронислав Коморовский получил от них 44% голосов, Качинский — 24, а Гжегож Наперальский из Союза демократических левых сил (СДЛС) — 20% (...) Коморовский оставляет своих конкурентов позади по числу сторонников с высшим образованием. За него проголосовал 51% избирателей с вузовским дипломом, 21% предпочел лидера Пис, а 16% — СДЛС (...) Уже традиционно кандидат Пис пользуется наибольшей популярностью в психиатрических больницах. В подваршавских Творках он снискал доверие 68 пациентов, Коморовский — 52-х, а Наперальский — 19-ти. Целых 278 заключенных из варшавской тюрьмы Бялоленка (...) проголосовали за Коморовского, который сидел там во время военного положения. Качинского поддерживали 14 заключенных». («Политика», 26 июня)

• «По данным Центрального управления тюремной службы, [во втором туре выборов] в СИЗО и тюрьмах Бронислав Коморовский набрал 91,9% голосов. Его конкурент Ярослав Качинский — 8,1%». («Газета wyborcza», 6 июля)

• «Реалии таковы, что из пяти избирателей кандидата ГП только трое живут на территории (...) где победил Коморовский. Остальные двое живут в воеводствах, в которых маршал проиграл. Точно так же обстоит дело с избирателями Ярослава Качинского: трое его сторонников живут на территории, где он выиграл, а двое — там, где кандидат ПиС проиграл (...) Политические симпатии разделились поровну. В действительности в каждой гмине, в каждом повете есть сторонники и Качинского, и Коморовского», — Ярослав Флис, социолог. («Дзенник — Газета правна», 6 июля)

• Из первого интервью новоизбранного президента: ««Перед президентским дворцом стоит крест в память о жертвах катастрофы в Смоленске. Что с ним делать? Останется ли дворец святилищем Леха Качинского?» Бронислав Коморовский: «Президентский дворец — это святилище государства. Крест (...) был установлен под влиянием траурного настроения, но траур кончился (...) Крест — это религиозный символ, поэтому он будет (...) перенесен в другое, более подходящее место»». («Газета wyborcza», 10–11 июля)

• «Бронислав Коморовский должен отдавать себе отчет в том, что такое для поляков крест (...) Если этот крест ему не мешает, пусть оставит его там, где он сейчас стоит (...) Мы видим какое-то международное давление мировых центров, которые проверяют, насколько нас, поляков, можно сломить, запугать (...) Мы видим, что у нас пассивная власть, которая не отваживается встать на защиту креста. А ведь правительство, президент должны знать, кого они представляют, — католический народ (...) Поляки должны пробудиться и встать на защиту креста», — епископ Эдвард Франковский. («Наш дзенник», 13 июля)

• «Деревянный крест перед президентским дворцом поставили после смоленской катастрофы харцеры. «Это было стихийное решение. Пора уже перенести его — он вызывает слишком много эмоций», — говорит Магдалена Сухан из Союза польских харцеров (...) Защитники креста регулярно собираются перед дворцом. «Этот символ польского духа и нашей веры хочет убрать еврей Туск (...) Не позволим», — говорят люди (...) «У нас был президент Лех — настоящий поляк и католик, но его убили. А когда после полуночи на выборах лидировал его мужественный брат Ярослав, тоже католик и поляк, выборы фальсифицировали. Это конец Польши», — говорит Кристина, фармацевт на пенсии (...) Дежурства, чтение розария, передачи радио «Мария» и разговоры о том, кто еврей и кто хочет убрать

крест, — так выглядят ночи перед президентским дворцом». («Газета wyborча», 15 июля)

- «Крест, установленный после смоленской катастрофы, должен быть перенесен в близлежащую церковь св. Анны — такое решение приняли представители Канцелярии президента, варшавской курии и харцерских организаций, поставивших крест». («Тыгодник повшехный», 1 авг.)

- «Попытка перенести крест, стоящий перед президентским дворцом, не удалась (...) Вместо торжественной процессии получился скандал (...) Защитники креста пытались прорвать цепь городской полиции, которая применила слезоточивый газ (...) После [организованной по этому случаю] встречи представители Канцелярии президента, Церкви и харцеров сделали заявление: «(...) Мы решили оставить крест на прежнем месте»». («Жечпосполита», 4 авг.)

- «Накануне Политический комитет ПиС написал: «Мы с изумлением и неодобрением восприняли решение, вследствие которого крест будет навсегда убран в связи со вступлением в должность президента Бронислава Коморовского». Ничего удивительного, что после этого заявления события развивались именно так», — сказал Мартин Пшецишевский, главный редактор и директор Католического информационного агентства. («Жечпосполита», 5 авг.)

- «Случилось нечто неслыханное. Несколько сот человек в почти двухмиллионном городе и 38-миллионном государстве, у которого несколько сотен тысяч стражей порядка, — и никто не сумел с ними справиться (...) Фанатизм в Польше узаконен». (Эва Войдылло, «Польска», 5 авг.)

- «Краковский окружной суд приговорил 22-летнюю вандалку, осквернившую место памяти покойного президента Леха Качинского, к полугоду общественно-полезных работ». («Дзенник — Газета правна», 22 июля)

- «В его доме всегда жили собаки и кошки, чудом избежавшие смерти, найденные в канаве, спасенные от несчастного случая, бродившие на бензоколонке, где Лех Качинский замечал их и не мог не откликнуться на их страдания (...) Настоящей данью памяти трагически погибшего президента могла бы стать постоянная заботливая опека над животными. В каждой польской гмине, в каждом городе (...) Это наверняка труднее, чем повесить мемориальную доску». (Ягенка Вильчак, «Газета wyborча», 6 авг.)

- «ПиС возвращается к прежнему языку (...) Ярослав Качинский (...) обвиняет правительство в том, что оно, действуя в сговоре с Россией, организовало две катынские церемонии, признаётся, что когда министр Сикорский сообщил ему о трагедии, он ответил: «Это результат вашей преступной политики — вы не купили новых самолетов», — и что он не принял соболезнований от Дональда Туска и Владимира Путина, так как «их роль в этой катастрофе была неясна»». («Тыгодник повшехный», 25 июля)

- «Когда три месяца назад в катастрофе под Смоленском погиб президент Польши вместе с польскими генералами, политиками и членами катынских семей, мы стали свидетелями многочисленных проявлений скорби и сочувствия со стороны российских граждан — как властей, так и общества. Масштаб этих проявлений был поразительно велик, а особенно трогательным мне показался комментарий Матвея Ганапольского с «Эха Москвы», сказавшего: «Простите нас, поляки» (...) На прошлой неделе Иоахим Брудзинский произнес слова о «русском гробе», а Ярослав Качинский — о «неясной роли» премьера Владимира Путина. Эти слова не только безосновательны — они отвратительны и подлы (...) Поэтому я хочу сказать — пока что только от своего собственного имени: за моих соотечественников простите меня, братья-россияне», — проф. Анджей Романовский, главный редактор «Польского биографического словаря». («Газета wyborcza», 19 июля)

- «Депутат Януш Паликот заявил вчера, что «моральную ответственность за смерть 96 человек на борту Ту-154 несет Лех Качинский». «Он организовал эту поездку, определил состав делегации, он привел к тому, что возникло своего рода мягкое давление: мы должны приземлиться», — сказал Паликот в беседе на телеканале ТВН 24 (...) «То, что Паликот сказал о смоленской катастрофе, — довольно распространенное мнение», — сказал депутат [и режиссер] Казимеж Куц». («Жечпосполита», 6 июля)

- «Паликот высказался как ответственный гражданин, а не политический авантюрист. Давайте не будем предъявлять ему претензий в том, за что его следовало бы поблагодарить (...) В одном сомнительном самолете с сомнительным экипажем оказалось всё командование польской армии (...) высшие государственные чиновники, депутаты и сенаторы. Так польское государство было обезглавлено, а его структуры — жестоко, на грани саботажа разрушены (...) Я любил покойного президента (...) Я знаю, что он был умным и обаятельным

человеком. Но это не освобождает его от ответственности за Смоленск», — Эустахий Рыльский, прозаик и драматург. («Газета wyborcza», 9 и 12 июля)

- «20 июля депутаты от Пис создали многочисленную, хотя и лишенную полномочий группу по расследованию смоленской катастрофы и обстоятельств, которые к ней привели. Ее председатель Антоний Мацеревич на первой же встрече с журналистами возложил ответственность за события 10 апреля на правительство, а само происшествие назвал преступлением». («Тыгодник powszechny», 1 авг.)

- «Нашей политике наносится ужасающий вред, а в конечном итоге разрушается государственное сознание и государство как таковое. Если сегодня находятся люди, которые ставят все под сомнение, сеют недоверие к правительству, прокуратуре, судам в таком драматическом деле, как расследование причин смоленской катастрофы, если они выходят за пределы Польши и сеют недоверие также вне страны, то это уже нельзя назвать демократической оппозицией, которая контролирует власть. Это борьба с демократической системой. В Первой Речи Посполитой такие действия называли мятежом (...) Создается центр антигосударственной власти, самая жесткая из всех когда-либо существовавших оппозиций. Эта оппозиция пытается создать впечатление, что наше государство практически не существует, что оно ни на что не способно, хотя во время политического и экономического кризиса оно действовало очень четко. Но некоторые стремятся этот образ разрушить и вбить людям в голову, что в течение полутора десятка недель после катастрофы нужно объявить, кто, в чем и почему виновен, — разумеется, не возлагая никакой вины на сторону, которая поднимает мятеж», — Тадеуш Мазовецкий. («Политика», 31 июля)

- «Демократическое государство тоже может быть тоталитарным (...) После избрания президентом Бронислава Коморовского вся власть перешла в руки ГП. Говоря «вся власть», я одновременно имею в виду, что в Польше существует сильный центр неконституционной власти, связанный с неформальной, но реальной и очень влиятельной структурой бывших коммунистических военных информационных служб, которая была истинным автором т.н. системных преобразований после 1989 года (...) О правлении Дональда Туска и ГП серьезные комментаторы писали, что основное, если не единственное его содержание — выражать благодарность этой неформальной структуре в рамках внешних признаков власти, которые этот посткоммунистический центр

власти оставил «Платформе»». (Мариан Мишальский, «Недзеля», 18 июля)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, проведенному с 6 по 8 августа, ГП поддерживают 44% поляков, ПиС — 27%, СДЛС — 9, а крестьянскую партию ПСЛ — 3%. («Газета выборча», 11 авг.)

• «Дональд Туск показал, что в польской политике он во многих отношениях исключителен. Прежде всего он пользуется стабильно высокой поддержкой общества, чего еще не случалось с премьер-министрами на третьем году правления. Вдобавок, начиная с 2006 г. он со своей партией выиграл все выборы — местные, парламентские, европейские, а теперь еще и президентские. До него это не удавалось ни одному политику (...) После своей воскресной победы Бронислав Коморовский получил огромный кредит общественного доверия. Он стал новым лицом «Платформы», вторым после Туска лидером партии (...) На сегодняшний день у премьера Туска нет в «Платформе» конкурентов. Это подтвердили прошедшие во время недавнего партийного съезда выборы председателя: Туск получил 858 голосов, против проголосовали всего 11 человек. Других кандидатов не было». (Анджей Станкевич, Петр Смилович, «Ньюсуик-Польша», 11 июля)

• Согласно опросу ЦИОМа, в июле 66% поляков доверяли новоизбранному президенту Брониславу Коморовскому. Второе место занимал лидер СДЛС Гжегож Наперальский (62%), а третье — премьер-министр Дональд Туск (58%) Председателю ПиС доверяли 48% опрошенных. Кому поляки доверяли меньше всего? Янушу Паликоту (ГП) не доверяли 54% опрошенных, а Ярославу Качинскому — 34%. («Газета выборча», 23 июля, «Польска», 23-25 июля)

• «Сегодня ГП — самая сильная партия за всю 21-летнюю историю Третьей Речи Посполитой. Она может ради собственного спокойствия продолжать политику бесконфликтного правления или же, рискуя возникновением конфликтов, приступить к реформированию государства (...) Проблема в том, что это уже не та партия, которая выиграла парламентские выборы в 2007 году (...) Она отказалась от смелой программы глубоких реформ (...) От великих либеральных идей не осталось и следа (...) В многочисленных компромиссах утонула стройная концепция возрождения государства и экономической политики (...) Ежегодно график реформ опасно сдвигается в ожидании парламентских выборов. Однако бюджетный дефицит, безработица, высокая стоимость обслуживания долгов и нежизнеспособной системы

социального обеспечения не стоят на месте. Правительство и президент должны решить, какой из предвыборных лозунгов они хотят теперь претворить в жизнь: экономический рост или политику всеобщего согласия (...) Начать перемены еще не поздно». (Томаш Врублевский, «Дзенник — Газета правна», 5 июля)

- Лешек Бальцерович: «Что теперь должно сделать правительство? Прежде всего — ограничить вредную роль государства в экономике. Во-первых, у нас существует власть политиков над предприятиями, а всем известно, (...) что это рано или поздно плохо кончается. Поэтому необходимо ускорить приватизацию (...) Во-вторых, государство слишком много перераспределяет, т.е. государственные расходы слишком велики. Это причина высоких налогов и главное препятствие в развитии Польши. В третьих, государство слишком много регулирует, создает слишком много плохих законов. Я называю это законодательным поносом (...) Медля мы подвергаем польское общество опасности серьезных пертурбаций (...) Либо реформы сейчас, либо мы их откладываем, а затем нас ждут сокращения бюджета, как в Греции или Латвии». («Дзенник — Газета правна», 23 июля)

- «Сразу же после каникул начнутся новые кампании — сначала перед выборами в органы местного самоуправления, потом в парламент (...) Только самоубийца начинал бы реформы в период предвыборной битвы за места в местном самоуправлении и парламенте (...) Местных депутатов и войтов мы будем выбирать в ноябре (...) Выборы в органы местного самоуправления важны для аппарата партий на местах (...) Только немногие становятся парламентариями или евродепутатами. Политические устремления остальных ограничиваются местными органами. И, чтобы этим остальным хотелось работать на коллег, они сами должны видеть для себя шанс избрания в местное самоуправление. Дата парламентских выборов всё еще не определена, но всё свидетельствует о том, что они пройдут весной (...) Значит, вероятно, избирательный год кончится весной, хотя по-прежнему нельзя исключать, что это будет осень 2011 года». (Витольд Жажинский, «Дзенник — Газета правна», 5 июля)

- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному с 8 по 14 июля, у правительства Дональда Туска 43% сторонников и 26% противников. 46% опрошенных считают, что политика Туска дает шанс на улучшение экономического положения страны. («Газета wyborcza», 22 июля)

- «Правительство купило себе год спокойной жизни. Повышение НДС, доходы от приватизации и ликвидация льгот для фирм отсрочивает крах государственного бюджета (...) Судя по правительственной программе, министр финансов соберет 38 млрд. злотых. Это позволит удержать государственный долг в 2011 г. на уровне 55% ВВП». («Дзенник — Газета правна», 2 авг.)
- «Как сказал премьер Дональд Туск, штука не в том, чтобы проводить реформы, а в том, чтобы менять Польшу, не теряя поддержки». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 5 июля)
- «О масштабе задач, стоящих перед правительством, лучше всего свидетельствует уровень дефицита сектора государственных финансов. Он превышает 7%, а мы должны уменьшить его менее чем до трех. Приблизительно со 100 млрд. злотых мы должны прийти до 20–30 миллиардов». (Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 5 июля)
- «За растущий государственный долг мы уже сейчас платим почти 40 млрд. злотых в год. Несмотря на это, с октября должно начаться повышение расходов на социальное обеспечение. В будущем году это обойдется нам почти в 600 млн. злотых. Не будет и остановки или хотя бы замедления роста пенсий (...) Бюджет потратит на их валоризацию 2 млрд. злотых. Правительство не намерено также замораживать зарплаты учителей. В 2011 г. их ждет очередная, почти 10 процентная прибавка. Это еще 2 млрд. злотых. Мы будем продолжать выплачивать пособия на рождение детей (0,4 млрд. злотых), давать пенсии молодым шахтерам (8 млрд. злотых), солдатам, полицейским и крестьянам. Нет речи и о повышении пенсионного возраста или об экономии на администрации». (Барбара Марчук, «Дзенник — Газета правна», 15 июля)
- «К концу мая долг государственного казначейства достиг 679 млрд. злотых и был на 14,3 млрд. зл. больше, чем в апреле. Обязательства государственного казначейства составляют основную часть государственного долга, который, согласно конституции, не может превысить 60% ВВП». («Дзенник — Газета правна», 21 июля)
- «В докладе Высшей контрольной палаты о выполнении бюджета министерства национальной обороны за прошлый год (...) констатируется нарушение закона. В законе о бюджете сказано, что ежегодно министерство должно получать 1,95% ВВП. Между тем в прошлом году бюджет министерства был меньше необходимой суммы приблизительно на 2 млрд. злотых». («Жечпосполита», 28 июня)

- «Денежные вклады домашних хозяйств выросли в июне почти на 5 млрд. злотых и составили 399 млрд. (...) По данным Польского национального банка (ПНБ), вклады предприятий увеличились за последний месяц на 5,6 млрд. злотых и достигли 167,7 млрд. злотых». («Жечпосполита», 15 июля)
- По данным Главного статистического управления (ГСУ), в июне розничные продажи выросли на 6,4%; число безработных уменьшилось на 64 тыс. человек, а уровень безработицы упал с 11,9 до 11,6%; средняя зарплата увеличилась на 3,5%. Об улучшении потребительских настроений свидетельствует и динамично растущее число выдаваемых ипотечных кредитов. Халина Дмоховская, заместитель председателя ГСУ, оценивает темпы роста ВВП во втором квартале в 3,3%». («Газета wyborча», 24-25 июля)
- «Текущий индекс потребительского доверия, описывающий, как потребители оценивают свое положение и состояние экономики, вырос за месяц на 7,5% и сейчас на 11% выше, чем год назад». («Жечпосполита», 29 июля)
- «По данным Польского агентства информации и иностранных инвестиций (ПАИиИИ), в первом полугодии 2010 г. объем иностранных инвестиций превысил 5,5 млрд. евро. Это почти в два раза больше, чем в тот же период прошлого года, когда иностранные инвесторы вложили в польскую экономику 2,8 млрд. евро (...) По данным ПНБ, с июня 2009 по май 2010 г. приток прямых иностранных инвестиций в Польшу составил почти 11 млрд. евро, т.е. на 4 млрд. больше, чем за год до этого». («Дзенник — Газета правна», 19 июля)
- «По последним данным Государственной инспекции труда, предприниматели должны работникам 110 млн. злотых. Такова их задолженность за первое полугодие. Это на 19% больше, чем год назад. Число предпринимателей, которые несвоевременно платят своим работникам, выросло с 9,2 тыс. до 9,8 тыс. (...) В среднем предприниматели, задерживающие зарплату, должны работникам по 1514 злотых». («Газета wyborча», 22 июля)
- «Как показало исследование «Евробарометра», озаглавленное «Предпринимательство в ЕС и за его пределами», среди 27 стран-членов Евросоюза Польша заняла предпоследнее место по уровню оценки бизнесменов (...) Для поляков предприниматели — это по-прежнему люди, живущие чужим трудом (так считают 70% опрошенных) и заботящиеся исключительно о своих бумажниках (66%)». («Дзенник — Газета правна», 14 июня)

• «Квартиры для 14 семей, потерявших дома во время наводнения в Сандомеже, построят на собственные средства Рышард Гжиб, девелопер из Кельце. «Я делаю это по зову сердца», — говорит предприниматель (...) Двухэтажный дом на 14 квартир со всеми удобствами, приблизительно по 40 кв. м каждая. По предварительным расчетам, инвестиция будет стоить около 1,2 млн. злотых. «Если понадобится, я возьму кредит. Но фирмы, с которыми я уже много лет сотрудничаю, обещали помочь. Они хотят даром или за символический злотый передать мне стройматериалы» (...) Строительство должно начаться в июле, а закончиться весной будущего года. Дом будет передан городу, а гмина решит, кто в нем поселится». (Мартин Штандера, «Газета wyborcza», 29 июня)

• «Согласно опросу ЦИОМа, целых 93% поляков положительно оценивают пожарных (...) 73% опрошенных позитивно оценивают армию. На третьем месте полиция, которой довольны почти три четверти поляков. Церковь положительно оценивают 64% респондентов». («Дзенник — Газета правна», 23 июня)

• В ходе спасательной операции во время наводнения в Богатыне и Згожельце погиб 55-летний пожарный. После прорыва плотины высота паводковой волны достигала восьми метров. («Газета wyborcza», 9 авг.)

• «Прошло всего три дня со времени последней смерти поляка в Афганистане. В субботу от взрыва мины-ловушки погиб капрал Милош Гурка (...) Теперь от взрыва ракеты погиб солдат спецотряда Военной жандармерии рядовой Гжегож Буковский». («Газета wyborcza», 16 июня)

• «26 летний капрал Павел Стыпула (...) убитый в Афганистане, — это восьмой сапер, которого мы там потеряли. В провинции Газни дислоцируются 2600 польских солдат и офицеров». («Жечпосполита», 28 июня)

• «В пятницу погиб старший рядовой Дариуш Тыленда. Это двадцатая польская жертва миссии в Афганистане». («Жечпосполита», 7-8 авг.)

• Начиная с 2000 г. только на зарубежных миссиях погибло 50 военнослужащих, в т.ч. 22 в Ираке, 20 в Афганистане, 3 в Косове, 2 в Боснии и Герцеговине, 2 в Сирии и 1 в Ливане. («Жечпосполита», 29 июня и 7-8 июля)

• «В этом году исполняется 65 лет со дня облавы в окрестностях Августова, которую устроили в июле 1945 г. Красная Армия,

НКВД и [польское] Управление безопасности (...) Из 1900–2000 арестованных жителей было отобрано (...) около 600 человек, в т.ч. женщин и 15–16 летних мальчишек (...) которых затем вывезли в направлении восточной границы (...) После этого они бесследно исчезли (...) Следствие, которое ведет Белостокский отдел Института национальной памяти (ИНП), не может сдвинуться с мертвой точки, так как российская сторона не предоставляет документов (...) К России уже четырежды обращались за юридической помощью — пока что безрезультатно». (Адам Бялоус, «Наш дзенник», 7 июля)

• «Участники вчерашних торжеств в честь 10-летия Катынского мемориала не скрывали своей благодарности Польше. Многие подчеркивали, что если бы Польша не потребовала раскрыть правду о Катыни, они бы так и не узнали, как погибли их предки. Не было бы и кладбища, на котором рядом с польской частью есть теперь и российская — вскоре она будет расширена. Сотрудникам Катынского мемориала удалось совершенно случайно установить фамилии трех тысяч похороненных там граждан СССР». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 29 июля)

• «Пропаганда коммунизма запрещена так же, как пропаганда фашизма или антисемитизма. Это стало возможным благодаря недавним поправкам к уголовному кодексу. Теперь он предусматривает до двух лет лишения свободы за пропаганду коммунизма (...) Новая статья дает прокуратуре основания для преследования коммунистических организаций и закрытия восхваляющих эту идеологию интернет-сайтов. Статья вступила в силу с 8 июня. Левые уже подали на нее жалобу в Конституционный суд». («Жечпосполита», 14 июня)

• «Монография сотрудника РАН Александра Орехова, озаглавленная «Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений». Минимальный тираж 300 экземпляров. Издательство «Индрик», Москва, 2005. (...) Автор, опираясь на архивные документы, пишет о действиях советских властей в отношении Польши в переломные дни октября 1956 года (...) В заключение Орехов приходит к выводу, что под давлением польской стороны советская делегация вынуждена была признать движение бронетанковых дивизий на Варшаву военной и политической ошибкой. Пришлось уступить и по другим вопросам: повысить цены на поставляемый из Польши уголь; принять к сведению, что ЦК ПОРП будет решать свои кадровые дела сам, без консультаций с Москвой; согласиться на отзыв советских офицеров из Войска Польского и советников из органов

госбезопасности. С другой стороны, было достигнуто соглашение о снятии напряженности в польско-советских отношениях, последствия которой были непредсказуемы (...) В те дни был создан исторический прецедент. Впервые советское правительство уступило стране, попавшей в зависимость от него после II Мировой войны», — проф. Петр Лоссовский, ПАН. («Бунт молодых духом», май-июнь)

- «1 канал российского телевидения показал часовой документальный фильм «Катынский синдром» (...) Репортаж напоминает об обстоятельствах катастрофы и событиях последних трех месяцев. В нем есть кадры, показывающие польский траур, Путина и Туска, обнимающихся на месте катастрофы, визит президента Медведева в Краков и искреннее сочувствие россиян. Фильм рассказывает (...) также о расследовании причин катастрофы и о теориях заговора, в которые поверили тысячи поляков (...) Он добросовестно объясняет, что такое для поляков Катынь — преступление Сталина и НКВД. Лех Качинский не пожелал приехать в Москву (...) но 10 апреля хотел поблагодарить россиян за то, что они сделали для Катыни, и призвать к примирению. Авторы представили кандидатов на пост главы государства. «Польша нуждается в улучшении отношений с Россией», — заявляет Бронислав Коморовский. Но, подчеркивают россияне, Ярослав Качинский тоже выступил в Интернете с обращением к российскому народу». (Юстина Прус, «Жечпосполита», 5 июля)

- “Сегодня Польша значит для России гораздо больше, чем просто Польша как таковая (...) Без сотрудничества с вашей страной невозможно наладить корректные отношения с Европой. В последние годы мы спотыкались о Польшу, не понимая, что Варшаву не удастся поставить по стойке «смирно» благодаря нашим хорошим связям с Берлином, Римом или Парижем. Ибо это самостоятельный партнер (...) Польша, на которую Москва годами не обращала внимания, стала зрелым европейским государством (...) Поляки хотят от нас того же, чего мы хотим от Соединенных Штатов — уважения и внимания (...) В России, по крайней мере пока, не очень реагируют на то, что у вас вытворяют. На все эти рассказы об искусственном тумане, в котором сбился с курса президентский самолет, о мифическом лазерном оружии (...) Власти России сочли, что не следует отвечать на провокации. В конце концов, нас не интересуют ни третьесортные публицисты (...) ни политики третьей лиги (...) Для нас партнер — ваш премьер. И новый президент, с которым мы тоже связываем надежды (...) Поэтому мы игнорируем обвинения во

«второй Катыни»», — Дмитрий Тренин, директор Московского Центра Карнеги. («Газета выборча», 31 июля — 1 авг.)

• «Взаимоотношения России с Польшей можно описать с помощью трех схем: образец, партнер, конкурент. Образец, потому что Польша — успешная страна, в которой произошли эффективные преобразования; партнер, потому что в экономических отношениях с Россией Польша занимает высокое место; конкурент, потому что мы исторически конкурируем с Россией на территории государств, граничащих с нами на востоке, а кроме того, конкурируем и на западе (...) Главное препятствие (...) в наших отношениях с Россией (...) это взаимные предубеждения и вытекающее из них отсутствие взаимного доверия. Поэтому (...) год назад польско-российская Группа по трудным вопросам обратилась к министрам иностранных дел и премьер-министрам обеих стран с предложением создать центры диалога и взаимопонимания (...) Сегодня мы делаем ставку не на изоляцию России, но на ее включение во взаимодействие с нами — при поддержке Германии и Франции, с использованием Веймарского треугольника. Примером такого взаимодействия стала недавняя встреча четырех министров в Париже. Кроме того, Польша совместно с Норвегией выдвинула предложения в области построения доверия и военной безопасности (...) Мы можем и должны выстраивать наши отношения с Россией на принципах взаимности и взаимозависимости, открытости, прозрачности и предсказуемости», — проф. Адам Даниэль Ротфельд. («Газета выборча», 3-4 июля)

• «Согласно опросу, проведенному SMG/KRC спустя три месяца после смоленской катастрофы, более 40% поляков считают, что польско-российские отношения улучшились (...) Мы всё еще боимся российского господства и не слишком доверяем России как огромной империи. Однако 40% опрошенных видят в смоленской трагедии акт не только мученичества, но и примирения (...) Еще в 2009 г., по данным ЦИОМа, целых 40% поляков отрицательно оценивали наши отношения с Россией, в то время как отношения с Германией оценивали подобным образом только 10%». («Дзенник — Газета правна», 12 июля)

• «Президент Медведев назначил Александра Алексеева новым послом России в Польше. До сих пор Алексеев был директором одного из департаментов по делам Европы, а еще раньше — в частности, послом в Сербии. Прежнего посла России в Польше Владимира Гринина президент Медведев назначил послом в ФРГ». («Газета выборча», 24 июня)

• «До тех пор, пока Литва укрепляет свой суверенитет в европейских структурах, это совпадает с польскими государственными интересами (...) То же самое можно сказать о лукашенковской Белоруссии и Украине Януковича. Украинцы не обязаны нас любить; достаточно того, что существует независимое украинское государство — сосед, а не противник, — готовое сотрудничать с Польшей (...) Привлекательность нашей стратегической программы минимум заключается в том, что она совпадает с государственными интересами этих народов; они могут любить нас или не любить, но мы заинтересованы в том, чтобы они обрели и укрепили свою способность создавать стабильные государственные структуры, закладывая основы динамичного экономического и цивилизационного роста (...) Именно в этом кроется противоречие между интересами Польши и российскими интересами, направленными на воссоздание имперского пространства (...) Поэтому небезосновательны опасения некоторых комментаторов, полагающих, что заметный в последнее время поворот России в сторону сближения с Польшей и Европой может, в частности, преследовать цель получения политических уступок за счет Украины и Белоруссии. Или по крайней мере молчания». (Антоний З. Каминский, Генрик Шлайфер, «Жечпосполита», 10–11 июля)

• «Примирение с Россией не может совершаться в условиях, которые означали бы отказ от поддержки свободолюбивых и демократических устремлений других народов. Ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что суть политики в отношении России — соглашаться с российской точкой зрения, что это — условие сотрудничества. Нужно строить наши отношения без идеалистических иллюзий, что все расхождения интересов внезапно исчезнут. Никуда они не денутся», — новоизбранный президент Бронислав Коморовский. («Газета wyborcza», 10–11 июля)

• «29 июня в Варшаву приехали 75 учеников и учителей закрытого властями минского лицея им. Якуба Коласа. Уроки проходят в школьном комплексе №24 на ул. князя Януша (...) В этом году белорусы проведут в Варшаве две недели, а затем поедут на 9 дней в Гданьск (...) Выпускные экзамены они сдают экстерном в белорусских лицеях (...) В Варшаве гости из Белоруссии живут в интернате школьного комплекса №24. Ежедневно у них по 5 часов уроков. Помимо этого, они ездят на экскурсии». (Иоанна Подгурская, «Газета wyborcza», 7 июля)

• «37-летняя Анжелика Орехво, директор польской общественной школы в Гродно, стала новым председателем не

признанного властями Союза поляков Белоруссии (СПБ) (...) Орехво сменила на этом посту Анжелику Борис, которая после пяти лет руководства союзом сложила с себя полномочия по личным обстоятельствам (...) Начиная с 2005 г. Орехво была заместителем председателя СПБ». («Газета выборча», 21 июня)

• «Вчера Анжелику Орехво (...) на несколько часов задержала белорусская милиция (...) Председатель СПБ ехала на встречу со Штефаном Фюле, европейским комиссаром по вопросам расширения и политики добрососедства». («Газета выборча», 9 июля)

• «Вчера белорусские пограничники не впустили в свою страну Роберта Тышкевича, депутата от ГП и заместителя председателя комиссии Сейма по внешней политике (...) Трех депутатов от Пис они пропустили. Тышкевичу сообщили, что он нежелательное лицо на территории Белоруссии». («Жечпосполита», 12 июля)

• «Программе Киркланда 10 лет (...) За это время стипендии получили более 400 студентов из стран бывшего СССР. Таковы достижения стипендиальной программы им. Лейна Киркланда, созданной Польско-американским фондом свободы (...) Стипендии могут получить лица с высшим образованием до 35 лет, в исключительных случаях — до 40. Они должны знать польский или английский и по крайней мере понимать по-польски. Кандидаты представляют свои достижения конкурсной комиссии (...) Стипендия составляет 1800 злотых в месяц. Проживание бесплатное. Четыре раза в год в разных городах Польши проходят обязательные для всех встречи. Кроме того, участники программы работают в самостоятельно выбранном вузе и пишут дипломную работу под руководством тьютора. Они получают в пользование ноутбук, который после успешного завершения программы переходит в их собственность (...) В течение 10 лет через программу Киркланда прошли 424 человека, а всего заявок на участие в ней было подано 2,5 тысячи. Половину участников составили украинцы, за ними следуют белорусы, россияне и граждане других стран бывшего СССР». (Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 24 июня)

• «Молодые вьетнамцы, родившиеся в Польше, — кто они? (...) Изучением этого вопроса занялось Общество вьетнамцев в Польше «Солидарность и дружба» (...) 46% опрошенных считают себя вьетнамцами, 38% — представителями двух национальностей, 10% — поляками, причем половина из них — дети от смешанных браков. 5% не чувствуют себя связанными ни с какой нацией (...) У респондентов нет

трудностей в общении с польскими ровесниками. Как правило, в школе они чувствуют себя хорошо. Большинство из них учатся в частных школах. С успеваемостью у них все в порядке. Только 3% опрошенных подвергались дискриминации или даже насилию». (Магдалена Дубровская, «Газета выборча», 30 июня)

- «По разным оценкам, численность вьетнамского меньшинства в Польше составляет от 20 до 60 тыс. человек (...) В государственных школах зарегистрировано 10 тыс. учащихся-вьетнамцев». («Впрост», 15 авг.)

- Европейская комиссия против расизма и нетерпимости опубликовала свой четвертый доклад о дискриминации в Польше (...) По мнению его авторов, некоторые польские политические группы и влиятельные СМИ терпимо относятся к антисемитизму. Серьезная проблема — расизм среди футбольных болельщиков, в т.ч. угрозы чернокожим спортсменам и грубые ссылки на Катастрофу (...) Авторы доклада обращают также внимание на то, что многочисленные сайты и печатные публикации призывают к этнической и религиозной ненависти, а некоторые крайне правые организации по-прежнему остаются активны». («Жечпосполита», 16 июня)

- «Бывший президент Александр Квасневский получил премию Ирены Сендлер за выдающиеся заслуги в деле сохранения еврейского наследия в Польше. «Его правление ознаменовало новую главу в становлении Польши как демократической страны. Он не только пытался примирить Польшу с прошлым Катастрофы, но и осуществлял беспрецедентную политику поддержки Музея истории польских евреев», — обосновал присуждение премии член ее комитета Тэд Таубе. Квасневский был награжден также за участие в церемонии в годовщину убийства евреев в Едвабне и за содействие в возвращении польского гражданства польским евреям, лишенным гражданства ПНР после антисемитской кампании 1968 года. Премию Ирены Сендлер присуждает Фонд Таубе в поддержку еврейского образа жизни и культуры со штаб-квартирой в Сан-Франциско». («Газета выборча», 1 июля)

- «В Польше многим по-прежнему трудно признаться в том, что их семьи спасали евреев во время II Мировой войны, — таков один из выводов прошедшей вчера в Кракове конференции «Польские «Праведники народов мира»». Среди 23 тысяч удостоенных звания «Праведник народов мира» — 6209 поляков. Однако многие семьи, которые во время немецкой оккупации прятали евреев, не хотят в этом

признаваться. Об этом явлении говорил, в частности, посол Израиля Цви Рав-Нер». («Газета выборча», 29 июня)

• «Зигмунт Бауман утверждает: «В сущности не исчезло ни одно из социальных условий, сделавших возможной Катастрофу». А Жанет Айинкамие из Ньяматы считает: «Я не верю людям, которые говорят, что мы в последний раз столкнулись с подобной жестокостью. Если свершился акт геноцида, то может свершиться и еще один — в любой момент будущего, где угодно, в Руанде или в каком-нибудь другом месте»». (Ежи Франчак, «Тыгодник повшехный», 20 июня)

В 1980–1981 ГОДУ В ЦЕНТРЕ СТОЯЛА ПОЛЬША

— С какого времени или с какого момента вас стало интересовать то, что происходило в Польше? Что это было? Это были политические события? Или это были какие-то явления культуры? Если можно, о польских влияниях и вашем восприятии польских событий.

— То, о чем вам говорил Марат и некоторые другие, скорее относилось к моей реакции на венгерские события, а польские — постольку, поскольку они послужили как бы спусковым крючком для развития венгерской революции 1956 года. Но вот сейчас, выслушав ваш вопрос и перебирая в памяти, я могу сказать, что первое столкновение с польской проблематикой у меня произошло еще на первом курсе исторического факультета Ленинградского университета, на котором — это было очень давно — в разгар кампании по борьбе с космополитизмом мой друг выступил на комсомольском диспуте с изложением своих представлений о том, что есть патриотизм, и привел как пример ложного, официозного, «квасного» патриотизма стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Я его поддержал. После этого он получил соответствующее наказание. Я был заместителем секретаря комсомольского бюро. Меня выгнали из бюро и вынесли строгий выговор по комсомольской линии «за идеологически вредное выступление на диспуте». Такие были тогда нравы.

— В каком году это было?

— В 1949-м.

— А как звали друга?

— А вот он тут сидит. Радий Исаакович Цимеринов. Он собственно выступал с докладом, а я выступал с поддержкой. Понимаете, я к польскому восстанию изначально относился не так, как Пушкин, а так, как Герцен. Мы еще не знали тогда, что за эти стихи Пушкина осудили некоторые его друзья, например, П.А.Вяземский. Но в те годы в официальной идеологии доминировала имперская интерпретация истории. Пушкинские инвективы в адрес европейских политиков, выступивших против русской интервенции, отвечали задачам

«антикосмополитического», имперского воспитания студенчества. Нам говорили: «Вы замахнулись на национальную святыню — Пушкина. Это идеологическая диверсия». Правда, это словосочетание, типичный образчик средневекового, инквизиционного мышления, в широкий оборот, кажется, вошло позднее.

— *Что было после этого с Радием Исааковичем?*

— Радия Исааковича сразу же выгнали из комсомола. Его долго мытарили, но потом с трудом в каких-то следующих инстанциях восстановили. В общем, у нас были крупные неприятности тогда.

— *Из университета не выгнали?*

— Слава Богу, нет. Ни его, ни меня.

— *А почему не выгнали?*

— Ну, наверное, сочли, что все-таки прегрешения не таковы, за которые следует выгонять.

— *Это же был период начала «ленинградского дела», и довольно круто со всеми обходились.*

— Вообще да. Ну, не знаю. Это не ко мне вопрос.

— *Что было фоном? Что происходило тогда?*

— Фоном были совершенно чудовищные конференции по борьбе с космополитизмом, которые происходили на всех факультетах. Втапывали в грязь впавших будто бы в грех космополитизма наших учителей, выдающихся ученых, не нам чета, первокурсникам. Скажем, был такой замечательный востоковед Василий Васильевич Струве. Это не Петр Бернгардович, но, наверное, из того же рода, хотя к Петру Струве он не имел отношения. Он академик был, специалист по Древнему Египту. Мне запомнилось его униженное покаянное выступление на конференции. Оно звучало примерно так (я не уверен, что воспроизвожу его абсолютно точно, но близко к тексту): «Два года тому назад я совершил антиобщественный поступок. Я рекомендовал к печати порочную книгу профессора Соломона Яковлевича Лурье о Древней Греции. В этой книге Соломон Яковлевич писал, что общегреческого патриотизма не было, а был патриотизм Афин, патриотизм Спарты. А между тем на самом деле весь греческий народ сплотился в борьбе против персидского вторжения». Вот примерно так. Выступал на этой конференции только недавно назначенный деканом

исторического факультета профессор Корнатовский (прежний декан, которого студенты очень любили, профессор Мавродин, был смещен за «послабления космополитам»). Корнатовский, постукивая кулаком по кафедре, говорил: «Космополитизм — это изнанка контрреволюционного троцкизма. Космополитов надо искать и разоблачать». Это не помешало ему вскоре отправиться в места не столь отдаленные за «троцкизм». Ну а нас, мелкую шушеру, всего лишь нашли и разоблачили.

— *Вам не жутко было? Не страшно?*

— Вы знаете, было обидно, конечно, неприятно, но нет, не страшно. Потому что мы не понимали тогда, что происходит. Мы воспитывались в политически достаточно дистиллированной среде и считали себя идейными комсомольцами. Сколько-нибудь серьезное, системное прозрение началось после 1953 года. Вернее в 1953 г., после смерти Сталина.

— *Ваши однокурсники как воспринимали ваши эскапады?*

— По-разному. Ребята, которые пришли учиться, а не делать комсомольскую и партийную карьеру, в общем, считали: ну, за что их? Ну, сказали, но зачем уж так? Так думали не только наиболее близкие нам.

Вот это было первое, косвенное столкновение с польской проблематикой. А после этого польская история, польская социальность, польский менталитет, о чем я узнавал из литературы, в какой-то мере из печати, производили впечатление и оказывали влияние на, как мы бы теперь сказали, «перезагрузку» мышления. И в том политическом прозрении, которое происходило после смерти Сталина, важную роль сыграли различные публикации польские. Хорошо помню журнал «Польша». У меня, кажется, до сих пор где-то хранятся экземпляры этого журнала 1956 года. Он издавался на русском языке, и там были очень интересные материалы. А кроме того уже начали поступать какие-то произведения, речи, выступления польских авторов, которые в 1956 г. взорвали идеологическую ситуацию в Польше или в значительной мере ее поколебали. Из числа этих работ мне помнится статья Яна Котта, польского публициста, писателя. Названия этой статьи я не помню. Ее кто-то перевел на русский язык, и она ходила в самиздате, хотя это слово появилось позже. Комментарий к разоблачениям, прозвучавшим на XX съезде, о том, что было у нас и в Польше при Сталине. Запомнилось, в частности: «Мы, польская социалистическая интеллигенция, властители дум поколения, — мы давали

согласие на ложь, мы давали согласие на преступления». Или краткое введение к работе выдающегося польского философа Л.Колаковского «Что такое социализм» — что социализмом не является^[1]. Афористически яркие, точные, короткие характеристики сталинистского режима я и сейчас воспроизвожу, выступая перед студентами. Вот такого рода произведения, приходящие из Польши, если не раскрывали что-то принципиально новое, поскольку к этому времени мы уже многое знали, но создавали определенный эмоциональный накал.

А несколько позже к нам пришло польское кино. Прежде всего фильмы Анджея Вайды. Такие фильмы, как «Канал», «Пепел и алмаз», некоторые другие, производили колоссальное впечатление. В общем, этот лейбл — «польское кино» — был своего рода опознавательным знаком. Мы нетвердо помнили имена режиссеров, но одно только сообщение, что на экраны выходит польский фильм, побуждало всматриваться в репертуар кинотеатров... Телевидения не было, вернее телевидение фильмы такие не показывало, да у нас и не было телевизора. Поляки не зря говорили, что в социалистическом лагере у них самый веселый барак, и то, что происходило в этом бараке, было, конечно, очень интересно.

Один мой близкий друг, ныне покойный, тоже историк, профессионально занимался историей Восточной Европы. Польша входила в круг его интересов. Его звали Валентин Михайлович Алексеев. Это ленинградский историк, мой близкий друг начиная с университетских времен и до его кончины, он умер в 1994 году. Мне уже после его смерти удалось издать две его книги, которые не могли выйти при советском режиме. Одна книга называлась «Венгрия 1956: Прорыв цепи». А другая — о восстании в Варшавском гетто. Издавал я вторую книгу через московский «Мемориал», а деньги на это издание дал Владимир Гусинский. Потом книги эти были частично реализованы через книготорговую сеть, была получена некая сумма, в общем, грошовая, конечно. Но на эту сумму его жена издала следующую книгу, это уже ее заслуга, — «Варшавское восстание 1944 года». Презентация книги о Венгрии состоялась в венгерском посольстве в Москве, а «Восстания в гетто» — в московском «Мемориале».

С этой книгой была такая история. Ее рукопись прочли и оценили люди, влиятельные в академическом мире, в частности известный ученый Владимир Михайлович Турок-Попов. И они пробили издание книги в научно-популярной серии издательства Академии наук. С Алексеевым заключили

договор на издание книги о восстании в гетто. Издательский план на 1967 год попал в Израиль. Израильские журналисты оповестили своих сограждан: наконец в Советском Союзе выходит книга о героическом эпизоде еврейского сопротивления в Польше. Алексеев — русский, выходец из питерской рабочей семьи. Обращение к этой теме не было «зовом крови». Но в 1967 г. произошла шестидневная война. В СССР поражение его союзников спровоцировало очередной пароксизм антисемитизма. И герои гетто должны были ответить за «агрессию израильской военщины против миролюбивых арабских народов». Книгу выбросили из плана. И лишь в 1990-х мне удалось ее издать..

Это был век спецхранов. Очень многое было закрыто для нас — документы, литература, периодика. Алексеев читал на нескольких европейских языках, прекрасно знал польский язык, читал прессу, читал книги и пересказывал нам очень многое.

Польский язык выучила и моя жена, Алла Назимова, которая кончала десятилетку на Украине, знала украинский язык, и через украинский ей легче было освоить польский. А через польский мы познакомились со многими произведениями современной мировой классики. Так, «По ком звонит колокол» Хемингуэя, который у нас упорно не хотели издавать, можно было купить на польском языке в магазине «Книги стран народной демократии». Она прочитала и близко к тексту пересказала мне этот роман.

— *Вы сами польский никогда не пытались учить?*

— Я не пытался его учить, но наверное по известному созвучию с русским языком многое понимаю. Могу читать со словарем и даже публиковал рецензии на польские книги. Когда я бывал в Польше и при мне говорили по-польски, несколько больше половины сказанного я понимал. Может быть, потому что речь шла не на бытовые темы, а о каких-то политических или иных общественных материях. Чего-то не понимал, но догадывался.

Первый мой выезд за границу — в социалистическую страну, а не за «железный занавес», туда меня долго не пускали, — был выезд в Польшу и Чехословакию в 1967 году. В обычной туристической группе, каких много было. В этой группе, в ее части сложилось некое сообщество людей... Знаете, интеллигенты довольно быстро друг друга определяют — кто есть кто. Близость идейных, политических позиций, предпочтений, в том числе и в том, что надо смотреть в первую очередь, быстро выявляется. Помнится, мы оторвались от

группы и пошли смотреть в Варшаве фильм Стенли Кремера «На берегу» — фантазию на тему атомной войны. У нас пресса очень одобрительно встретила этот фильм, но в Советском Союзе его не показывали. А в Польше он шел. Мы на те денежки, которые другие туристы озабочены были как бы рациональнее употребить на недоступные в СССР тряпки, отправились смотреть кино в этом безобразном здании «Дворец культуры и науки» — знаете это здание в Варшаве?..

— *Отчего же «безобразном»? В Москве таких зданий как грязи.*

— Да, здесь действительно их больше. Подождите, еще и в Петербурге «Газпром» выстроит такого монстра, перед которым все сталинские высотки можно будет принять за творения изящного стиля... Так вот, пошли мы в один из кинотеатров этого здания. Знаете, поляки нам говорили: какая самая выигрышная точка в Варшаве? Это когда стоишь наверху этого дворца: видно всю Варшаву, а его не видно... А вообще мне очень понравилась Польша. Потом я был здесь еще несколько раз, всегда было очень интересно, обзавелся друзьями, но первое свидание — как первая любовь.

Потом, через два года, моя жена ездила с группой студентов в Польшу. Она социолог. И тогда она познакомилась с польскими социологами. А польская социология тоже была одним из авангардных отрядов, если можно так выразиться, социологической науки в странах соцлагеря. Сложились отношения профессиональные, человеческие, дружеские. Стали встречаться, обмениваться информацией, книгами. Они приезжали в Москву, со многими из них я тоже перезнакомился. И я ездил в Варшаву, жена ездила в Варшаву. Начиная с 1969 г. возникли личные связи по меньшей мере с десятком известных польских ученых, университетских преподавателей. Со многими из них — к сожалению, я давно не был в Польше, — когда я приезжал, мы встречались, обсуждали вполне откровенно советские и польские дела как люди, понимающие друг друга с полуслова. Я очень высоко ценил дружбу таких людей. Один из них — Ежи Клеер, известный ученый, колумнист в одном из самых популярных польских еженедельников — «Политика». Я занимался тогда развивающимися странами, Третьим миром, хорошо знал его по работам, он несколько книг написал на эту тему. Сначала обсуждали профессиональные темы. Затем перешли к тому, что занимало нас более всего. Запомнились его прогнозы. В один из моих приездов в Варшаву он сказал: «Через год в Польше будет легальная политическая оппозиция». Я приехал через год и сказал: «Вы были правы, Ежи; а что будет еще через год?» — «А

через год в Польше не будет коммунистической партии...» Это казалось невероятным, но он как в воду глядел. Он живет на юге Варшавы. Когда я приезжал в Варшаву, мы договаривались обычно о встрече где-то в центре города, и он на маленькой машине вез меня к себе на край города, и разговор продолжался дома, в обществе его очень милой жены.

Вспоминаю и других друзей. Одна из них — умница, очень красивая женщина, социолог, работавшая в Академии наук, Мария Ярославская. Очень славная, высоко профессиональная и общественно активная женщина. Назову еще одного человека, не знаю, жив ли он, он был много старше меня, — это Станислав Видершпиль^[2]. Он был в польских военных формированиях, которые шли вместе с Красной армией освобождать Польшу. Потом он стал ученым, профессором.

Потом у моей жены были три аспиранта — поляки, учившиеся в Ленинграде. С ними долго поддерживались отношения.

В 1980 г. мы с женой по приглашению Анны Гжеляковой провели май в Польше. Жили под Варшавой, много ездили по стране, побывали в Кракове, в Закопане, во Вроцлаве. Драматические события, выход «Солидарности» на политическую арену, развернулись, как вы, наверное, помните, в августе. Но уже всё кипело, и мы это видели, нам многое рассказывали. Где-то в Кракове, в окраинном кинотеатре мы поймали фильм Вайды «Человек из мрамора». О его содержании нам рассказывали еще в СССР, но там он в то время, конечно, идти не мог. Мы смотрели, жена старалась синхронно переводить мне речь героев, вызывая, конечно, неодобрительную реакцию окружающих, которым мы мешали. Фильм произвел на меня колоссальное впечатление, после того, уже в России, я видел его раз пять. Когда мы вернулись в Москву, собрали друзей, наперебой делились впечатлениями. Было ясно, что вот-вот режим там рухнет. И тогда... Воображение рисовало эффект домино.

Нам рассказывали об организации польских интеллигентов, установивших связи с рабочими, — диссидентов из КОС-КОР. Личные знакомства состоялись позже, но то, о чем нам рассказывали, кружило голову: вот бы дожить до чего-то подобного в России. Но надо признаться: наши знания о комитете тогда были крайне поверхностны. Больше о нем мы узнавали уже в Москве, когда рвануло.

Вспоминается и такой эпизод. 1981 год. Меня и еще одного моего коллегу пригласили в журнал «Проблемы мира и социализма», который тогда был в Праге, для обсуждения

проблем Латинской Америки. Я тогда занимался странами Третьего мира и, в частности, Латинской Америкой. Обычно заграничные поездки оформлялись так: как едешь, так и должен возвращаться. Но поскольку командировка шла по линии ЦК партии, то нам разрешили туда лететь на самолете, а обратно возвращаться на поезде. И выбрали мы поезд, который шел через Польшу. На станциях — плакаты, лозунги «Солидарности». Поезд остановился в Варшаве. Не на главном, а на незнакомом нам северном вокзале. Никто не мог нам сказать, когда поезд тронется. И остановили его не прямо напротив здания вокзала, а несколько поодаль, через несколько путей. И вот мы с моим товарищем пошли добывать такие польские газеты, которые в Москве не продавались. Мы бегом носились по путям и платформам, не зная, когда тронется поезд. Были мы в спортивной одежде, тепло было. И, естественно, без документов — документы у нас остались в купе. В общем, почувствовав, что может быть нехорошо, мы побежали к поезду и буквально за минуту или две до его отправления сели в вагон. Я потом много раз себе представлял, что было бы, если бы два русских академика без документов, без денег остались бы на вокзале, а наши вещи и одежду поезд повез бы в Москву. Но Бог миловал.

— *Не хотелось остаться?*

— Ну, остаться, да нет, не хотелось.

— *Но ведь декабря же [1981] еще не было?*

— Ну, видите, как остаться? Но было очень интересно. А потом в конце 80 х, уже у нас шла перестройка, я был опять в Польше на какой-то конференции. И меня познакомили с человеком, имя которого звучало легендарно, одним из лидеров КОРа, — Адамом Михником. Он довольно хорошо говорит по-русски. На следующее утро наша делегация улетала, и мы условились встретиться рано утром в гостинице. Он пришел, так как знал меня по одной, совместной с Юрием Левадой, публикации в «Московских новостях» — он жадно поглощал всю перестроечную прессу, и память у него феноменальная. Так состоялось знакомство. Потом он не раз бывал в Советском Союзе, в России. В книге, на презентации которой вы присутствовали, я поместил фотографию: Михник у меня дома. Шел 1990 год. Я пригласил несколько моих друзей, и мы, перебивая друг друга, рассказывали о событиях в СССР, о спорах на российском Съезде депутатов (я уже был депутатом), о шахтерском движении, о шахтерских забастовках в Кузбассе. Мне запомнилось: в этом месте Михник сделал большие глаза и

сказал: «Как? Там забастовки, а вы — здесь!? Что же вы здесь делаете?» (Смеется)

— *Вы об этом пишете в книге?*

— Пишу. Здесь — одно из главных отличий нашей ситуации от польской. Мы вскоре — таки отправились в Новокузнецк, были на шахтерском съезде. Мой друг Леонид Гордон стал специально заниматься шахтерским движением. Завязал связи с его лидерами. Кузбасских депутатов «ДемРоссия» привечала на Съезде, Ельцин опирался на шахтеров в борьбе с союзными структурами. Важнейшие их требования были политическими. Но воспроизвести польский опыт — сомкнуть рабочее движение с политической борьбой — у российских интеллигентов не получилось. Вероятно, повинны обе стороны, а последствия были катастрофическими. Но это слишком серьезная и больная проблема, чтобы говорить о ней вскользь.

— *А какое впечатление производил Михник?*

— Очень хорошее. Он умница, у него яркий, оригинальный ум, парадоксальное мышление. Он человек чрезвычайно образованный, очень много читал, очень многое помнит. Самое лучшее впечатление. К сожалению, я его давно не видел. (Дополнение 2009 г.: На протяжении последнего года он несколько раз приезжал в Россию, участвовал в конференциях российских демократов — тех, кто не перебежал обслуживать Кремль. В частности, на Ходорковских чтениях. Увозит из России, как всегда, неподъемную гору книг. Подарил я ему и мой двухтомник. Встретились мы, как будто расстались вчера, в том числе в домашней обстановке. Мне говорили, что он тяжело болел. Но сейчас он в хорошей форме: оживлен, деятелен, весел. Повторяет: «Я антисоветский русофил». Думаю, что в сегодняшней Польше, качнувшейся было за братьями Качинскими, это дорогого стоит. Он издает «Газету выборчу», как мне говорили, лучшую политическую газету в Польше. Пospорили мы с ним немного о российской нынешней ситуации, не без этого. Дай Бог ему здоровья!)

— *Вы говорили, что с интересом смотрели польские фильмы, читали какие-то тексты. А вот что можно было взять там? Чего не хватало здесь и что можно было взять у них?*

— Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Здесь требуется серьезное историческое и сравнительно-культурологическое исследование.

— *Можно его переиначить: что давало вам польское кино, газеты?*

— А можно сказать, что давало западному читателю знакомство с русской культурой, с уроками российской истории? Почему западный читатель припадает при одном имени Достоевского? Можно сказать? Я не знаю. Это были... Скажем, тот же «Пепел и алмаз». Если бы меня попросили составить список десяти лучших фильмов всех времен и народов, я бы «Пепел и алмаз» Анджея Вайды непременно включил бы в этот список. На мой взгляд, это гениальная картина. И не она одна.

Мне очень нравится Варшава. Очень нравится Краков. Очень. Меня восхищает то, что поляки, пообсуждав какое-то время, стоит ли восстанавливать разрушенную гитлеровцами в отместку за восстание Варшаву, возвращать ей прежний облик, ввели целевой налог на каждого поляка. Небольшой налог, но благодаря этому собрали огромную сумму и отстроили Варшаву в том виде, в каком она была до войны, до разрушения^[3]. Вот такая жизнестойкость, их отношение к собственной истории, к своим гражданам, к своим жертвам заслуживают и восхищения, и перенимания.

— *А было что-то, что вас, наоборот, смущало, мешало в Польше?*

— Да нет. Во всяком случае, не помню. Не помню. Такого не помню.

— *Скажите, пожалуйста, а почему у поляков очень многое получилось, и получалось, и продолжает получаться, а у нас — нет.*

— Вы хотите, чтобы я... сравнительное историческое исследование провел?

— *Понимаю, что такой вопрос историку нельзя задавать, но тем не менее.*

— Вы знаете, я думаю, среди очень многих отличий, о которых можно говорить бесконечно, есть один очень важный момент... То, что я вам сейчас скажу, носит очень субъективный характер. Я человек неверующий, хотя, конечно, не воинствующий атеист. Готов повторить за Лапласом: я не нуждаюсь в гипотезе о существовании Бога, но с великим уважением отношусь к людям, для которых вера — глубокий и искренний выбор. (Конечно, не к тем, кто приходит в церковь, чтобы телевидение продемонстрировало их народу стоящими со свечкой. Явлинский как-то сказал, что наши руководители в храме держат свечи как стаканы.) При всем уважении к настоящей, серьезной вере, я не историк религии и могу

опираться только на историческую и общекультурную информацию. Но полагаю, что очень важную роль в воспитании польского характера играло то обстоятельство, что поляки оказались вовлечены в общеевропейский поток через католическую Церковь. Мы же выбрали провинциальную религию, которая в культурном отношении нас отделила от общеевропейского потока, и официальную Церковь, которая проповедовала почтение к государству. Как историк я знаю, какую роль, в духовном сопротивлении коммунистическому режиму играла польская католическая Церковь. Конечно, и там есть свои проблемы, своя агрессия, своя экспансия. Скажем, мне не нравятся требования Польши к европейской конституции: запишите в конституцию, что мы исходим из ценностей христианства. Заповеди Нагорной проповеди — этическая основа европейской цивилизации, но Европейский Союз — светское государственно-политическое образование. Я думаю, что это такое же проявление церковной экспансии, какой и у нас тоже с лихвой хватает со стороны русской православной Церкви. Но то, что Польша с давних времен оказалась вовлечена в общеевропейский культурный поток, а не заражена мессианскими идеями «особого пути» и «великого предназначения», на мой взгляд, играло чрезвычайно важную роль. Прав Чаадаев: Россию как бы назначил Господь показать миру, как жить не надо. Гипербола? Конечно, но в ней глубокий смысл.

Отмечу и еще одно немаловажное обстоятельство. Польский коммунистический режим тоже, конечно, коверкал душу народа, но был он не до такой степени кровавым, как соседние режимы. Один пример: у меня нет никакого почтения к Гомулке после всего того, что он делал после 1956 г., после позорной антисемитской кампании, которую он устроил в 1968-м. Но характерно, что Райка казнили, Сланского казнили, Костова казнили, — а польские коммунисты Гомулке сохранили жизнь. Значит, режим был всё-таки немножко помягче.

Что, может быть, еще важнее: в Польше коллективизация сельского хозяйства не была доведена до конца, вернее, практически не начата. И польский крестьянин сохранил относительную экономическую независимость. Другое дело, что сегодня польский фермер не эффективен и перед сельским хозяйством серьезные проблемы стоят. Но крестьяне, которые составляли значительную часть польского населения, были не в такой степени повязаны, как советские колхозники, и это очень важно. Да и в городах была разрешена мелкая частная собственность — в торговле, в сфере обслуживания, что давало

возможность альтернативного заработка, независимого от государства.

А интеллигенция создавала негосударственные учебные курсы, обучала молодежь, распространяла реальное знание, а не квазимарксистскую жвачку. И каким-то образом находила негосударственное финансирование. Одно дело, когда вы служащие у государства, и получаете зарплату от государства, и когда вас выгоняют, то вы лишаетесь средств к существованию. А другое дело, когда у вас есть какая-то общественная структура, которая вам платит деньги за работу. Если она не будет задумана государством, то вы в научной, преподавательской деятельности можете не следовать государственным предписаниям. Не следует забывать о влиянии и поддержке со стороны Полонии — польской диаспоры. Вот некоторые, по-моему, важные штрихи. Я не претендую на универсальное объяснение.

— Если говорить гипотетически о национальном характере (если вообще о нем можно говорить и вы допускаете его существование), то что можно сказать о польском характере?

— Я не настолько хорошо знаю это, чтобы характеризовать польский национальный характер. Но, скажем, мои польские друзья мне очень нравятся. В том числе и такими чертами, как достоинство, гордость, независимость, самостоятельность, нежелание становиться в строй. Нравятся, если хотите, до некоторой степени индивидуализмом, который, если он не агрессивен, если он не связан с ущемлением достоинства других людей, на мой взгляд, является ценным человеческим качеством. Но, повторю, я не берусь характеризовать польский национальный характер. Ведь круг моего общения был не очень широк, это в основном поляки, говорящие по-русски. В какой-то степени мои познания формировались через жену, которая была переводчиком и помогала в общении. Мне очень нравились молодые тогда люди, ее польские аспиранты. Теперь они уже не молодые... Но эти молодые люди, с которыми я тогда познакомился, самостоятельные, зрело и здраво судившие о жизни, заметно отличались от большинства советских студентов и аспирантов, с которыми я тогда имел дело. Сейчас и в России появилось много таких людей, в том числе среди моих студентов, аспирантов. Но поляки, кажется, и от них отличались темпераментом, что ли, общественной ангажированностью. Это бросалось в глаза, производило впечатление.

— А чем была для вас «Солидарность»?

— Это был прорыв очередной цепи, опутавшей Восточную Европу. Вслед за Будапештом-56, за «Пражской весной». Почти всю свою сознательную жизнь я ждал и в меру сил пытался чего-то сделать, чтобы конструкция тоталитарной власти рухнула. Так вот в Польше она явно начала рушиться, и никак не получалось привести ее к тому положению, которого желали руководители «братских» партий, все эти ничтожные советские геронтократы и их прихлебатели в соцлагере и за его пределами.

«Солидарность» была надеждой. Я вам рассказывал об эпизоде проезда через Варшаву в 1981 г., это было как раз незадолго до введения военного положения, в сентябре или октябре 1981-го. Я тогда там приобрел несколько номеров газеты «Солидарность» [вероятно, «Тыгодника Солидарность». — Ред]. Не помню уже, за какие деньги. У меня ни польской валюты, ни долларов не было. Может, мне подарили: я сказал, что я русский.

— В киоске?

— Какие-то газетчики там были. А может, я рубли заплатил, не помню.

— А как следили за этими событиями? Это притягивало?

— Да, конечно. Конечно. Но и в Москве уже было немало источников информации. Тут были зарубежные газеты, они были доступны нам. Кроме того, мы были подписаны на какие-то польские газеты. Моя жена читала их.

— В 1980-1981-м?

— Да.

— А какие были доступны западные газеты?

— Поскольку я был научным работником, то я мог работать в спецхране — были такие отделы в наших библиотеках — и читать любые газеты. Проблема была во времени, а не в поиске источников. Помнится, в период «Солидарности» я прочел статью Северина Бялера^[4], которую он напечатал в «Форин афферс». Это была прекрасная аналитическая статья, посвященная польским событиям, анализ всех этапов возникновения и восхождения «Солидарности». Я ее законспектировал и пересказывал друзьям. Это, конечно, не единственное, что я читал, но мне запомнилась именно эта статья.

Лет на десять позже я познакомился с Бялером. Он ведь тоже пришел в Польшу с Красной армией, потом стал профессором, занял какую-то позицию в ПОРП. А потом он, оценив то, что происходило в его стране, приехал в ГДР и перешел в Западный Берлин, эмигрировал (это было еще до возведения Берлинской стены). В годы перестройки он приезжал в Москву, был даже на одной из моих встреч с избирателями в 1990 году. А вообще работал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Вот вам еще один поляк, встретившийся на моем пути.

— То есть можно было читать научные журналы? Они были доступны?

— Да. Понимаете, я работал тогда (как и сейчас) в элитарном академическом институте. Это Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук. Основные текущие зарубежные издания институт получал. И отправлял в спецхран. Но практически все научные сотрудники института имели туда доступ. И проблема была не в том, чтобы получить эти издания, а в том, чтобы найти время для их чтения. У нас же много было других обязанностей — плановая научная работа и т.д. Но вот работали и читали.

— Если говорить о влиянии событий, например, 1980 года, как его можно оценить? О влиянии на состояние умов здесь...

— Вы знаете, к сожалению, как мне кажется, влияние в чем-то было даже негативным, если говорить о широкой массе населения. «Вот мы их кормили, мы их содержали, а теперь они, неблагодарные, так с нами поступают». Это было и по отношению к чехам в 1968-м, и по отношению к венграм в 1956-м. Имперский синдром, который очень прочно сидит в сознании значительной части нашего населения, не только малообразованного, и который пестуется официальной пропагандой, и сейчас заполняющей телевизионные каналы, — достаточно мощный фактор, воздействующий на сознание людей.

Вы посмотрите опросы, которые ведет Левада-Центр: Польша, поляки не пользуются в широких слоях населения тем уважением, которого они заслуживают.

— То есть это сейчас. А тогда?

— И тогда так было.

— Вы это оцениваете из каких-то конкретных фактов или что-то слышали где-то?

— Да, конечно. Я слышал разговоры. И, кроме того, соцопросов тогда, конечно, не было, во всяком случае открытых, но я думаю, что наша печать в значительной степени разжигала эти настроения и настраивала, науськивала наших людей на поляков — разумеется, на тех, кто был в оппозиции коммунистической власти, т.е. на большинство народа.

Тут ведь еще исторические реминисценции. Вот, кстати, что я говорил, выступая на Конгрессе интеллигенции: та дата общенационального праздника, который придумали наши мудрецы, — 4 ноября, якобы день изгнания поляков из Кремля (детей в школе учат, будто бы Смута в начале XVII в. произошла из-за польской интервенции), — это во всех отношениях смехотворно и провокационно. Во всех. Во-первых, это было изгнание не из Кремля, а из Китай-Города. В Кремле они еще несколько дней сидели, и, кажется, 7 ноября они ушли из Кремля. Но на 7 ноября нельзя было назначить праздник, его как раз надо было увести с 7 го числа.

Дальше. Как раз главным противником войска Пожарского был не польский гарнизон. И поляков, которые бедствовали, осажденные в Кремле, ужасно — они съели всех кошек, мышей и всё, что там было, — выпустили даже под каким-то эскортом, им дали возможность уйти. А главным супостатом были казаки. Как бы мы теперь сказали, «незаконные вооруженные формирования», попросту — разбойники. Это были частные армии, предводительствуемые атаманами. И вся Смута была продолжением и закономерным порождением диктатуры Ивана Грозного, которого вместе с его опричниками товарищ Сталин числил «русскими прогрессивными деятелями». Впрочем, и сам Сталин немало сделал для русско-польской вражды.

— А разве не было претензии к боярам, которые сидели вместе с поляками?

— Так разные были бояре. Были и такие. Но в конечном счете, бояре никуда не делись после этого. Так что сам по себе праздник этот тоже носит на себе до некоторой степени антипольские акценты. Хотя устроители этой даты отрекаются, говорят: да нет, мы не то имели в виду. Но совершенно ясно, если это — освобождение Москвы от польских интервентов, как учат в школе и как продолжает думать большинство тех наших сограждан, которые вообще мало задумываются над чем бы то ни было, если это так, то, значит, добрых чувств к полякам такой праздник прибавить не может. Помяните мое слово: люди, конечно, рады дополнительному выходному, но как праздник он не

удержится. Для меня и моих друзей есть два главных гражданских праздника — 9 мая(1945) и 5 марта(1953).

— *А в декабре, после 13-го числа 1981 года, что вы переживали?*

— Вы знаете, это был удар. Это был удар. У нас сложилась небольшая группа московских научных работников, своего рода «незримый колледж». Мы регулярно собирались и обсуждали развитие событий, в 1980-1981 гг. - главным образом в Польше. Обменивались информацией, оценивали события, высказывания фигурантов, строили прогнозы. Семинар, только неофициальный. Мы собрались 12 декабря 1981 г. вечером, поговорили и разошлись. А на следующее утро пришла эта информация. Мы не ждали такого удара в этот день, хотя рассматривались разные возможности.

— *А какие возможности рассматривались вами?*

— В том числе советская интервенция. Но среди нас был один замечательный историк Михаил Яковлевич Гефтер, историософ, который, в отличие от нас, оценил события не столь катастрофически: «Не торопитесь с осуждением. Я бы хотел знать, что у генерала Ярузельского за этими темными очками? Что у него в голове?» В общем, конечно, фигура Ярузельского и то, что он сделал, и его мотивация — всё это неоднозначно выглядит сейчас на основе всего того, что мы знаем. Многие считают, что альтернативой была бы советская интервенция — беда неизмеримо более горшая. (Недавно мы говорили об этом с Михником. Он в этом не сомневается и считает неуместным суд над Ярузельским.)

— *А тогда?*

— Я вам сказал: только Михаил Яковлевич призывал к осторожности. Для меня Ярузельский был польской реинкарнацией Квислинга, Гусака, мало ли было таких подонков... Я не уверен, что кремлевские старцы решились бы на интервенцию. Никаких документов нет, но урок Афганистана уже был, когда разбойник сам нарвался на нож. Если не головным мозгом, с которым у этих маразматиков были проблемы, то хотя бы спинным они должны были почувствовать, что на этот раз авантюра не сойдет так легко, как в Чехословакии. Впрочем, от них всего можно было бы ждать. Помните рассуждения Марка Твена о неумелом велосипедисте, от которого, в отличие от нормального, никакая собака уклониться не может? В одном я точно согласен с Михником: что они сделают, Ярузельский знать не мог и, по своему разумению, предотвращал худший вариант. И поэтому

судить его сейчас неблагородно, не говоря уж о том, что бессмысленно с практической точки зрения.

— *Кроме Гефтера, кто еще входил в ваш «незримый колледж»?*

— Юрий Александрович Левада, Леонид Абрамович Гордон, другие, менее известные люди. Там были в основном историки, социологи, экономисты, в основном были работники академических институтов или вузов Москвы. Михаил Яковлевич в этих встречах не участвовал, но он был очень близким другом нашим и Левады, и всё, конечно, с ним проговаривалось.

— *А где вы собирались?*

— Дома. За чаем. То у одного, то у другого.

— *И собирались обсуждать исключительно Польшу?*

— Конечно, не только Польшу, но также и наши проблемы. Но в 1980–1981 гг. в центре стояла Польша.

Записала Татьяна Косинова 20 января 2006, Санкт-Петербург.

-
1. На самом деле этот краткий афористический текст — не введение к какой-то работе, а отдельное эссе, так и озаглавленное «Что такое социализм» (см. напр. в сб.: Горькая жатва. [Тексты восточноевропейских и советских авторов]. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961, а также в кн.: Лешек Колаковский. Похвала непоследовательности. Б.м.: Edizioni Aurora, 1974). — Ред.
 2. Станислав Видершпиль (р.1921) — в 1940 е работал в органах польской госбезопасности, затем преподавал в Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП (с 1968 — директор Института социологии при ней) и в Академии общественных наук, в 1980 е — замдиректора Института философии и социологии Польской АН, после 1990 — профессор варшавских частных вузов. — Ред.
 3. «В том виде» отстроили Старый Город в Варшаве. — Ред.
 4. Северин Бялер (р. 1926) — с 1945 политработник в органах милиции, с 1951 — работник отдела пропаганды ЦК ПОРП, лектор ЦК ПОРП, профессор Института общественных наук при ЦК ПОРП. В 1956 бежал в Западный Берлин, написал книгу «Я выбрал правду». Профессор советологии в Колумбийском университете. — Ред.

ЖИЗНЬ И МИЛОСТЬ

«Вырванные страницы» Юзефа Чапского^[1] — необычайная книга. Она написана в нервном ритме, под которым чувствуется внутренний пыл, в совершенно своем собственном, опознаваемом стиле. Она — как разговор, рассеянный на множество клубков, который, однако, всё время возвращается к существу, открывает суть дела, вокруг которого шел кругами, бросает на него широкий луч света.

Немногим дано так интенсивно, зачастую болезненно воспринимать мир, быть способным как сострадать, так и расчислять свои желания и эмоции, ставить себе самые высокие требования. Читая «Вырванные страницы», возвращаясь к некоторым поразительно сильным фрагментам и предложениям, мы ощущаем живое присутствие автора, слышим его проникновенный, взволнованный голос. Только отвернуться от книги — и мы увидим худую, готическую фигуру на узкой постели в комнате на чердаке дома в Мезон-Лафите. Над постелью — полка, а на ней — ряд переплетенных в серые обложки тетрадей. Это легендарные дневники.

Юзеф Чапский (1896–1993) вел дневник с ранней молодости. Собрание довоенных записок пропало в Варшаве во время оккупации, но и то в краковском Национальном музее находятся 274 тетради. Иногда он возвращался к более ранним записям, дописывая замечания. Ну и дополнял дневник рисунками. «Он рисовал карандашом или цветными мелками, — пишет Барбара Торунчик, — и часто окружал рисунки серпантинком комментариев, связанных с наброском, запланированной картиной, запомнившимся образом, его красками. В тетради он также вклеивал статьи из газет, полученные письма или их фрагменты. Переписывал цитаты из прочтенных книг и любимых стихов».

Рукописные заметки трудно прочитать не только из-за «иероглифического» почерка Чапского. «В них переплетаются языки, которыми он владел: польский, французский, немецкий, русский; имена, фамильярные уменьшительные и инициалы разных лиц, а также целые обороты, которые заставляли его задуматься или поражали трудностью, взятые из чужих писем, дневников, исповедей». Одновременно же хроникерский слой, где отмечаются встречи, художественные

события, новые книги, успехи в его собственном труде, даже сны, бывает прожит воспоминаниями, размышлениями, медитациями, настоящим «дневником души».

Я верю, что мы дождемся издания, включающего как факсимиле всех страниц дневника, так и расшифрованный и откомментированный текст. «Вырванные страницы», которые сам Чапский постепенно отдавал в печать, — это нечто иное. В них сохраняется личный тон, атмосфера непосредственности и некоторая несистематичность, однако это выборка, перекомпонованная и пополненная. Готовя первую такую выборку для «Культуры», Чапский писал: «После долгих колебаний я решаюсь печатать страницы, вырванные из целого, иногда пополняя их некоторыми подробностями, которых не успел записать, или ныне написанными вставками». Потом были следующие публикации в «Культуре», подпольной «Республике» и «Зешитах литерацких», а затем два книжных издания.

Нынешнее издание, подготовленное Барбарой Торунчик, значительно отличается от предыдущих. В нем несколько изменена общая композиция и везде, где только можно, восстановлен первоначальный текст Чапского на основе авторских машинописей с ликвидацией редакционных поправок и сокращений. В томе нет также, в согласии с волей Чапского, никаких иллюстраций; «торжествует его искусство слова». Зато добавлены обширные примечания, занимающие 50 страниц, — необходимый путеводитель по этой увлекательной чаще мыслей, чувств, воспоминаний.

Это дневник художника, постоянно возвращающегося к размышлениям о смысле своего труда, о его связи с внутренней жизнью. И дневник духовного максималиста, влюбленного в Симону Вейль, но иногда бунтующего против ее суждений. «Это ежеутреннее отстраивание мира, который ты накануне полностью утратил, чтобы снова в себе этот мир потерять (по своей вине?), но это постоянно то же самое, эта вина смешана с самой жизнью, с людьми, с самим вхождением в людей... Однако помнить, что должна быть во мне одна господствующая цель — эти минуты возврата к жизни через милость попытаться унести в себе и защитить среди толпы этот огонек».

1. Варшава: Зешиты литерацке, 2010. 314 с. Послесловие
издателя, примечания, именной указатель. — На польск. яз.

ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

9.III.1962

Восемь часов, пробуждение. Старость: рост часов бездумных, часов небытия? Обязательно ли? Усилие жить, ходить, когда болит позвоночник, усилие успеть и всё запомнить, когда слабеет память, когда растут пробелы во внимании, когда растет нужда в отдыхе, одиночестве, а в то же время не угасла жажда общения, когда воображение, желания моложе тела, которое уже нужно двигать. Но взамен мысль может оказаться глубже — опыт лет труда, да и мыслей, лет жизни, как в рисунке: рисунок — лучше, хотя рисования, живописи в день, в часах — меньше. Но не надо позволять уносить себя воображению, надо знать, на что ты годен и на что нет, ограничиваться. (...)

Вчера я выходил из «Гранд-Шомьер» после рисования — иду в «Дом» позвонить. По ошибке выхожу по другой лестнице и попадаю в бар: тихая, сентиментальная, эротическая музыка какой-то играй-машины, приглушенный свет, какая-то пара. Хочу остаться, с кем-то новым поговорить, кого-то нового открыть. Значит, до смерти эти рефлексy, порывы, начинать жизнь сначала, когда ты на это уже совсем не годен! Это было одно мгновение, и быстро вернулся на метро домой.

19.III.1963

«Как будто жизнь создана для удовольствия». Эта мысль при пробуждении. Ироническая по отношению к себе. Но не в этом дело, дело в отсутствии воли.

16.IV.63

Потребность добраться до какого-то слоя более истинного, значительного? Ну не буду же я в сторонке в свободные минуты ходить «больных посещать», чтобы заглушить в себе свое ничтожество, чтобы чувствовать «да-да, теперь в моей жизни есть смысл!». Тогда бы уж мне пришлось только это делать, бросить мою нынешнюю жизнь. И сразу мысль — писать воспоминания и тем самым добраться до более глубокого слоя в себе. Есть ли смысл писать воспоминания?

А может, это просто-напросто побег от живописи, в которой я с некоторого времени снова стою перед стенкой: повторяюсь, или мне кажется, что повторяюсь, или иду от поражения к поражению.

Сознание этой границы — неулавливаемой и обычно неуловимой — между жизнью по-настоящему и жизнью как будто. Всё, что я неясно чувствовал в живописи, — это какой-то «обморок», я же могу еще, и еще, и еще писать кафе, цветы, но с минуты, когда пропадает ощущение, что через эту живопись я вхожу глубже и дальше, живопись меня уже не питает, ничего не рождает, отступает назад.

Писать воспоминания? Лишь так увиденные мною вдруг вчера ночью — где даже детство мое, казалось мне, вижу иначе, не от тех выступов жизни, которые я помню волей, но изнутри, *memoire involontaire*.

Вчера я видел и маму в малой гостиной, и себя на ковре, и гиацинты, и мое возле нее счастье или, скорее, безопасность, и как она приходила утром в комнату бабуся, как мы кидались в ее объятия; ее худенькая вышина, золотые волосы, большие руки и черное платье с аппликациями «как черные безвременники». И мое безразличие, и мой смех в саду в те часы, когда она умирала, и слова барышни Скроуп: «Какой ты счастливый, что ничего не понимаешь», — и сияющий на солнце гроб, и как я выжимал из себя слезы.

Моя удивительная недоразвитость в детстве, никаких воспоминаний о сексуализмах, эротизмах. Музыка, книги? Первые впечатления намного позже. Музыка и старая боль отклика на ссоры, но тут уж я дохожу до того, что хорошо помню и что мне вовсе не открывается так, как вчера ночью. Никаких других указаний я теперь из этого ночного переживания извлечь не могу, я был вырван из сна в какое-то другое, более глубокое состояние, с более истинными картинами. Сегодня я могу только снова изо дня в день бороться за более полные дни в труде и ждать таких минут в живописи.

17.IV.1963

«Как ты держишься, ну какой же ты молодой...» — это становится всё более мнимо, всё больше сил уходит на поддержание этой иллюзии, фасада, за которым ничего нет. «Человек пишет [в живописи] процент от созерцания», — писал Норвид, но человек живет процент того, что в нем

происходит, того, что если оно не созерцание, то рядом, около и чего наружу не видно. Всё остальное — уже окаменелости.

Среда 2.VI

Нет лучше болезни, даже малой, как лекарства от крайней усталости. Вдруг появляется время на всё, когда прямо перед тем, как заболеешь, казалось, что его уж нет ни на что, и работа, которая идет всё хуже, не сдвигается, а под носом обязательства, даты, на которые уже нет сил. Полугорячка, полугрипп, и сразу всё отходит, обязательства вычеркиваешь (никакой драмы), даты передвигаешь, чего-то там не выполняешь, зато нервы успокаиваются, и чувствуешь, что можешь быть способен к настоящему труду, сосредоточенному и неспешному, без розги.

(Воспоминание: 1927 год. Тиф, а потом недели выздоровления, этот тиф вырвал меня из тупика в живописи, из безнадежного перетягиванья нервов, я начал видеть как никогда прежде, только тогда во мне начали соединяться переживание, глаз и рука.)

Я закончил «Космос» Гомбровича. «Всобность». Человек, который потерял связь с миром. Когда-то, много лет назад, зацепило меня в «Леди Чаттерлей» ощущение, что для героини этой книги вся природа, трава и деревья — окна, что до романа этой женщины ее контакт с мир был порван. Как же остро я чувствовал это в армии в 1920 году, на войне: вечерний запах леса, деревушек, когда в них въезжаешь, конского пота и кожи, уланы здоровые и в каком-то смысле полные, — в жизни. Помню тогда то самое чувство стеклянных окон, которые как будто отделяли меня от природы, я был вне ее. Много лет спустя я нашел в этой книге свои собственные переживания. Я же выскочил из этой смерти чувств, за эти окна, за эту «всобность» (словцо Гомбровича) отчетливо двумя путями. Я начал жить физически. До того я страстно влюблялся, но ничего себе не позволял. Во многих случаях я даже не знал, чего хочу, перекидывая все мои желания на идеологию. Второй путь, который меня сквозь годы усилий, труда *les yeux amers* из этой всобности освободил, — это живопись. Не какое-то там вдохновение, а нудное изучение природы. Исследовать ее, вгрызаться в нее — вот что дало мне спустя месяцы и годы первый непосредственный и полный с ней контакт. Вдохновение означает работу в горячке, соединенную с какой-то усиленной, холодной ясностью, — такие состояния были настолько крайне редки поначалу, что, пожалуй, только лет через семь — больше, девять — стали появляться чаще. Но откуда я знал, что это мой путь, — почему? Я даже не

рассуждал, что, может, это не тот путь, когда шел от поражения к поражению. Мое освобождение шло по этому пути, а также в принятой половой жизни, которая дала мне сто грехов, вин перед другими, но вырвала меня из абсолютного одиночества, которое я ощущал перед лицом окружавшей меня природы, только не перед Богом. И вот как раз тогда, когда я замуровал себя сексуально, причем принял это как долг, необходимость, — мой путь к Богу был незамутненным, открытым. Если б я тогда на том пути выдержал, может, мог бы жить жизнью мистики. Но, пожалуй, я никогда до конца и по-настоящему не чувствовал себя к этому избранным, предназначенным.

6. VI.1965

Рекорды. Сюзанна. Родом англичанка, безрелигиозная, отец, когда-то очень богатый, всё спустил на бегах. Ей сейчас около шестидесяти лет, с тридцати четырех без единого дня отпуска, без выходных, без выезда. Железное здоровье. Она медсестра в Мезон-Лафите. На своем «Солексе» постоянно ездит делать уколы. Одевает трупы в гроб, раньше жила с нервнобольным отцом, ныне уже покойным, и матерью-старушкой, та тоже уже умерла. Теперь живет одна в домике на юру, который постепенно разваливается. Выбитые окна, грязь и холод. Отправляет посылки в Польшу. Изощренно выдумывает, как бы с каждого пациента не брать денег: один старый, другой бедный, тот на войне был, этот — друг. Влюблена в животных. Прежде всего в кошек, которых кормит, лечит и берет на содержание, когда хозяева выезжают. Воплощенное самопожертвование. Доброта, улыбка. А при этом какое-то детское чувство рекорда, рекорда труда, энергии, помощи людям и даже дурных условий. Вода в коленях. Еще и еще в той же самой работе. Но уже без сил, с ощущением, что уже не сможет так дальше жить, подниматься и спускаться, сотни лестниц в день, а иначе жить не может, не умеет. Конец. Сломленная, нет сил обдумать и перестроить свою жизнь с теми возможностями и силами, которые ей еще остались. Вся жизнь — образец, и ощущение полной отчаяния и одиночества старости впереди, и принять ее, вообразить себе она не может и не хочет.

Никогда не забуду, как она меня вызвала к одиннадцати вечера к себе в домик в холодную зимнюю ночь. Речь шла о каком-то переводе списка вещей, которые она отправляла в Польшу моим родным. Она просила прийти между одиннадцать и полуночью, на тот единственный час, когда ее можно застать. Полутемная кухня, освещенная жалкой лампочкой., Сюзанна варит в огромном котле какие-то остатки рыбы, которые ей

каждый день дают в ресторане даром. Я еще вижу большой глаз, наверное карпа, морда которого торчит из темной воды. Вокруг этой кастрюли сидят семь или восемь кошек, в совершенно неподвижных позах, напряженно ждут этого ночного королевского пиршества. Сюзанна среди своих кошек ночью, улыбающаяся и в самом деле молодая и радостная после целого дня тяжелого труда, разъездов, в холод и дождь, посещений тяжелобольных и умирающих, теперь дождалась своего пурпурного часа, своего праздника.

Если б она жила в Средние века, ее сожгли бы вместе с кошками как ведьму — эту самую лучшую из женщин, самую исполненную самопожертвования, с одной только слабостью — гонкой за рекордом.

В книге Иоанна Кассиана (IV век) есть описание отшельника, который жалуется, что когда он был среди братии в монастыре, то мог жить, съедая, скажем, сухарик в день. А теперь, когда живет сам в пустыни, ему приходится съедать целых три сухарика в день. И святой пустынник или духовник объясняет ему: «Тогда тебя питало восхищение твоих собратьев, восхищение твоей добродетелью, а теперь, в одиночестве, нет восхищения, поэтому тебе приходится есть больше сухариков» (повторяю неточно по далекой памяти).

Эта гонка за рекордом, этот культ рекорда, благородная форма амбициозности, превознесения над другими. Сколько во мне этого было и есть? Достичь ясности настроения, теряя всё: друзей, способность к труду. Постепенно вычеркивать себя из мира на этом пути; тогда ты можешь встретить неожиданное и стыдливое открытие, где то, что ты считал в себе наилучшим, чем жил, чем в душе был горд, оказывается вовсе не добродетелью, а формой суевы, амбиций, эгоизма, близкородственного людям, которые копят деньги, собирают сокровища или лезут вверх по социальной лестнице за орденами и степенями.

7.VI.1965

Напротив кафе «Бишетт» в пасмурную погоду. Велосипеды на фоне зеленоватой стены и черной ямы внутренностей кафе напротив. Что в этом нового? Новое — что вижу всё четче, как будто на ощупь конкретней (впрочем, по-прежнему эти видения — как только мне покажется, что я уже достиг их на своем полотне, — сбегают всё дальше и дальше, как призраки), я чувствую себя всё дальше от абстракции, может, это просто такая минута, но объяснить это в себе могу только неуклонным, постоянным трудом, от которого всё время

отрываюсь для другой работы или отношений с людьми. Даже не столько речь идет о людях — когда я живописно раскручен, люди до какого-то предела мне нужны, питают меня, но я срываю, зарываю труд, когда пишу, а писать — накатывает на меня, как необходимость и натиск, тут я становлюсь слабым, как только принимаюсь писать. Писать — втягивает, течение труда слабеет, и тогда мне всё мешает.

23.VI.1965

Запись в кафе в перерыв.

Когда я чувствую, что скудеет моя восприимчивость, изобретательность, цвет при работе по памяти (изобретательность? — дурное слово; открытие того, что должно быть, это не выдумывание: если есть выбор, то в первооснове — эта тяжесть, этот акцент, этот звук) и когда, долго писав по памяти, я снова возвращаюсь к изучению на натуре (сегодняшний натюрморт), у меня возникает чувство неслыханного обогащения. Насколько же мои «творческие» неожиданности в работе по памяти кажутся мне тогда ограниченными в сравнении с миром неограниченных неожиданностей, которые дает обычная тряпка, брошенная на обычный стол, или банальный букет.

9.XI.1962

Всегда одна и та же борьба, никогда не доигранная, между видением художника и натурой, которую то любишь, то ненавидишь, потому что любой ценой хочешь освободиться из ее неволи, то опять возвращаешься к ней, алчущий и жаждущий, возвращаешься, как блудный сын.

Суббота 11.XI.1962

Проснулся со страшной усталостью, как будто вчера пахал. Ночью сон: какая-то колоссальная вода, безумно быстро бегущая, и я на ней по-сумасшедшему на лодке всё ж таки удерживаюсь, — но этот поток великих вод — слёзы? Думаю о том юноше-монахе, который гнался за поющей птицей, слушал ее пение и вдруг увидел себя, свое лицо в зеркале пруда, лицо старика с белой бородой. Теперь уж старый, надо, чтоб и я так «погрузился» и проснулся стариком. Эта неделя кажется мне хорошей, но даже этот вчерашний пейзаж, который казался мне уже воистину моим, сегодня я его вижу тяжелым: *deja vu*.

12.VII.1965

Пейзаж и туризм. Чуждость, а как часто и фальшь туризма, которую я всегда ощущал. Пейзаж, в который ты не вошел, который остался внешним, — тогда старый стол с бутылкой терпентина больше говорит. Греет. Самый прекрасный пейзаж дает только усиленное чувство одиночества и печали. Мой былой испанский опыт, в том числе и Диано Марино, — но это чувство может быть и плодотворным, может быть силой. Мир через чуждость. То есть если бы я тогда не чувствовал себя таким одиноким, этот пейзаж мог бы остаться у меня в памяти как воплощение счастья, но, вероятно, я не видел бы его так ощутимо и не описал бы так, как описал в своей «Испании».

Лицо молодого человека в белой рубашке на ступеньках вагона в жарком полумраке, отблески раскуриваемой сигареты на рубашке, на лице, под бровями и под носом. Светлота верхней губы, золото-розовое, холодно-коричневые, серебро поручней, темная бутылочная зелень вагона. (Слишком устал, чтобы записать.)

Речь не о реализме или антиреализме, речь о правде. О какой правде? Об обязанности, необходимости передать то, что видишь, в самой близкой к этому форме

Первое переживание природы примерно за час до Гренобля, горы разной синевы, голубизны, под пресветлым небом, светло-голубым и золотым. Тополи в густой зелени долины.

13.I.1970

Боже, помоги маловерию моему. Чего в тебе нет, это любви к Богу, и — от чего умирала С[имона] В[ейль] — невозможность принять совершенство Божие и несчастья человеческие проявляется во мне не в любви к Богу, а в претензиях к Нему, в конечном счете я не верю в Бога справедливости, любви, совершенства Как бы сегодня Симона Вейль, плакавшая над китайскими детьми, о которых прочитала в газете, что погибают с голоду, реагировала на детей Биафры и угрозу полного истребления этого населения, в защиту которого выступает Папа, не умея даже сказать нескольких слов без дипломатических «но всё-таки» и «до известной степени»? И что переменилось? Ничего! Катынь, Польша — но это события в мире такие же заурядные, как новый g?nocide, Биафра, о которой говорит сегодня радио за утренним завтраком. Но у С.В. есть еще что-то другое, и я хотел бы как тонущий уцепиться за это, чтобы не погибнуть: «Христианин знает, что одна-единственная мысль любви, вознесенной к Богу в истине, пусть немая и без отклика, полезнее этому миру, чем даже самый замечательный подвиг».

Веришь ли ты в это действительно? Разве ты всем собою не чувствуешь, не ощущаешь совершенно иначе: что эта мысль любви, веками возносимой сотнями и сотнями тысяч монахов и монахинь из созерцательных орденов, не переменяла и не переменит хода мира сего, так же, как и самые громкие поступки, ибо страдание, ибо обида людей, животных, любой твари — самая существенная нить в клубке бытия. Так почему, почему это одно предложение С.В. для меня так важно? Потому что оно спасает меня от распада, потому что дает надежду; и не только — дает мне сознание того, откуда я жду помощи: где еще на дне себя я чувствую в себе надежду — предчувствие? уверенность? — на свет. Ох, как я сам ненавижу свои возвышенные слова. Без любви, без настоящего самопожертвования мои возвышенные рассуждения и распад моей души. Эти вздохи, заламыванье рук в теплой постели — если они не соединены с принятием самых ближних обязанностей, «делай, что можешь», не как напоминание, но в духе и истине, в смирении и молчании — только риторика и дурная литература Потому-то С.В. спасает: там нет риторики и дурной литературы, ибо ее мысли, возносимые к Богу, кажутся мне важнее для мира, чем что угодно.

Может быть, нарастающий вывод, если говорить о дневнике, — это полная двухколейность того, что я пишу для себя, то есть только как что-то интимное для меня, а рядом материал мыслей, цитат, наблюдений, которые годятся в «Вырванные страницы». Сам факт, что я их печатал, обогатил мои дневники 68 го года, может любопытные заметки, «съедобные» для других, но для меня опустошенные от того, что бесконечно важнее, что только для меня, — эти попытки спасти себя от распада души, эти попытки зацепиться, как зубьями шестеренки, за другой мир, который я выдаю в своей «мышьей беготне», в своей усталости и рассеянности, а выдавая его — погибаю. Что же тут может С.В. Может, только одно самое важное на мгновение ока переживание, которое вызывает во мне контакт с ней, переживание своего распада в зеркале ее света.

13.III.1976, с утра

С самого утра читаю свой лепет на магнитофон, от страницы 60 до страницы 108. Лепет. Слова обрываются как попало, рядом, не те, что надо, как Момо в книге Аржака. А ведь именно в этом хаосе, где даже даты событий, их очередность во времени путаются, где самые существенные дела соединяются с самыми пустыми, как в моих дневниках, они передают ту ауру, действительность больше, чем обработанные серьезные

рассказы. Поддаться этому потоку и только очищать? Тут есть какая-то деградация мысли, согласие на неловко выраженный хаос, но есть и то, что и в живописи я хотел бы назвать алеаторикой, то есть вторжением события и собственным вторжением, поправкой нетронутой неловкости, которая характеризует эскизы, наброски моих рисунков или начатые в горячке и брошенные полотна.

14.III.1976

Всё время ко мне возвращается чувство, что, расставляя по порядку художников, писателей, как боксеров или теннисистов: этот лучше, этот хуже, а этот еще хуже, — чувство, что мы обижаем их, что каждый из них, если он подлинный художник, единственен, и только тогда, когда он так воспринят, его ценность обнаруживается.

То же и со страданиями. Расставлять страдания в как будто бы объективную иерархию на основе объективной весомости причин, которые порождают боль, ложно, ибо любая боль единственна и несравнима.

Ежи Ст[емповский] много лет назад решил покончить с собой, потому что ему подали холодный кофе... То, что я сейчас писал, — тоже отчасти вопрос «холодного кофе». Этот эпизод Ежи сам мне рассказывал. Когда-то в молодости, будучи на юге Франции и в состоянии крайней депрессии, он не выходил из дома целыми днями, а раз вышел, уже поздно вечером, в маленькое кафе у моря выпить кофе. В кафе ему подали... холодный кофе. Это было уже чересчур. Он встал и пошел в море топиться. (Конец был жалкий: море оказалось таким мелким, что ему пришлось без конца бродить по колено, потом по пояс, и какое-то время спустя он повернул обратно... к жизни.)

15.III.1976

Сегодня в требнике изумительное Евангелие от Марка, 9:2-10: «И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить... (...) Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых».

Несколькими страницами дальше жестокий текст из Пятикнижия, самый жестокий: «...Авраам соорудил там алтарь. Положив на алтарь дрова, Авраам связал своего сына Исаака и положил его на лежавшие на алтаре дрова, а потом вынул нож и приготовился убить своего сына». Иоанн Кассиан описал то, что случилось в египетской пустыни в IV веке. Настоятель монастыря проводил такое же испытание веры и верности с человеком, который после смерти жены хотел, всё оставив, идти в монастырь вместе с восьмилетним сыном. Настоятель приказал своей братии, чтобы они мучили, били ребенка (описание ребенка в лохмотьях, грязного, осыпаемого руганью, с бороздами слез на щеках, мучимого в присутствии отца). Потом настоятель велел отцу отнести сына к реке и утопить. Кандидат в монахи настолько был отдан Богу, «что не позволил сердцу своему даже взволноваться муками ребенка», взял его на руки, чтоб бросить в реку. Но по приказу настоятеля у реки поставили монахов, чтобы они спасли утопающего. Кассиан прибавляет, что только из-за этого отец не выполнил приказа до конца.

18.III.1976

Отношения с людьми, если люди не очень близки друг другу, строятся на каком-то взаимном умалчивании — если это не забвение, то всё-таки готовность забыть в данную минуту и на минуту, взаимовнушение, что всё обстоит как можно лучше в лучшем из миров и что мы еще не умрем... — будем друг к другу ездить, и вместе пить чай, и смеяться!

Людей позабыть, и бывать у лиц, и галстук завязывать ловко!
[Из стихотворения Циприана Норвида]

Речь идет об этом мире мнимостей, об этих декорациях. Если скажешь себе «не подчинюсь игре декораций», то сиди дома. Иначе будешь играть роль пугала, которого никто, подавая чай и принимая гостей, к себе не позовет!

И еще одно воспоминание. Димка [Философов] в его последние годы в Отвоцке, хронически больной, высокая температура, притом воспаление плеча от плохо сделанного укола. Живет он в пансионате, святочные дни близ Рождества. Этажом ниже столовая. Гости едят, пьют в эйфории, какой-то записной весельчак, директор фабрики, женщины. Димка мне говорит: «Я хотел бы написать такой рассказик, толпа праздничных гостей там внизу, веселящихся, пирующих, и вдруг я в пижаме спускаюсь вниз и вхожу в столовую», — но в любую минуту такое *memento* может нам явиться, чаще всего не бросаясь в глаза, и мы можем не захотеть его заметить. Вчера на станции

старик, вовсе не в лохмотьях, скорчившись на земле, башмаки на ногах без носков, лицо склонено так, чтоб его не было видно, равнодушно принимает милостыню. «Ну, естественно, нищий, наверняка обманывает и, может, так зарабатывает, ну и хорошо!» Таким мышлением человек отгораживается от допущений, что человек этот, может быть, погибает, а несколькими франками его можно спасти... на минуту.

3.I.1979

Кажется, Бжозовский писал в своих записках: «Упаси меня, Боже, от неряшества интересов», — у меня по мере увядающих сил интересы эти не вянут, а скорее возрастают, возрастает жажда то или другое сделать, потому что сейчас или никогда, те или другие друзья — если сейчас их не вижу, то не увижу никогда. Надо бы уметь смотреть на себя, как Корчак, спокойно сознавая свои поражения.

Да, но он как будто до конца, еще в гетто за недели до смерти, планировал и мечтал о будущем, как юноша, как ребенок. Боже, дай мне закончить эту последнюю его апологию. Вдруг вспоминаю (1942!), что в одну из последних встреч с Марыней [сестрой автора], кажется, когда она пошла к нему в гетто, Корчак ей сказал: «Знаете, мне иногда кажется, что я как куколка и вылечу бабочкой, — а потом прибавил: — А может, это только склероз?»

Из книги «Вырванные страницы». Варшава, Зешиты литерацке 2010.

ТРЕЗВО О ПАСТЕРНАКЕ

Для всех, кто знал поэзию Бориса Пастернака до того, как он обрел международную славу, в присуждении ему в 1958 г. Нобелевской премии был привкус иронии. Поэту, с которым в России могла равняться только Анна Ахматова, конгениальному переводчику Шекспира, пришлось написать большой роман, а роман этот должен был стать бестселлером, чтобы в лице его автора стокгольмское жюри впервые почтило поэтов из славянских стран. Если бы Пастернака премировали на несколько лет раньше, не было бы никаких сомнений. А так честь имела горький вкус и не очень-то была похожа на доказательство подлинного интереса западных читателей к литературам Восточной Европы — причем совершенно независимо от добрых намерений Шведской Академии.

После публикации «Доктора Живаго» Пастернак оказался в двусмысленном положении, которое стало бы кошмаром для любого писателя. Он всегда подчеркивал единство своего творчества, а теперь это единство было уничтожено обстоятельствами. В России на него сыпались оскорбления за написанную им книгу, которой никто не читал. А на Западе его безудержно хвалили за произведение, оторванное от дела всей его жизни, — ведь поэзия Пастернака практически непереводима. Никто не хочет превращаться в символ, независимо от того, приписывают ему черты доблестного рыцаря или чудовища — ведь и то, и другое означает, что его уже не оценивают по тому, что он сам считает своим достижением, но превращают в инструмент сил, принципиально чуждых его воле. Можно сказать, что в последние годы жизни Пастернак потерял право на собственную личность, а его имя стало знаком ситуации. Я далек от того, чтобы трактовать эту ситуацию исключительно в категориях сиюминутных политических игр. Пастернак стал символом личности, против которой направлена ненависть могущественного государственного аппарата с его полицией, армией и ракетами. Эмоциональный ответ на такой поворот событий был укоренен в глубинных пластах страха, столь обоснованного в наше время. Постыдное поведение русских коллег Пастернака, вставших на сторону силы против человека, создало ситуацию поистине шекспировскую. Не удивительно, что Запад испытывал симпатию к Гамлету, а не к сановникам эльсинорского двора.

И всё же внимание, которое критика уделила «Доктору Живаго», отодвинуло во времени осмысление творчества Пастернака как целого. Лишь сейчас мы наблюдаем первые, неуверенные шаги в этом направлении. Я хотел бы не столько дать здесь взвешенную оценку творчества писателя, сколько обратить внимание на некоторые его аспекты.

С поэзией Пастернака я познакомился в тридцатые годы; его тогда высоко ценили в литературных кругах Польши. Речь идет о Пастернаке периода «Второго рождения» (1932). Ритмы некоторых «баллад» из этой книги со мной до сих пор. Однако Пастернак не был для польских читателей экзотическим существом. И именно знакомые элементы его поэзии могли оказаться препятствием для того, чтобы принять ее безусловно. При всех различиях между польской и русской поэзией, авторы, сформированные доминировавшими в начале века «модернистскими» течениями, обнаруживали разительное сходство, обусловленное космополитизмом этой формации. В духовной семье поэтов, в смысле подхода к стиху, Пастернака можно поместить где-то между Болеславом Лесьмяном, который достиг зрелости, когда Пастернак был еще мальчишкой, и Ярославом Ивашкевичем или Юлианом Тувимом, которые были на несколько лет младше, чем он. В тридцатые годы поэтика, которую представляли эти выдающиеся фигуры, начала обесцениваться. Молодые поэты из-под знака «авангарда» декларировали восхищение старшими коллегами, но в то же время смотрели на них с подозрением, а нередко и просто-напросто на них нападали. Независимо от всякой пустой болтовни — столь характерной для так называемых литературных течений — под прикрытием дискуссий о метафоре и синтаксисе шла игра на серьезную ставку. Споры оказались плодотворны, в новой перспективе представив писателей, которые принимали в них участие. Пастернаком как аргументом пользовались традиционалисты, сторонники унаследованного от символистов «звучного» стиха, из-за чего поэту пришлось разделить судьбу своих соратников, к которым младшее поколение относилось и с восторгом, и с недоверием.

Я сообщаю эти факты, чтобы показать: мой взгляд на Пастернака окрашен историей польской поэзии последних десятилетий. Этот взгляд в силу разных причин отличается как от подхода знающих польский язык американцев, так и от подхода русских. Мое славянское ухо чутко к пульсации русского стиха, однако я испытываю известное недоверие к свойственной этому языку ритмической магии. Возможно, это объясняется тем, что западнославянские языки, такие, как

польский или чешский, имеют более сдержанную акцентировку. Возможно, тут я многое теряю, зато у меня есть определенный иммунитет против манипуляций гипнотизера. Я никогда не сомневался в том, что Пастернак — великий поэт. В статье, написанной в 1954 г., то есть еще до публикации «Доктора Живаго», я предсказывал, что когда-нибудь в Москве ему поставят памятник. (...)

Успех «Доктора Живаго» на Западе невозможно объяснить ни скандалами, сопутствовавшими изданию романа, ни политическими эмоциями. Читателей прозы на Западе в наше время перевели на довольно постную пищу: роман, взятый в кольцо его врагом — психологией, дрейфует в направлении несъедобного антиромана. «Доктор Живаго» утолял вполне понятный голод: читатель жаждал повествования, полного необычайных событий, бегства в последнюю минуту, переплетающихся сюжетных линий, повествования, которое — в противоположность микроанализу западных романистов — выводило бы на простор исторического пространства и времени. Читатель романов искушен, он сразу чувствует, обрел ли в авторе родственную душу. Стремясь передать поразительную, чудесную текучесть жизни, Пастернак проявил ненасытность, равную той, которую обнаруживали его предшественники — писатели XIX века.

Критики не могли договориться, как классифицировать «Доктора Живаго». Естественней всего было признать, что роман возродил традицию великой русской прозы, и назвать имя Толстого. Но тогда невероятные встречи и почти чудесные вмешательства, которые так обожает Пастернак, следует признать ошибками, прегрешениями перед реализмом. Другие критики, к примеру Эдмунд Вильсон, трактовали роман как сеть символов, иной раз заходя столь далеко, что Пастернаку в письмах пришлось опровергать, будто он то или иное имел в виду. А третьи, например профессор Глеб Струве, пытались смягчить эту тенденцию, однако признавали, что «Доктор Живаго» связан с русской символистской прозой начала XX века. Предположение, которое я хочу выдвинуть, насколько мне известно, еще никем не высказывалось.

Следует, полагаю, начать с простого факта: Пастернак был советским писателем. Можно также, к неудовольствию его врагов и части друзей, добавить, что он не был *internal emigré*? [внутренним эмигрантом], а разделял печали и радости людей из круга Союза писателей в Москве. Если среда в решающий момент отвернулась от него, это лишь подтверждает, что всякое литературное братство — змеиное гнездо, а раболепные

змеи особенно мерзки. Несомненно, Пастернак следил за бесконечными спорами в литературной периодике и на собраниях: дискуссии тянулись больше года и повторяли зигзаги политической линии. Наверняка он также читал многие теоретические книги, а в Советском Союзе теория литературы — это вовсе не невинное времяпрепровождение для лотофагов, она скорее напоминает акробатику на канате над пропастью. А поскольку из всех жанров художественная проза имеет самый широкий резонанс и больше всего подходит на роль идеологического оружия, то именно ей посвящены многочисленные труды.

Согласно официальной доктрине, в классовом обществе только динамичный восходящий класс может создать динамичную литературу. Роман как новый литературный жанр преобразил Англию XVIII века. Благодаря бурно развившемуся реализму он стал орудием восходящей буржуазии и послужил свержению отжившего аристократического порядка. Поэтому коль скоро пролетариат — побеждающий класс, то и он должен иметь соответствующую литературу, столь же живую, как та, что была в распоряжении нарождавшейся буржуазии. Значит, настала эпоха социалистического реализма, советские писатели должны учиться у «здоровых» романистов минувших веков, избегая при этом невротической литературы, которую на Западе создает клонящаяся к упадку буржуазия. Таким ходом мысли (для ясности я его несколько упрощаю) объясняется высокий престиж английского романа XVIII столетия в Советском Союзе.

Пастернаку не нужно было разделять официальные взгляды о связи экономических причин и культурных следствий, для того чтобы наслаждаться чтением английских «классиков», как их называют в России. Он много лет был профессиональным переводчиком, прежде всего с английского, и вероятно, все эти книги были в его библиотеке. Во времена, когда замысел большого произведения вызревал в его уме, Пастернак, должно быть, нередко размышлял о тревожных тенденциях в современной западной беллетристике. На западе беллетристика всё больше изменяла своей природе, вела себя почти как фокусник, который в конце выступления раскрывает секреты своих трюков. Однако социалистический реализм в России потерпел художественное фиаско, и никто, разумеется, не придавал значения то и дело звучавшим уговорам учиться у «классиков»: приглашение к веселому танцу, адресованное людям в смиренных рубашках, — не более чем жестокая шутка. Но что будет, если кто-нибудь из упрямства или назло все-таки попробует учиться?

«Доктор Живаго», книга, суть которой — игра в прятки с судьбой, удивительно напоминает один английский роман — «Тома Джонса» Филдинга. Действительно, требуется некоторое усилие, чтобы совместить коней и постоялые дворы английской деревни с железной дорогой и лесами России, но к этому побуждает путешествие среди загадок в обоих романах. Если бы Пастернак использовал некие приемы механически, параллель с Филдингом не имела бы смысла. Но в «Докторе Живаго» эти приемы становятся знаками одобрения мироустройства, жизнеутверждения, если воспользоваться любимым словом автора. Они исподволь выражают несогласие на благообразную, рационализированную, упорядоченную реальность марксистских философов, стремление вернуть иную реальность, более богатую, но поставленную вне закона. Более того, приемы эти отлично подходят для передачи опыта самого Пастернака и всех русских. Каждый, кто пережил войны и революции, знает, что, когда горит людской муравейник, необычайных встреч и невероятных стечений обстоятельств бывает гораздо больше, чем во времена мира и обыденной рутины. Человек может уцелеть благодаря тому, что на пять минут опоздал в квартиру, где всех арестовали, или потому, что не успел на поезд, который взлетел на воздух. Что было причиной — случайность, судьба, провидение?

Если предположить, что Пастернак осознанно позаимствовал средства романа XVIII века, его мнимые грехи против реализма будут не столь уж непростительны. У Пастернака был свой взгляд на реализм. Меньше будет и соблазна искать в «Докторе Живаго» символы, как изюминки в тесте. Пастернак самое материю жизни воспринимал как символическую, ее описание не требовало явных и слишком очевидных аллегорий — довольно было самих ситуаций и действующих лиц. Для тех, кто не чувствует привкуса XVIII века в романе Пастернака, упомяну хотя бы таинственного Евграфа, полуазиата и сводного брата Юрия Живаго, который возникает из толпы всякий раз, когда герой находится в крайней опасности, а выполнив свою задачу, исчезает и остается безвестным. Для Юрия он доброжелательный князь-покровитель, но вместо аристократического титула у него связи в коммунистической номенклатуре. Опять-таки реалистическая ситуация: обзавестись союзником в верхах властной иерархии — первый принцип поведения в таких странах, как Советский Союз.

Живаго, поэта, наследника западноевропейской богемы, разрывают противоположные стремления: отступить вглубь себя, то есть к единственному ресурсу ценностей, или шагнуть навстречу обществу, которое необходимо спасти. Кроме того

Юрий — наследник русского «лишнего человека». Не сказать, чтобы у него было слишком много добродетелей, инициативы и мужества. Но несмотря на это читатель ощущает к герою глубокую симпатию: его притягивает — в чем убеждает нас автор — харизма этого защитника растительной «внутренней свободы». Будучи пассивным свидетелем кровопролитий, лжи и унижения, Юрий должен совершить нечто, что подтвердило бы: отдельная личность еще что-то значит. Перед ним два пути — путь восточного христианства или путь Гамлета.

Жалость и уважение к юродивому — дураку в лохмотьях, существу с низшей ступеньки социальной лестницы — имеют в России древние корни. Юродивый, защищенный своим безумием, мог говорить правду прямо в глаза власти имущим и богатым. Он пребывал вне общества и осуждал его — именем идеального божественного порядка. Вероятно, во многих случаях безумие было всего лишь маской. В определенном смысле юродивый напоминает шекспировского шута. Пушкин объединяет эти два образа в «Борисе Годунове», там дурачок Николка — единственный человек, который отваживается во весь голос кричать на улицах о преступлениях властителя.

Юрий Живаго после гражданской войны попадает в самые низы общественной пирамиды. Забывает о том, что у него есть диплом врача, ведет жалкую жизнь зятя своего бывшего дворника и, обзаведясь «липовыми документами» (как именуют их на политическом жаргоне Восточной Европы), хватается за любую никчемную работу. Отказ войти в круг так называемой новой интеллигенции означает уход из мира — единственный способ сохранить честность в городе, где правит ложь. Но у Юрия Живаго есть и другая ипостась. Он пишет стихи о Гамлете и сам воспринимает себя как Гамлета. Да, но Гамлет — это в принципе человек, у которого есть цель, его действие неразрывно связано с пониманием правил игры. А у Юрия хоть и есть интуитивное ощущение добра и зла, но то, что делается в России, ему так же непонятно, как химическое строение стекла пчеле, бьющейся в окно. Поэтому всё, что ему остается, — это поэтический жест, равнозначный защите языка, находящегося под угрозой тоталитарного пустословия, иначе говоря — защита подлинности слова. Круг замыкается: поэт, совершивший побег из своей башни, возвращается в нее.

Проблемы Юрия Живаго — это проблемы Пастернака и его современников. Пастернак разрешил их несколько удачней, чем его герой: его гамлетовский жест — не стихи, а роман; однако проблемы остаются до конца книги. Трудность в том, что автор принял картину истории, настолько общепринятую в

Советском Союзе, что она словно вошла в состав воздуха, которым дышат. Согласно этой картине, история развивается по predetermined стезе, движется вперед «скачками», а Октябрьская революция (и то, что случилось после) была именно таким скачком космического масштаба. Быть «за» взрыв исторических сил или «против» него — столь же смешно, как быть за грозы и смену времен года или против них. Во время катаклизма человеческая воля ничего не значит, коль скоро даже вожди революции — всего лишь орудия этого могущественного «процесса». Пастернак, доказательством чему многие страницы его произведения, не отрицал такого взгляда. Написал же он в одном стихотворении, что всё, чем живет столетие, происходит в Москве. Видимо, он воспринимал марксизм в религиозных категориях. И в самом деле, разве марксизм не есть секуляризованная библейская вера в конечную целесообразность, предполагающая начертанный судьбой план спасения? Нет ничего удивительного в том, что Пастернак так ценил — о чем он пишет в письме Жаклин де Пруайяр — сочинения Тейяра де Шардена. Французский иезуит тоже верил в христологический характер истории права и удивительным образом соединял христианство с бергсоновской «творческой эволюцией» и гегелевским движением ввысь.

Заметим при этом: очевидно, Пастернак был первым читателем Тейяра де Шардена в России. Есть причины удивляться тому, насколько возросло в последние десятилетия влияние этого поэта-антрополога и на Западе, и в странах советского блока. Быть может, человек нашего времени ищет утешения любой ценой, даже ценой мистического романтизма в богословии. У Тейяра де Шардена были предшественники; вспомним хотя бы «музыку истории» Александра Блока или некоторые страницы Бердяева. Скрытый «тейярдизм» романа Пастернака делает его советской книгой в том смысле, что в нем можно обнаружить эзотерическую интерпретацию революции, противостоящую экзотерическим интерпретациям официальных высказываний. Историческая трагедия обладает всеми признаками необходимости, ведущей к конечному благу. Быть может, роман Пастернака — это роман о личности и Цезаре, но с одной поправкой: сила нового Цезаря — не только сила его легионов.

Однако что мог поделать бедный Юрий Живаго перед лицом системы, которую благословила история, но которая ему отвратительна в силу его понимания добра и зла? Интеллектуально он был парализован. Он мог положиться только на свое подсознательное «я», спуститься ниже уровня

мысли, монополизированной государством. Будучи поэтом, он судорожно держался за свою веру в причастность вечно возрождающейся жизни. Персефона всегда возвращается из преисподней, лопаются ледяные оковы зимы, темные века — это необходимые подготовительные этапы, жизнь и история имеют скрытый христианский смысл. А страдание очищает.

Пастернак преодолевает собственную изоляцию, вслушиваясь в беззвучную жалобу русского народа; мы ясно ощущаем атмосферу надежды, которой проникнут «Доктор Живаго». Однако остаются кое-какие сомнения. Жизнь редко заботится о людях, если люди сами не желают о себе заботиться. Страдание либо очищает, либо уничтожает, а слишком большое страдание — чаще всего уничтожает. Конечно, сама надежда, если ее разделяет вся нация, может стать решающим фактором перемен. И все же, когда в конце романа друзья давно покойного Юрия Живаго тешат себя робкими надеждами, рассчитывая на нечто неопределенное (смерть тирана?), трудно удержаться от предположения, что их политическое мышление весьма далеко от грустной советской шутки о лучшей в мире конституции, гарантирующей каждому гражданину право на посмертную реабилитацию. Но слабости Пастернака диалектически связаны с его великим открытием. Он отдал своему оппоненту — спекулятивной мысли — так много, что ему ничего другого не оставалось — только прыжок в совершенно иное измерение. «Доктор Живаго» не принадлежит к течению социальной критики, не призывает вернуться к Ленину или молодому Марксу. Эта книга далека от всякого ревизионизма. Ее послание аккумулирует опыт Пастернака-поэта: если кто-то вступает в полемику с мыслью, воплощенной в государстве, он сам уничтожает себя, становится опустошенным человеком. С новым Цезарем нельзя дискутировать, ибо это означает согласиться на встречу на его территории. Необходимо новое начало, новое применительно к нынешним условиям, хоть и не новое в России, на которую наложили отпечаток века христианства. Литературу социалистического реализма надо отложить на полку и забыть, новое измерение — это измерение тайного предназначения каждого человека, измерение сочувствия и веры. В этом смысле Пастернак обновил лучшие традиции русской литературы, и в этом смысле он обретет последователей. Один у него уже есть — это Солженицын.

Парадокс Пастернака в том, что нарциссическое искусство вывело его из клетки собственного эго. Для него характерна и некая тростниковая гибкость; благодаря ей он так часто принимал *les idées reçues* [общепринятые идеи], не подвергая

их анализу, которого требует идея, то есть анализу беспристрастному, хоть и не позволяя им себя подавить. Вероятно, нет такого читателя русской поэзии, который не поддался бы искушению сопоставить две судьбы — Пастернака и Мандельштама. То, что один из них выжил, а другой погиб в лагере, может быть результатом действия очень разных факторов, хотя бы того, что одному повезло, а другому — нет. Однако в поэзии Мандельштама есть что-то, что изначально обрекло его на гибель. Из того, что сказано выше о споре моего поколения с приверженцами «жизни», ясно следует, что для меня Мандельштам, а не Пастернак — идеал современного классического поэта. Но у него было слишком мало недостатков, он был кристальным, неподатливым и оттого хрупким. Пастернаку — более стихийному, менее строгому, многоликому — дано было написать роман, который несмотря на свои противоречия и одновременно благодаря им стал произведением великим.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — АВАНГАРД НАРОДА

В 2008 г. Институт истории Польской Академии наук выпустил чрезвычайно интересный трехтомный труд «История польской интеллигенции до 1918 года». Автор первого тома, «Рождение интеллигенции. 1750-1831», — Мацей Яновский, второго, «Порочный круг. 1832-1864», — Ежи Едлицкий, третьего, «Интеллигенция на перепутье. 1864-1918», — Магдалена Мицинская. Весь этот труд опирается на первоисточники и документальные свидетельства, но одновременно отличается замечательным, а то и блистательным характером умного эссе. Несмотря на тенденцию к единообразию, каждый автор вносит индивидуальные черты своей творческой лаборатории историка. Работа, задуманная как монографическая, принимает в расчет огромное проблемное пространство и обширный исторический контекст. Дальнейшие заметки будут попыткой обзора тех вопросов, с которыми встречается внимательный читатель. Поэтому придется иногда разрывать хронологические связи, продвигаясь вдогонку за темой, которую нужно проследить в разных исторических эпохах.

Замысел труда, что особенно видно поначалу, — скрупулезно проследить важные проблемные линии. Так, например, обстоит дело с появлением и становлением понятия интеллигенции как обособленного слоя общества. Авторы считают, что это произошло в середине XVIII века. Разумеется, тогда интеллигентов еще не воспринимали как однородное сословие. Легче постичь этот вопрос на контрастном фоне «сарматской» действительности. Тогда к интеллигенции можно отнести людей с широкими просвещенческими горизонтами — впрочем, весьма разных. Автор называет здесь членов чиновничьего корпуса, литераторов, художников и артистов, академическое сословие, любителей разнообразных искусств и наук — причем нужно помнить, что речь идет о периоде относительной интеллектуальной свободы во времена Станислава Августа. Посему в этот круг могут попасть участники еженедельных королевских обедов и их честолюбивые подражатели, а также часть знатных магнатов вместе с их просвещенными придворными. Здесь обнаруживаются люди, в меньшей или большей степени образованные. Аналогично обстоит дело с адвокатурой и

всяческими поклонниками широко понимаемого нового искусства, включая и рафинированное искусство беседы. Надо помнить о создателях Комиссии национального образования и пропагандистах ее идей, о круге творцов конституции 3 мая 1793 г., а также о некоторых иерархах и образованных пришельцах из-за границы, особенно из бурлящей Франции. Следует подчеркнуть, что развитию интеллигентской среды способствует город и некоторые магнатские резиденции, а провинция остается сермяжно-сарматской. Некоторую перемену внесли разделы страны и ставшее их следствием политическое и общественное ужесточение. Внутри польской общественности начали прорисовываться линии разногласий. Наполеоновские войны оставили после себя изменения в административном устройстве и в организации институциональной жизни, а во времена Царства Польского обострились условия публичной жизни (к примеру, была создана цензура), затруднились контакты с заграницей и с польскими землями, доставшимися другим захватчикам. В Царстве Польском — после относительно нормальной обстановки в правление Александра I — настало время террора. Наиболее либеральные условия господствовали в Галиции, а на тех польских землях, которые аннексировала Пруссия, германизация поначалу не была такой нестерпимо мучительной, как впоследствии. Формирующийся слой интеллигенции расширился за счет лиц свободных профессий (врачей и адвокатов), старших офицеров, богатого мещанства. Уже нельзя было видеть его корни единственно в сословии мелкой или средней шляхты. Интеллигентом оказывался каждый образованный либо обучающийся гражданин.

Национальные разногласия относительно путей, ведущих к восстановлению независимости страны, в особой степени касались интеллигентских кругов. Появились как внушительные группы радикально, а иногда и революционно настроенной молодежи, так и более умеренные гражданские объединения. Сотрудничество с захватчиками тоже носило различный характер — от консервативных, хотя и конструктивно ориентированных групп вплоть до предательства национальных интересов. Предательство было как правило обречено на общественный остракизм и светский бойкот. Вот что пишет Мацей Яновский: «Огромное большинство заговорщических движений 1820-х годов не имело четкой цели. «Польский национальный характер», который заговорщики обязывались оберегать, укреплять и поддерживать, не был чем-то точно определенным. Он мог означать любые политические устремления, от соблюдения конституции Царства Польского вплоть до полной его

независимости, мог также делать упор на развитие национальной культуры, в первую очередь на культивирование языка и знаний о прошлом. Лишь репрессии привели к тому, что заговорщики постепенно радикализовали свои цели и начинали — весьма медленно и непоследовательно — формулировать требования независимости. Можно считать, что — по крайней мере до памятной ночи 29 ноября 1830 г. (начала восстания. — Пер.) — вся оппозиция, как открытая, так и нелегальная, не стремилась изменить положение, которое создал Венский конгресс. Соблюдение конституции и присоединение к Царству Польскому литовско-белорусских земель служило границей, дальше которой воображение поляков не простиралось».

Медленно и с многочисленными препятствиями (цензура) возникали журналы и возрождалось издательское движение. Писатели, осужденные на эзопов язык, соревновались в том, как донести до читателей запретные патриотические идеалы. Бывало, то, что не проходило в литературной форме, удавалось в театре. Отсюда — довольно оживленное театральное движение. Наступил и расцвет светской жизни, так как в частных домах можно было давать выход патриотическим чувствам. Нередко светские разговоры приносили плоды в виде учреждения тайного общества, искавшего способы восстановить независимость. Непрестанные заговоры, зарождавшиеся среди разнообразных общественных групп, консолидировали интеллигентский слой.

Менялся язык публичной жизни: «Еще по-прежнему функционировали многие из ходовых фраз и умственных категорий, восходящих к позднему Просвещению (само слово «просвещение» по-прежнему широко употреблялось). Вместе с тем менялся — и весьма радикально — стиль, каким говорилось о нации, Польше, патриотизме. Конституционно-монархический пафос уступал место пафосу независимости, часто с мессианским и жертвенным оттенком. Произошла идейная и вместе с тем поколенческая «смена караула»: молодые радикалы не взяли власть в ходе восстания, но распространили новый стиль разговоров о политике, который — перед лицом полного выхолащивания предшествующего позднепросвещенческого стиля — был вскоре принят и старшим поколением, и всеми образованными кругами. Большинство любого общества (это касается и образованных верхов) обычно приноравливается к политическим изменениям, хотя как правило это происходит с некоторым запозданием. Та же инерция и нежелание выделяться, которые раньше упрочняли стабильность политической системы,

теперь действовали в пользу восстания. А всё усиливающееся воздействие европейского романтизма подкрепляло эту перемену».

Патриотическая экзальтация нарастала в ходе восстания. Это нашло отражение в двояком понимании нации. Первым подходом была параллель между нацией и индивидом, проявляющаяся в идее политических прав нации по аналогии с либеральной идеей прав личности. Вторым — убежденность во всеобщей гармонии, которая непременно образуется в тигле разнородных национальных культур. Верили также в гердеровское утверждение, согласно которому человек может погибнуть ради нации, но не нация — ради человечества. Революционная мысль уже не ограничивалась одним лишь слоем интеллигенции, захватывая более широкие социальные круги — мелких ремесленников и наемных работников.

Период преследований и массовой эмиграции после поражения восстания 1830–1831 гг. оказал существенное влияние на формирование и бытование польской интеллигенции. В эмиграции особенно важными проблемами стали бытовые условия и идеологическое расслоение. Общее разочарование способствовало зарождению споров о будущем и прошлом. Во Франции Польское демократическое общество приобретало всё большее влияние — и дифференцировалось идеологически. Приверженцы «отеля Ламбер» (парижской резиденции князя Адама Чарторыжского. — Пер.) выдвигали максималистские требования в вопросе о возрождении независимой Польши. Более радикальную программу общественных и национальных реформ представляли эмигрантские группы, осевшие в Англии, — громады «Люда польского», особенно громада «Грудзёндз». Среди эмигрантов возникла новая популяция интеллигентов, отчетливо замечавших, что польские земли всё больше отстают от ведущих западных государств. Поэтому самым неотложным делом они считали разработку социальных реформ и представления о будущей Польши.

В контактах эмиграции со страной большое значение имело распространение неподцензурной литературы. Получателями этих идей и публикаций были представители свободных профессий, учителя и более просвещенные из чиновников, особенно служившие в больших городах. Для этих немногочисленных адресатов (Ришарда Чепулис оценила численность всех работников умственного труда Царства Польского в 1830-е гг. примерно в 7,5 тыс., т.е. чуть больше полпроцента всего профессионально активного населения) эмигрантская контрабанда служила окном в мир, так как,

помимо литературы как таковой, в Польшу поступала литература по промышленности, сельскому хозяйству, медицине и педагогике. Культуротворческую роль играли также университеты и другие высшие учебные заведения в Петербурге, Дерпте, Москве, Вене, Познани, Берлине, Бреслау и реже — в Варшаве. Считается, что в 1840-е гг. каждый третий из 750 студентов Санкт-Петербургского университета мог быть поляком из Литвы или Царства Польского. Учеба на чужбине благоприятствовала собиранию поляков воедино и созданию патриотической среды. Особым вопросом было концентрирование в рамках интеллигенции выходцев из мелкой буржуазии и мелкопоместного дворянства. Ришарда Чепулис доказывает, что интеллигенция рождалась как класс, впитывающий социально различных индивидов, в основном родом из крупных городов; однако с течением лет принадлежность к ней всё больше связывалась с наследованием если не самой профессии, то по меньшей мере социальной позиции. Благодаря расширению Гаскалы (еврейского просветительского движения) всё шире распространялась ассимиляция евреев, а вслед за ней увеличивалась их доля в интеллигентских кругах. Интеллигенция участвовала в создании слоя писателей и издателей. Поднаторевшие в битвах с цензурой, они прибегали к разным приемам, чтобы обойти действующие запреты, а вместо закрытого журнала довольно быстро учреждали следующий.

С течением времени редели ряды давней патриотической интеллигенции, а новая часто старалась прежде всего обеспечить себя средствами к существованию и, например, искала работу в правительственных школах, которые, невзирая на низкое жалованье, давали ощущение стабильности, а по прошествии лет — право на пенсию. «Польская школа благодаря инерционности довольно действенно — даже в губерниях самой империи — сопротивлялась русификации, зато незаметно подчинялась конформизму и той политике недоверия к рационализму, которая характеризовала всю николаевскую систему, особенно в ее последние годы. В 1848 г. министр просвещения инструктировал попечителей учебных округов, что те должны бдительно следить, дабы ненужное мудрствование греховных новаторов не проникало в учебные заведения, задача которых — прививать молодежи убеждение в необходимости и полезности главнейших учреждений правительства.

Как близки эти слова, сказанные при Николае I, к знаменитому высказыванию его преемника Александра II: «Никаких мечтаний, господа», — с горечью повторяемое поляками, оно

вошло в историю! В историю не вошли репрессии, ссылки в Сибирь, русификация во всех областях жизни. Когда нормальная жизнь стала невозможной, снова начали распространяться идеи восстания, ведущего к осуществлению мечтаний о свободе. Такие мечтания отчасти осуществились в Кракове и Львове — городах, служивших превосходными каналами переброски как литературы, создаваемой в эмиграции, так и нелегальной местной прессы.

В Царстве Польском тем временем созревали повстанческие программы. Начинались идейные трения между «красными» и «белыми». Одни рвались к вооруженной борьбе, другие желали путем долговременной политики уступок и требований привести страну к независимости. В 1862 г. комитет движения «красных» принял название Центрального национального комитета, а это означало, что с этих пор он не только орган, управляющий всеми структурами организации, но и считает себя квази-публичной властью, которая отдает приказы, устанавливает «национальные» налоги, формирует собственную полицию и обладает своими иностранными представителями. Восстание стало фактом, и повторилась история тридцатилетней давности. Несмотря на огромную поддержку с разных сторон, почти не вооруженные, с плохим командованием, группы смертников вышли на кровавую битву. Однако же не весь народ двинулся в бой. Сельское простонародье осталось почти пассивным. Это было результатом нерешенной проблемы крепостного права и пренебрежения повстанцев к лозунгам всеобщего равноправия. Поражение ускорил рекрутский набор, объявленный раньше срока, чтобы лишить воли к действию наиболее взбунтовавшиеся группы общества.

«В Польше этот внутренний конфликт целей и помыслов в высшей степени ощутимо отяготил интеллигенцию. И ничего удивительного, что признание безоговорочного приоритета такой цели, как независимость, способствовало демонстративному презрению к цивилизационным задачам, что часто проявлялось в форме борьбы с иностранщиной, и наоборот — примат либеральной идеи прогресса содействовал признанию патриотических идеалов чем-то второсортным. При деспотическом и вместе с тем консервативном правлении у такой дилеммы нет хороших решений; в этом же по сути дела и состояла истинная драма польской интеллигенции, а может быть, вообще драма Восточной и Южной Европы. 1863 год стал трагической кульминацией этой драмы, за которую интеллигенция, по крайней мере ее менее терпеливая часть, несла самую большую ответственность и заплатила

ужасающую цену, учитывая как людские потери, так и политическую и культурную катастрофу».

Тем не менее после поражения восстания новый слой интеллигенции как деятельный общественный класс всё сильнее склонялся к позитивистским идеалам — «малым делам» и «органическому труду». Эмансипация женщин, которые уже составляли внушительное число участниц общественного движения, и подключение новоназначенных чиновников государственной администрации серьезно пополнило ряды польской интеллигенции, прежде всего в крупных городах. Провинция тоже не была интеллектуальной пустыней, но здесь верх брали главным образом негативные и частные дела. Несчастье состояло в том, что представители шляхетской психологии и норм поведения пренебрегали промышленными нововведениями и не признавали ремесло и торговлю занятиями, достойными шляхтича.

Самые удобные условия для интеллигенции сложились в Галиции. На тамошнее общественное мнение оказывали влияние поляки, вернувшиеся из эмиграции, и сибирские ссыльные, а также беженцы из Царства Польского. Они приносили с собой патристическую мысль, а часто и приобретенные за границей умения. Возросло количество технических специалистов и высококвалифицированных работников, получивших образование в западных учебных заведениях. Эволюция здешней администрации, превращавшая ее в самую обычную бюрократию, где на службу брали лиц пониженной квалификации, была видна и в двух других аннексированных частях Польши. В 1880-е гг. уже функционируют понятия интеллигенции, пролетариата и перепроизводства интеллигенции. Этот слой, который включает самые разнообразные должности — от гувернеров в зажиточных домах, управляющих имениями, помощников адвокатов, нанимаемых во всякие конторы, и вплоть до конторщиков низшего ранга в учреждениях правительственной администрации, — кристаллизуется всё отчетливее. Светила науки, многообразные издатели, писатели служат образованной молодежи недостижимым образцом. Интеллигенция — в зависимости от уровня зажиточности и устремлений — вырабатывает свой стиль поведения в обществе.

«Одновременно пробуждался новый интерес к идеям и литературе эпохи романтизма. В польских условиях это в особенности означало нарастающее увлечение творчеством Юлиуша Словацкого, которое — за счет Мицкевича,

обожествлявшегося предыдущим поколением, — с 1890-х распространяется прямо-таки со стихийной силой, завладевая молодыми сердцами. Схожие эмоции возбуждало и «открытие» поэзии Циприана Камиля Норвида, не понятой его современниками. Перед лицом силы естественных законов старения индивидуумов и обществ декадентство прибегало к пустым жестам и бунтовщическим позам, но вместе с тем провозглашало и необходимость повернуться от природы к культуре. Искусство было признано — во всяком случае, на первой стадии модернизма — единственной оставшейся у человека абсолютной ценностью, тогда как чистое занятие им — без всяких общественных и национальных требований, без перспектив любой практической пользы, даже без озабоченности академически понимаемой красотой — считалось единственным путем, которым есть смысл двигаться».

Споры в интеллигентских кругах разворачивались вплоть до времени, когда их затмило зрелище войны. Наступило потрясение, вызванное надеждой на восстановление независимости. В каждой из трех аннексированных частей Польши она принимала свой вид в зависимости от местной ситуации. Однако надо признать, что люди, прошедшие до этого не один-единственный путь, представлявшие самые разные мировоззренческие позиции, обладавшие разными профессиями и принадлежавшие к разным поколениям, внесли такой вклад в громадный труд построения единого государства из земель, разделенных на протяжении ста с лишним лет, что их заслуги невозможно недооценить. Они возвели новую Польшу и подготовили ее к проведению межвоенной аграрной реформы и социальных преобразований, а также к принятию конституции. Они добились стабилизации валюты, ввели всеобщее обязательное школьное обучение, которое должно было привести к выравниванию образовательного уровня населения между западными и восточными регионами страны. Таким образом, интеллигенция в итоге выполнила поставленную перед собой патриотическую и общественную задачу.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В августе президент РФ Дмитрий Медведев наградил Анджея Вайду орденом Дружбы — одной из высших государственных наград Российской Федерации. Наш выдающийся режиссер кино и театра был отмечен за большой вклад в развитие российско-польских отношений в сфере культуры. Российское телевидение показало антологию отрывков из десяти фильмов Вайды.

Сообщая об указе Медведева, российские СМИ называли 84-летнего художника классиком мирового кино. Его путь отмечен многими важными международными премиями, в том числе в 2000 г. — «Оскаром» за вклад в киноискусство.

В интервью «Газете выборчей» Анджей Вайда сказал:

— Я счастлив не самим орденом, но тем, что, как я понимаю, это награда определенно связана с фильмом «Катынь» и его показами в России. Когда год назад я демонстрировал «Катынь» в Москве на единичных просмотрах, у меня было впечатление, что этим судьба фильма в России и завершится. И вот спустя несколько месяцев фильм показали по общероссийскому телевидению, причем дважды, благодаря чему его посмотрели более десяти миллионов жителей России. Конечно, это было невозможно без политического решения. И не было бы также возможным без фундаментальных перемен, которые происходят в России на наших глазах, — хотя бы во взгляде на историю. Я вспоминаю 8 мая нынешнего года, когда в связи с 65-летием окончания Второй Мировой войны я был вместе с Брониславом Коморовским, тогда исполняющим обязанности президента, в Москве на государственных торжествах: нигде не увидел ни одного портрета Сталина. Словно этот сюжет истории сознательно отринут. Это серьезный сигнал.

Режиссер также добавил:

— Не секрет, что именно катынское дело было много лет тем препятствием, которое и поляков, и русских травмировало. Меня особенно, ведь в Харькове был убит мой отец. Но независимо от нашего отношения к Советскому Союзу, ото всех политико-исторических проблем нас всегда объединяло кино. Мы дружили (я говорю от имени многих польских режиссеров, а не только от своего), например, с Андреем Тарковским,

Григорием Чухраем, с большой группой кинематографистов, которые в значительно более трудных условиях, чем мы, пробовали честно говорить о своей стране. И делали искреннее, замечательное кино, даже если могли за это серьезно поплатиться.

В следующем году исполнится сто лет со дня рождения Чеслава Милоша. Подготовка к юбилею развернута, и уже, разумеется, отозвались возмущенные «истинные поляки». В июле депутат от «Права и справедливости» Анна Собецкая выступила на заседании комиссии Сейма по культуре с протестом против объявления 2011 года Годом Чеслава Милоша, заявив, что шесть лет, прошедших после смерти поэта, — это мало, чтобы оценить его заслуги.

Решительную отповедь такому мнению дал в интервью «Газете выборчей» Януш Паликот. Резкий в выступлениях депутат от «Гражданской платформы» и в этот раз не стеснялся в выражениях: «Мне вспоминаются споры после смерти Милоша о его погребении в Вавеле. Группы, близкие госпоже Собецкой, тогда утверждали, что он не должен быть там похоронен, ибо он не польский поэт. Если шести лет мало, чтобы Собецкая оценила Милоша, то решение похоронить Леха Качинского в Вавеле на шестой день после смерти — не скандально ли поспешное? Величие Милоша неоспоримо, подтверждено Нобелевской премией, строками на памятнике погибшим докерам в Гданьске, цитатами в текстах Папы [Иоанна Павла II], влиянием на мировую поэзию».

Интересное интервью по поводу проведения Года Милоша дал «Газете выборчей» Гжегож Гауден, директор Института книги. Стоит привести заголовок этой беседы — «Благодарение Господу, что дал Польше Милоша».

— Мы не станем Милоша канонизировать, возносить на пьедестал, что противоречило бы ему самому. Думаю, что, слушая, как на него нападают, он там наверху громогласно хохочет, хлопая себя по коленкам, — сказал Гауден. А на вопрос о возможных дальнейших нападках ответил: — Я могу ожидать каких-то ядовитых текстов в крайне правой прессе или передачах радио «Мария» и нападок некоторых политиков на Милоша. Ожидаю, скорее, одиночных выстрелов — например упреков, что он был не поляком, а «литвином», — а не канонады. Я думаю, — добавил Гауден, — что эти люди читают не Милоша, а измышления нескольких идеологов, для которых он польским поэтом не был, — и всё тут. Надо вести с ними диалог. Вопрос: как? Мы должны бы отказаться от догмата, что поляк — это только католик, человек, подчиненный Церкви.

Хотя, как показывают события возле президентского дворца, с этим подчинением и послушанием всяко бывает.

Международная программа торжеств охватывает также и Российскую Федерацию.

— Мы многое планируем сделать в России, — сказал Гжегож Гауден. — Мы хотим, чтобы Милош стал писателем, о котором в России спорят. В наших планах проекты не только в Москве и Петербурге, мы организуем цикл встреч в университетских центрах по ту сторону Урала. Мы уже знаем, что российские гуманитарии заинтересованно ожидают этого, у них позитивное отношение к Польше.

Милош любил русских, дружил с Иосифом Бродским, в Беркли читал лекции, в частности, и о русской литературе, о Достоевском. Скоро в «Зешитах литерацких» выйдет книга, касающаяся взглядов Милоша на Россию, где будут напечатаны и эти лекции. Мы хотим их перевести на русский язык, — сообщил Гауден, — чтобы в России был весь «комплект»: «Порабощенный ум», «Родная Европа», поэзия Милоша и его тексты о России.

Уже в 14-й раз, с 30 июня по 8 августа, проходил Гданьский Шекспировский фестиваль. Спектакли нынешнего года пришли из разных культурных кругов, в Тригород (Гданьск — Гдыня — Сопот) приехали театры из Армении, Великобритании, Венгрии, Германии, Зимбабве, Литвы, России и Румынии.

За приз «Золотой Йорик» конкурировали спектакли: «Я, Гамлет» в постановке Марека Калиты (Театр имени Богуславского, Калиш); «Король Лир» режиссера Цезариуса Граужинаса (вроцлавский Современный театр имени Вертинского); «Сон в летнюю ночь» в постановке Моника Пенцикевич (Театр Польский, Вроцлав) и «Двенадцатая ночь» в режиссуре Михала Борчуха (Театр имени Кохановского, Ополе). В конечном счете жюри не присудило главной премии, а лишь отметило спектакль из Ополе.

Интересными показались две постановки «Гамлета» — литовского режиссера из Вильнюса Оскараса Коршуноваса и аскетичный японский спектакль театра Но «Рютопия». Разочаровали французские спектакли — «Буря!» и «Ожидая сна» в постановке Ирины Брук, дочери выдающегося режиссера Питера Брука.

Моноспектакль «Представьте себе... Вильям Шекспир», подготовленный Театром имени Словацкого (Краков), оказался

шоу актерского искусства Анджея Северина, но не более того.

О российских участниках фестиваля рецензент «Газеты выборчей» написал: «Выдающуюся физическую подготовку продемонстрировали русские актеры из московского Театра Романа Виктюка. Их «Ромео и Джульетта» — это постоянное подтягивание на канатах, прыжки через развешенные на высоте нескольких метров полотна ткани или перебрасывание гимнастических матов. Собственно, ничего сверх того».

Говоря в целом, уровень нынешнего фестиваля не восхитил.

В курортном городке Душники-Здруй 6-14 августа проходил 65 й Международный Шопеновский фестиваль. Программу юбилейного фестиваля, как и в обычные годы, составили сборные и сольные концерты и мастер-классы. Выступили выдающиеся зарубежные и польские пианисты, а также талантливая молодежь. Концерт, открывший фестиваль, прошел в летнем павильоне курортного парка, а остальные — в Шопеновской усадьбе.

— Международный Шопеновский фестиваль в Душниках-Здруе отличает прежде всего то, что это самый старый в мире фортепьянный фестиваль, где играют не только Шопена, — сказал художественный руководитель фестиваля, пианист Петр Палечный. — Огромный плюс фестиваля — его камерность. Мы не располагаем новым, современным концертным залом. Но у нас есть то, о чем мы всегда напоминаем и что вызывает огромное уважение у исполнителей, — сцена, на которой много лет назад, в 1826 г., выступал сам Фредерик Шопен.

Композитор приехал в Душники в августе 1826 г. по рекомендации варшавских врачей. Курорт ему понравился, он пил здешние воды и дал два благотворительных концерта.

Среди приглашенных на нынешний фестиваль были выдающиеся пианисты и лауреаты Международного конкурса пианистов имени Фредерика Шопена. Публика могла посетить, в частности, сольные концерты Станислава Бунина, Дениса Кожухина, обладателя лиссабонского «Вендом Прайз» 2009 г., и еще одного представителя русской школы — Софьи Гуляк, которая стала первой в истории женщиной, победившей на международном конкурсе пианистов в Лидсе.

А в Варшаве музыка звучала весь август в рамках 6 го Международного фестиваля «Шопен и его Европа». Это одно из важнейших культурных событий нынешнего года в Польше. 58

великолепных концертов, более тысячи музыкантов мирового класса, а в программе были представлены преимущественно произведения композиторов барокко и классицизма. Исполнялось много произведений авторов, близких Фредерику Шопену, особенно Баха и Моцарта, которых он любил, а также Бетховена, который привлекал, а иногда отталкивал его.

— Главная задача фестиваля — показать истоки стиля Шопена, музыкальный пейзаж шопеновской эпохи и одновременно представить взгляд на современную музыкальную Европу и живое воздействие на нее композитора. Нам особенно важно представить эту музыку в оригинальном, историческом звучании. В этом году мы намереваемся главным образом сосредоточиться на творчестве XIX века, — сказал художественный руководитель фестиваля Станислав Лещинский.

Концерты проходили в Концертной студии Польского радио имени Витольда Лютославского, Национальной филармонии, а также в Большом театре — Национальной опере. Среди приглашенных гостей были выдающиеся музыканты и коллективы — например, Марк Минковский, Миша Майский, Александр Гаврилюк, Ян Хобсон, «The King's Singers», Бенжамин Гросвенор, Аркадий Володос, Николай Луганский, Российский национальный оркестр, Михаил Плетнев, Денис Мацуев, Марта Аргерих, Дина Йоффе, Станислав Бунин. Не было недостатка и в польских знаменитостях. Публика получила возможность услышать, в частности, Эву Поблоцкую, Александру Кужак, Кайю Данчовскую, Мацея Гжибовского, Войцеха Свиталу, Януша Олейничака.

Помимо симфонических, камерных и сольных концертов, в нынешнем году были подготовлены также хэппенинги, джазовые концерты, выступления на открытом воздухе.

Несомненно, важнейшим событием нынешнего лета в области кино стал 10 й кинофестиваль «Эра — Новые горизонты» во Вроцлаве. На нем было показано свыше 500 фильмов из 50 стран. Гран-при фестиваля получил фильм тайландского режиссера Анохи Сувихакорнпонт «Обыкновенная история», метафорический рассказ о повседневной жизни парализованного мальчика, который находит лучший контакт с ухаживающим за ним санитаром, чем с сухим, замкнутым в себе отцом.

В первый раз в истории фестиваля присуждалась премия ФИПРЕСКИ — награда Международной федерации кинокритиков. Этой премией отмечен российский фильм

режиссеров Николая и Елены Ренардов «Мама», а премией публики — итальянский фильм «Le Quattro Volte» — рефлексивное кино об отношениях человека с природой, решенное в разных стилистических формах.

В категории «Новый польский фильм» международное жюри присудило Вроцлавскую кинопремию Пшебыславу Войцешко за фильм «Made in Poland». Премию за режиссерский дебют получил Адам Сикора (фильм «Эва»).

В начале июля опубликован короткий список книг, претендующих на Литературной премии имени Юзефа Мацкевича. Выбрано 10 названий: «Баранец» Яцека Дукая, «18 значит жизнь» Ежи Фонфара, «Годо и его тень» Антония Либеры, «Перерыв в работе» Павла Лисицкого, «Польская война» Лешека Мочульского, «Гроза. Побег из Варшавы 1940 го» Мацея Паровского, «До встречи в аду» Войцеха Пестки, «Кантус» Яна Полковского, «Джус & Джин» Магды Скубиш, а также «Лех Валенса. Идея и история» Павла Зызак.

Вызывающая много споров премия, присуждаемая с 2002 г., обрела дурную славу в связи с антисемитскими высказываниями одного из членов жюри (из-за этого жюри покинул писатель Казимеж Орлось — племянник Юзефа Мацкевича).

Вместе с денежной наградой (10 тысяч долларов) лауреат получает медаль с изображением Мацкевича и его словами — девизом конкурса: «Интересна только правда». Премия всегда вручается 11 ноября, в День Независимости. Если ее в этом году получит Павел Зызак, автор книги, считающейся пасквилем на Леха Валенсу (по Зызак, Валенса — сексот ГБ), будет изрядный скандал, не только литературный. Но и само выдвижение многое говорит о политических предпочтениях членов жюри.

Ягеллонская библиотека в Интернете — с 19 июля 2010 г. действует пилотная версия Ягеллонской цифровой библиотеки. Она делает доступной в сети оцифрованные копии бесценных собраний популярной «Ягеллонки» и Ягеллонского университета в Кракове.

По адресу jbc.bj.uj.edu.pl можно читать и просматривать, в частности, рукописи, первопечатные книги, изобразительные материалы (например, офорты Рембрандта, литографии Леона Вычулковского или рисунки Петра Михаловского). До апреля 2013 г. библиотека должна оцифровать 1222 тома журналов и 1644 книги, а также другие материалы из так называемых специальных фондов. Осуществление проекта займет три года.

Его стоимость — свыше 6 млн. злотых, из которых 85% оплатит Евросоюз.

По итогам объявленного министром культуры Богданом Здроевским конкурса назначен новый директор Центра современного искусства в Варшаве. Им стал Фабио Каваллуччи, итальянский художественный критик среднего поколения. Он прибудет в Варшаву в сентябре и станет первым в истории директором галереи в Польше родом не из нашей страны и не говорящим по-польски.

«Я хочу быть летчиком» — так называется выставка, с которой можно познакомиться до 30 сентября в городской ратуше в Ченстохове. На ней представлены первые издания книг и их переводы, фотографии, газеты, плакаты и фрагменты дневников Марека Хласко, выдающегося прозаика 50–60 х гг. Название экспозиции — слова из дневника Хласко, который он начал вести в возрасте 11 лет, будучи в Ченстохове. Хласко приехал туда с матерью в начале ноября 1944 г., после капитуляции Варшавского восстания.

— Можно сказать, что первые писательские шаги он сделал как раз в Ченстохове, здесь он внес больше всего записей в дневник. В дневнике много орфографических ошибок, но в то же время он написан столь зрело, что трудно поверить, что писал 11 летний мальчик, — сообщила агентству ПАП куратор выставки Катажина Озимек.

«Я варшавянин, мне 11 лет, я хочу быть летчиком и ходить в школу. Меня зовут Марек Хласко, я буду харцером. У меня есть сестра Аля, несколько книг по авиации, коллекция картинок самолетов, немного инструментов, несколько книг не по авиации, немного пороха, несколько тетрадей и большое желание писать свой дневник дальше», — написал Хласко в Ченстохове 15 февраля 1945 года.

— Стремление летать сопровождало его всю жизнь. Он получил лицензию пилота, а последний раз летал за день до смерти. Живя в Ченстохове, он ходил на местный аэродром через те места, где сегодня улица его имени, — добавила госпожа Озимек.

Как и каждый год, 1 августа в Варшаве отмечалась годовщина начала Варшавского восстания (официальные торжества на воинском кладбище Повонзки попыталась сорвать группа политиканов, непримиримо настроенных по отношению к президенту Коморовскому и к Владиславу Бартошевскому). Торжества включали художественную часть. Театр «Каменица»

к 66 й годовщине восстания показал спектакль на основе автобиографической книги «Дневник Варшавского восстания» Мирона Бялошевского.

Спектакль связан с современными реалиями посредством эффектного рокового музыкального оформления Матеуша Поспешальского. Поспешальский, саксофонист и джазмен, выступает с группой Войцеха Ваглевского «Voo Voo», музыка которой объединяет джаз, рок и фолк. В роли повстанцев выступили актеры молодого поколения.

«Одиннадцать молодых актеров, без разделения на роли, ибо они — вся восставшая Варшава, в течение полутора часов без перерыва действуют на полных оборотах, как отлаженная машина, — написал Тадеуш Нычек в «Пшекруе». — Они рассказывают о людях тех далеких лет, но временами возникает впечатление, что говорят они о себе: да, это могли быть мы».

Лешек Восевич, режиссер и сценарист, сообщил о завершении работы над своим фильмом «Танец смерти. Сцены Варшавского восстания». Премьера фильма, адресованного прежде всего молодежной аудитории, запланирована на осень. Главные роли сыграли Магдалена Целецкая и Рафал Фудалей.

Картина объединяет разные жанры, в частности приключенческий и science fiction. Действие начинается на двенадцатый день восстания. Два главных героя, Ирена и Марек, по разным причинам хотят добраться с окраин Варшавы в центр. Ирена (Магдалена Телецкая) — фольксдойч, мать харцера, сражающегося в восстании против немцев. Женщина пытается найти сына в военном вихре. А Марек (Рафал Фудалей) хочет пробраться к своему отцу. Образ Марека отчасти навеян «Дневником» Мирона Бялошевского, его переживаниями времен Варшавского восстания.

Съемки проводились осенью 2009 и весной 2010 года. Лешек Восевич использовал также архивные материалы — подлинные снимки разрушаемой во время восстания Варшавы. Музыка написал Войцех Ваглевский.

В этом году в программе фестиваля «Solidarity of Arts» (Гданьск, 18 августа — 8 сентября), как сообщает портал www.culture.pl, объединены элементы, связанные с двумя событиями. Первое — это 30 летие создания «Солидарности», второе — 200 летие Фридерика Шопена.

В программе мероприятий к 30-летию августа 1980 го, подготовленных Европейским центром «Солидарности», — кинофильмы, спектакли, выставки и конференции. Особенно заметным событием стал спектакль «У твоего ангела «Свобода» есть имя» в постановке американского режиссера Роберта Вильсона. В спектакле четыре акта, в каждом из которых Вильсон выделяет символические, как он считает, для истории «Солидарности» фигуры. Это ксендз Ежи Попелушко, Анна Валентинович (погибшая в авиакатастрофе под Смоленском), Иоанн Павел II и Лех Валенса.

— Мы хотим показать, что «Солидарность» была массовым движением, оказавшим влияние не только на Польшу и Европу, но и на весь мир. Мы хотим показать универсальность и многосторонность этого движения, поэтому, наряду с известными именами, в проекте примут участие также дети, герои «Солидарности» и докеры, — сказал Вильсон.

В спектакле используются записанные ранее воспоминания участников августовских событий, произведения польской литературы, в том числе стихотворение Виславы Шимборской, которое сама поэтесса выбрала для этого случая, а также текст 21 августовского требования.

Кульминационным пунктом фестиваля было исполнение произведения «VIVO XXX» композитора Павла Мыкетина, написанное специально к тридцатилетию «Солидарности». Премьера нового сочинения Мыкетина состоялась 29 августа в исполнении симфонического оркестра Польской Балтийской филармонии и Государственного хора Минской филармонии под управлением Рейнберта де Леу. Почетное покровительство над мероприятием принял легендарный вождь «Солидарности» Лех Валенса.

«Solidarity of Arts» — это международное мероприятие, обращенное к традициям свободолюбия и к универсальному смыслу искусства. Фестиваль также имеет целью поддержку артистов и культурных институтов, связанных с Тригородом и Балтийским побережьем.

В Костшине-на-Одре прошел фестиваль «Остановка Вудсток-2010». На фестиваль Юрека Овсяка собралось свыше 300 тысяч юношей и девушек. Треть из 20 с лишним музыкальных коллективов — зарубежные, как сообщил корреспондент «Газеты выборчей». Музыканты приехали главным образом из Америки. Если упомянуть еще и не рок-концерты — Найджела Кеннеди, Лешека Можджера и Тымона Тыманского, то видны фундаментальные изменения в

«Остановках» за последние 15 лет. Овсяк, человек-динамит, вывел на поля «Вудстока» Академию изящных искусств. Это место стали посещать известные актеры (в нынешнем году — Марек Кондрат), бывшие политики (Бальцерович, Валенса), духовные лица (архиепископ Юзеф Жицинский). Здесь слушают музыку, но также и беседуют о важных проблемах гражданского общества. О политике, философии и религии. Не роком единым живет этот слет молодежи.

Прощания. Катажина Собчик (1945–2010) была одной из популярнейших польских певиц периода биг-бита. Вместе с ней в 1960-х вся Польша пела «Обо мне не беспокойся», «Тринадцатого», «Не торопись, Билл». Дебютировала она в 1961 г. в Кошалине как солистка любительской группы «Бяло-Зелёни» при воеводском доме культуры. В 1964–1972 гг. выступала с ансамблем «Червоно-Чарне», затем пела вместе с мужем Генриком Фабианом и ансамблем «Вятраки». Многие годы жила в США. Умерла 28 июля в варшавском хосписе после тяжелой болезни. Ей было 65 лет.

СВЯТОГО ГЕОРГИЯ — В ХОРОШИЕ РУКИ

В дождливый четверговый вечер «Тыгодник повсехный» в 17 й раз присудил медали св. Георгия. На торжество, которое проходило в Центре японского искусства и техники «Манггха», пришли читатели и друзья краковского еженедельника, а также все, для кого общественная деятельность лауреатов, удостоенных этой медали в нынешнем году, представляет собой непреходящую ценность. Заслуги Александра Гурьянова, координатора польской комиссии общества «Мемориал», и профессора Вацлава Гриневича, ксендза, выдающегося богослова и экуменического деятеля, представили публицист «Тыгодника» Анджей Бжезецкий и его главный редактор о. Адам Бонецкий.

Анджей Бжезецкий напомнил, что общество «Мемориал» создали люди, которые в прошлом занимались точными науками (физикой и химией). Трезвость ума и точность мышления позволили им противостоять той лжи, которую советская, а затем и российская власть несли обществу. Труд Гурьянова, состоящий в скрупулезном документировании репрессий в СССР по отношению к польским гражданам, медленно, но последовательно меняет сознание российских граждан.

Адам Бонецкий подчеркнул бескомпромиссное стремление о. Вацлава Гриневича оживить богословские размышления и увязать их с повседневным опытом верующих и неверующих. Он также обратил внимание на институциональные трудности, с которыми вынужден сталкиваться свящ. Гриневич: его нетрадиционные, хотя и необычайно убедительные и успешные методы деятельности зачастую встречают критику польских церковных кругов.

В своих выступлениях лауреаты подчеркивали, что принимают награду «Тыгодника повсехного» со смирением. Александр Гурьянов сказал, что эта премия перерастает его и он чувствует себя сконфуженным. Деятельность «Мемориала» он воспринимает как часть необходимого процесса по изменению исторического сознания российского общества. Это отнюдь не битва — как в аллегорической сцене, где св. Георгий сражается с драконом, — а скорее дразги с политиками, юристами, судами, а также с безразличием общества. Гурьянов также отметил, что

решение катынского дела поможет примирению Польшей и России, но само оно — в первую очередь внутренняя российская проблема, с которой общество должно наконец справиться.

О. Вацлав Гриневич сказал, что его деятельность состоит не столько в «борьбе», сколько в «борении» со злом, которое в общественной жизни принимает самые разные обличья. Цель этого борения — новый образ христианской веры, которая должна помериться силами с необычайно интересными, но вместе с тем трудными временами, с вызовами современности, часто перерастающей наши познавательные способности, возбуждая упоение и в то же время тревогу.

Ведущий этого торжества Петр Мухарский напомнил о достижениях «Тыгодника повшехного» за минувший год: о Международном литературном фестивале им Джозефа Конрада, цикле конрадовских приложений, где были представлены фестивальные события, о новом «Магазине литерацком» («Литературном журнале») и о шопеновских приложениях к «Тыгоднику». Прозвучали также благодарности читателям за их помощь, благодаря которой еженедельник преодолел прошлогодний финансовый кризис.

В художественной части выступил ансамбль «Отако» (Петр Федорович, Кароль Галицкий и Зимек Шульц), который исполнил несколько народных композиций в новых аранжировках.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я пишу этот текст через три недели после второго тура президентских выборов, то есть когда в газетах появилось множество комментариев и аналитических статей, касающихся этого события. Одна из тем, которая очень часто затрагивается, — вовлеченность католической Церкви в ход выборов. Это весьма любопытный вопрос, и в большинстве статей, затрагивающих его, особо подчеркивается тот факт, что Церковь в связи с таковой вовлеченностью существенно проигрывает, а одновременно многие представители Церкви не хотят согласиться с тем, что в политических вопросах религиозные институты перестают (в отличие от периода идеологических и системных санкций) играть для верующих авторитетную роль. Церковь, впрочем, возможно, считает, что и сегодня может извлечь некую пользу из ситуаций, подобных последовательным кризисам коммунистических времен 1956, 1970 или 1981 гг., когда, например, возрастало даже число названий католической периодики, что было для той системы своеобразным феноменом.

В «Политике» (2010, №30) Адам Шосткевич пишет в статье «Выборы Церкви»:

«Из президентских выборов Церковь выходит проигравшей — как партия «Право и справедливость» (ПиС). Она ставила на Ярослава Качинского, а вынуждена поздравлять Бронислава Коморовского. (...) Перед президентскими выборами Церковь сильнее, чем когда-либо за последние годы, включилась в политику, нарушив принцип политической нейтральности. (...) При либеральной демократии, в которой мы сейчас, согласно конституции, живем, не дело епископов и ксендзов вмешиваться в текущую политику. Когда-то, в том числе и в Польше, клирики были членами парламента, но эти времена давно завершились, согласно решению самой же Церкви. Церковь должна была принять к сведению, что при демократии католики голосуют за разные партии. (...) Церковь всё еще живет воспоминаниями своей мощи времен примаса Вышинского, словно не замечая, что тот золотой век давно уже миновал. Тогда Церковь тоже включалась в политику, но это происходило в недемократической системе, стремившейся

столкнуть католичество на обочину. Защищая деятелей демократической оппозиции и «Солидарности», Церковь служила делу добра и внесла существенный вклад в достижение свободы. Однако при демократии политическая активность Церкви легко может привести к конфликту совести у верующих. (...) Когда епископы и ксендзы выходят на политическую арену, общественность имеет право рассматривать их как политиков. А это значит, что таких клириков можно оценивать по тем же критериям, что и политиков. Именно в таком «пакете» имеет смысл дискуссия об общественном влиянии Церкви при демократии. Хотите заниматься политикой — пожалуйста, но принимайте тогда ответственность за свою политизированность со всеми последствиями проигранных выборов. Есть церковные лидеры, которые осознают эту проблему — как и плачевные последствия политической ангажированности для эффективности установок Церкви».

И далее: «Похоже, что Церковь не извлекла выводов из предостережений. Был момент, когда дело, казалось, пошло в нужном направлении — в сторону политической нейтральности. (...) Однако этот позитивный процесс был прерван, когда ПиС выросла во вторую силу польской политики. И после вытеснения из Церкви терпимости в стиле Войтылы более фундаментальным стилем Ратцингера. Потому-то Качинский почувствовал, что может строить позиции своего лагеря на декларации лояльности Церкви и *vice versa* — на декларации лояльности Церкви по отношению к ПиС. Возник неписанный пакт между двумя силами: национальной Церковью и национально-народной партией Качинского. Слияние это социологически и политически крепкое, но в духовном смысле близорукое, так как социологическая картина Польши будет меняться. (...) Идеологический фундамент союза ПиС и Церкви — антилиберализм. Бытовой и социально-экономический. (...) Демонизация либерализма ведется методично. Дело не в фактах, а в открытии фронта борьбы. Для борьбы нужна мобилизация. Для мобилизации нужен враг. С либеральной идеей (свободолюбием) Церковь борется с момента возникновения этой идеи. Не без оснований: современная либеральная политика редуцирует роль Церкви (любой Церкви, любой религии) в государстве и обществе. Оставляет полную свободу культа и проповеди, но не приемлет политических узурпаций. Религия — да, теократическое государство — нет».

А в еженедельнике «Впрост» (2010, №31) Александра Павлицкая и Мацей Гаек в статье «Фатальное влечение» пишут:

«Неприятие политической ангажированности Церкви становится все более распространенным. И не только среди тех, кто давно в оппозиции церковникам, но и среди тех, кто привержен Церкви и многие годы стремится к укреплению ее позиций в Польше. Это, пожалуй, самая большая после 1989 г. волна критицизма в отношении церковных властей. (...) Ударной оказалась в последнее время доза противоречивых решений Церкви: от захоронения президента Качинского в Вавеле, открытой предвыборной агитации в пользу лидера Пис — до разрешения Епископата говорить о смоленской катастрофе голосом радио «Мария» (которое пестует тезис, что катастрофа не была случайностью, утверждая даже, что это было хорошо спланированное покушение на президента. — Л.Ш.) Все это привело к тому, что всё чаще возникает вопрос: не привел ли политиков в тупик соблюдавшийся годами компромисс на линии Церковь — власть? Зависимость польской политики от Церкви в последние двадцать лет восходит к оппозиционным временам — многие годы Церковь была оплотом борьбы за демократию. (...) Церковь имела и имеет право высказываться по общественным вопросам, но одно дело — защищать демократических ценностей при коммунистическом режиме, а другое — найти свою роль в демократическом государстве. (...) Профессор Кароль Модзелевский, деятель оппозиции, считает, что зависимость политики от Церкви в демократической Польше — это следствие первородного греха, совершенного властями «пост-Солидарности» в начале 1990 х. Когда враждующие партии стали терять политическую поддержку, они увидели спасение во вмешательстве Церкви. Грех осуществления «коленипреклоненной» политики разделили затем уже все правительства. От правых и левых до либералов. (...) Годы альянса политиков с Церковью привели к выработке неписаного пакта о ненападении. Этот удобный для обеих сторон симбиоз был прерван последними президентскими выборами. (...) Официально Епископат не поддерживал ни одного из кандидатов, а лишь призывал к участию в выборах. Но ксендзы на этот раз особенно охотно снимали маску нейтральности».

Почему так произошло? Авторы статьи указывают на одну из причин этой ситуации:

«Особая связь Церкви и Пис родилась, когда партия была у власти. Тогда совершались эффектные жесты в сторону Церкви. (...) Сумеет ли «Гражданская платформа» (ГП) использовать уникальную возможность прекратить осуществление «коленипреклоненной» политики? Уникальную, ибо выиграла

президентские выборы не только без поддержки Церкви, но даже вопреки ее симпатиям. У ГП сейчас сильная позиция для формирования отношений государства и Церкви. (...) «Церковь не приняла во внимание политических симпатий польских католиков», — говорит о. Яцек Прусак. По его мнению, иерархи ошиблись в своих предвыборных расчетах, полагая, что легче будет говорить о роли Церкви и добиваться собственных выгод при конфликтной ситуации в светской власти. Полная власть ГП означала для Церкви необходимость договариваться с сильным партнером, а тем самым необходимость искать компромиссы. Пойдет ли ГП на открытый бой за влияние в захваченных Церковью сферах общественной жизни? Речь идет не о победе над Церковью, но об освобождении от ее диктата в сфере школьного образования (введение уроков этики и полового воспитания), о решении проблемы *in vitro* без воздействия церковных запретов, об уменьшении масштаба подпольных аборт, явившихся следствием рестриктивного закона. Сможет ли ГП в отношениях с Церковью поднять забрало перестраховки и показать лицо по-настоящему гражданской партии? «Не думаю, — говорит Лех Валенса, занимавшийся политикой со значком Богородицы на лацкане пиджака. — Нам еще предстоит сильно поспорить, чтобы понять взаимные ошибки, совершённые за последние 20 лет в отношениях государства и Церкви».

И, наконец, озаглавленное «Церковниками недовольны» интервью с политологом профессором Радославом Марковским в «Газете выборчей» (2010, №171/). Рассматривая результаты опросов, Марковский подчеркивает:

«Прежде всего бросается в глаза проблема роли Церкви на последних выборах. В выборочных опросах мы отметили небывалый спад поддержки тезиса, что Церковь должна играть значительную общественную роль. Настолько значительный спад, что в следующей серии опросов по всепольской предвыборной ситуации мы не будем этот вопрос задавать, так как ответы никак не дифференцируют поляков. Да, избиратели Ярослава Качинского чаще высказываются за то, что «Церковь должна иметь значительное влияние на государство и его политику», но таких всё меньше. А кроме того, те, кто на прошедших выборах составил новый (хотя неизвестно, стабильный ли) электорат Качинского, уже так не думают. По применяемой нами долгие годы 11 уровневой шкале ответ на этот вопрос у большинства поляков дал показатель 1,37. Это беспрецедентный результат, свидетельствующий, что поляки полностью отвергают вмешательство Церкви в политические дела. (...) Как мне кажется, на этих выборах людям мешали не

столько установки чисто религиозные, пусть даже необычайно консервативные, сколько национал-демократические и националистические. А именно такие установки доносились с амвонов — не всех, но довольно-таки многих, чтобы не обратить на это внимания. Церковь вообще не озаботилась религиозными ценностями. Ни образом жизни, ни подходами к браку или деторождению. В то же время звучали националистические призывы, фантазии по поводу религиозной государственности и национальной исключительности, а подчас еще и приправленные враждебностью к «русскому» и к «немцу». (...) Церковные установки перед выборами совершенно не соответствовали вызовам XXI века. Они были голосом распавшейся общины, лишенной чувства власти над собственной судьбой, а не голосом самостоятельных граждан. (...) В Польше всегда было огромное сопротивление тому, чтобы Церковь вмешивалась в политику. (...) В Польше к Церкви не относится ни один из нормальных критериев правового государства, прозрачности, общественного блага. Гражданин не может даже задать вопрос о финансах этой институции, а они никак не прозрачны. (...) Я в первый раз после выборов говорю так много о Церкви, потому что мне кажется, что происходит фундаментальное изменение в отношении к ней поляков, в особенности к ее общественной роли. Следует помнить, что в первом туре выборов кандидат Церкви получил только 36% голосов, хотя в Церковь ходит значительно больше поляков. Церковь должна была неслыханно воспротивиться против себя поляков».

Отвечая на вопрос Адама Лещинского, в самом ли деле Польша пенсионерская и церковная голосовала за Качинского, а трудящаяся и молодая — за Коморовского, Марковский сказал:

«Даже самая старшая возрастная группа уже не столь поддерживает ПиС, как раньше. В 2005 г. в группе старше 60 лет отношение голосов за ПиС и ГП составляло 70:30. Сейчас почти поровну. А если принять во внимание образованность, то преимущество Коморовского более выразительно, хотя детальные исследования дают неоднозначные результаты. Так, в 2005 г. люди с высшим образованием часто выбирали ПиС — пропорция была 1:1,5 в пользу ГП. На выборах 2007 г. пропорция возросла до 1:4. А на последних выборах составила 1:3 (...). Качинский сейчас имеет перевес только в группе с начальным образованием. И даже среди глубоко верующих ПиС теряет. В 2005 г. верующие проголосовали за ПиС в пропорции 4:1. Сейчас неполных 2:1 в пользу Ярослава Качинского. Несмотря на агитацию Церкви».

Изменение этих пропорций связано, конечно, с демографическими переменами. К избирательным урнам пришли родившиеся в 1987–1992 гг., то есть формировавшиеся уже в свободной Польше, не отягощенные памятью о ПНР, те, кому открыт весь мир, из которого они часто черпают примеры, иногда довольно экзотичные для пожилых людей. Когда я смотрю на своих студентов, меня удивляет свобода, с которой они говорят о своих путешествиях, их интерес к миру, знание иностранных языков, изменения в мышлении о собственной жизни, которую они в большинстве не собираются подчинить исключительно «польскому делу», — разумеется, они патриоты, но открытые, свободные от националистических фантазий, реалистически оценивающие положение собственной страны. Для них мышление о национальном государстве в категориях XIX века всё более чуждо, а именно к таким категориям часто обращаются представители старших поколений, в особенности политики Пис. В новой демографической ситуации, когда доминировать начинают люди, психологически сформированные иначе, чем их отцы и деды, должны вновь искать себя как политики, так и Польская Церковь. Пока же ни тем, ни другим не удается оказаться на уровне вызовов, вставших перед ними.

А ведь Церковь неоднократно доказывала, что может мыслить современно и вписаться в общественный — и даже политический — диалог важными инициативами, далеко выходящими за сиюминутный горизонт. Прекрасным тому примером стало в 1960-х письмо польских епископов немецким с радикальной формулой примирения: «прощаем и просим прощения». На текущий момент вызовом стали поиски сферы примирения между польской католической и русской православной Церковью. Первые робкие шаги были сделаны, о чем свидетельствует визит Иллариона, заместителя Кирилла, в Польшу. Эта инициатива — шанс улучшить атмосферу во взаимоотношениях между религиозными институтами, что очевидным образом ведет также к сближению между нашими обществами.